

Загадка 602-й версты

Владимир Андреевич Мильчаков

Аннотация

Владимир Андреевич Мильчаков известен читателю как автор остросюжетных произведений «Мои позывные — «Россия», «Таких щадить нельзя» и других.

Повесть В. А. Мильчакова динамична, построена на острых столкновениях героев. В ней рассказывается о событиях середины двадцатых годов, когда советским людям приходилось бороться с врагами, все еще пытающимися повернуть колесо истории назад. В центре повести — образ молодого чекиста Ивана Полозова.

Оглавление

- I Чекисты
- II Данило Когут
- III Первый удар
- IV Их было трое
- V 602 — я не отвечает
- VI Вмешательство «Николая Угодника»
- VII Плохие вести из лесосек
- VIII Допрос Кабелко
- IX Бандиты ищут карту
- X «Николай Угодник» схвачен
- XI Еще два Когута!
- XII Эхо таежных боев
- XIII Готов к новым заданиям

I Чекисты

Все тело ныло, налитое тупой, похожей на чрезмерную усталость, болью. Ивану казалось, что он лежит на чем — то твердом, что лежать ему очень неудобно, но все же он должен лежать, чтобы обязательно увидеть то, что происходит перед его глазами. Ему казалось, что он смотрит на происходящее со стороны, даже издали, и все же знает, о чем думает человек, как две капли воды похожий на него, знает, почему этот человек действует именно так, а не иначе.

Узкая, песчаная дорога смутно белеет в темноте. Всего лишь за несколько верст отсюда вырвалась она из лесной глухомани и сейчас

причудливо петляет по молодому сосновому бору. Боясь сбиться, всадник, мчавшийся сейчас, в самую глухую пору ночи, по этой дороге, вынужден был повторять все ее изгибы, в то время, как гнавшиеся за ним, видимо, хорошо знали эти места и спрямляли большое количество дорожных зигзагов. Преследователи приближались с каждой минутой, а под уходившим от погони конь запаленно храпел и спотыкался. Да и какой это был конь, просто заезженная мужицкая кляча, первое, что попало под руку человеку в сумятице выстрелов, топота и ругани, когда он выскочил из ярко освещенной горницы в кромешную темноту лесной ночи. К его удивлению вслед ему не раздалось ни одного выстрела «Струсил!.. Растерялись без главаря — то!..» — промелькнуло в голове беглеца, когда он, вскочив на спину даже не оседланной клячи и сбив с ног кого — то пытавшегося схватить ее за повод, ринулся по единственной лесной дорожке, сулившей спасение.

Но минут через пятнадцать, услышав за спиной топот погони, он понял, что, кроме главаря, нашелся еще кто — то, сумевший прекратить панику среди бандитов и даже организовать погоню.

«Не уйти, пожалуй, догонят, — тревожно подумал беглец, вглядываясь в ночную темноту. — Успеть бы выскочить на столбовую...» «Столбовая дорога» — так называли окрестные мужики почтовый тракт, потому что вдоль него тянулись верстовые столбы. До столбовой оставалось не более пяти — шести верст.

А ведь еще полчаса назад ничто не предвещало того, что события так круто изменят свое течение. В просторной горнице новой пятистенки лесника сидел в окружении наиболее доверенных дружков сам Василий Крюк. Давно закончилась гражданская война, бежали за кордон или были пойманы и расстреляны разные батьки и атаманы, а Василий Крюк все еще кружил по лесам, изредка налетая на волостные центры и снова скрываясь с награбленным добром в лесных дебрях.

Из собутыльников Крюк с наибольшим доброжелательством относился к молодому высокому парню, с вьющимися желтовато — белыми, как солома, волосами. Всех других он именовал по кличкам: Косой, Рыжий, Первач и только к блондину обращался уважительно, называя его Кореш.

И Первач и Рыжий косились на блондина, тем более что он появился в банде совсем недавно, не более недели. Но воля атамана — закон, тем более такого атамана, как Василий Крюк. Первач и Рыжий супились, но молчали. Им, правда, было известно, что блондин, прежде чем появиться здесь, был любимым ординарцем у

самого батьки Махно, затем перекочевал к Антонову, а после его разгрома вел жизнь вольного лесного бродяги, подобрав себе с десяток таких же, как он, головорезов. Месяца полтора назад милиция накрыла шайку бывшего махновца на ограблении кооператива. Бежать из — под конвоя удалось только одному — главарю разгромленной шайки.

Крюк с радостью принял под свою руку оставшегося без шайки атамана. В честь его он даже захотел ограбить тот магазин, на котором погорел его новый кореш.

Но сам он решил действовать более осмотрительно. Магазин был очень богатый, имел свои склады, но располагался в крупном волостном центре, куда с бухты — барахты не сунешься. Сидя в горнице лесника за столом, уставленным нехитрой, но сытной снедью и бутылками сорокаградусной, Крюк ждал еще одного своего знакомца. Тот пробирался к нему из соседнего уезда с остатками своей банды, уцелевшими после недавней схватки с чекистами. Он тоже шел под удачливую руку прославленного Василия Крюка. Сегодня прибудет это пополнение из надежных обстрелянных людей, а завтра Крюк устроит налет. Он разгромит богатый магазин, подожжет здания волкома и волисполкома, перестреляет коммунистов, которых успеет захватить дома, и снова на месяц — другой укроется в лесных логовищах.

Наконец в комнату заглянул стоявший «на стреме» Горбач и крикнул, что «на третьей просеке свистят». Крюк кивнул головой леснику, хозяину притона, и тот, захватив фонарь, молча вышел. Он должен был привести сюда вновь прибывшего главаря, а его дружков отправить на отсыпку в землянку, выкопанную поблизости под буреломом, где уже отдыхали после попойки главные силы Крюка.

Тут — то и произошел провал. Едва лишь лесник ввел гостя в горницу, как у того радостная улыбка, расплывшаяся на лице, вдруг сменилась выражением ужаса, и он, вытаращив глаза, уставился на сидящего рядом с Крюком блондина. Еще не понимая в чем дело, Крюк на всякий случай схватился за кобуру самовзвода, но блондин предупредил события. Выстрел его маузера, опрокинувший Крюка на лавку, слился с воплем вновь прибывшего:

— Полундра! Это же чекист — Ванька Полозов!..

Больше бандит не успел ничего сказать. Второй пулей блондин свалил и его, а затем, сбив лампу и стреляя куда попало, кинулся в дверь, в ночь, в темноту...

Погоня висела на хвосте. Уже был слышен не только топот идущих наметом коней, но и негромкие злые голоса и, кажется, даже звяканье уздечек. «Не уйти!..» Полозов, после короткого колебания, соскользнул с лошади, пробежал рядом с ней несколько шагов, сильно уколол ее концом ножа в репицу и шарахнулся в сторону от дороги. Дико закричав от жгучей боли, лошадь, освободившаяся от седока, рванулась вперед из последних сил. Через пару минут вслед за нею мимо этого места промчалось с полдесятка всадников, разгоряченных азартом погони.

«Кажется, вывернулся...» — думал Иван, пробираясь в темноте среди последних молодых сосенок. Бор кончился. Дальше тянулась унылая, заросшая жилистым вереском и кустами волчьих ягод пустошь, а за нею, всего в полуверсте, проходила столбовая дорога. «На столбовой наших разъездов сейчас нет! Придется переждать до утра у дороги, а то как раз напорешься на бандючью засаду».

Но бандиты оказались значительно ближе, чем можно было ожидать. Впереди послышались приближающиеся голоса. Бросившись на землю, Иван на фоне чуть светлевшего неба различил силуэты нескольких всадников, двигавшихся редкой цепью ему навстречу. «Догадались, дьяволы, что я где — то здесь. Другого пути к столбовой у меня нет, — пронеслось в голове Полозова. — Эх, рано я из леса выбрался». Он прополз несколько шагов вперед и затаился под широко раскинувшимся кустом вереска.

Бандиты двигались неторопливо шагах в двадцати друг от друга. Почти перед самым кустом, скрывавшим Ивана, всадник, ехавший в середине цепи, крикнул:

— Гляди в оба! Не мог он далеко скрыться. Тут где — то пришипился!

— Хрен его найдешь в темноте — то. Да и маузер у него. Не чета нашим обрезам. Самим смываться надо, пока чекисты не прижали.

— Вначале надо этого гада поймать, а потом смываться, — ответил ехавший в центре. — Он всех нас в лицо знает. Никуда от него теперь не спрячешься.

«Первач! — узнал говорившего Полозов. — На место Крюка нацелился. Зверь — мужик. Пожалуй, и Крюка за пояс заткнет, если атаманом станет. Жаль, что не зацепил его в горнице пуль».

Первач не видел прижавшегося к кусту чекиста. Ивана выдала лошадь. Почувствовав угрозу в затаившемся под кустом человеке,

она тревожно фыркнула и шарахнулась в сторону, едва не выбросив седока из седла. Осадив коня и склонившись к самой его шее, Первач пытался рассмотреть, что там есть в густой темноте, но последнее, что он увидел, была яркая вспышка выстрела. Бандиты видели, как сразу же вслед за этим из — под куста к дороге кинулся человек с маузером в руке, готовый встретить пулей любого, кто решится подойти к нему хотя бы на десяток шагов.

Впрочем, спутники Первача не проявили большего желания подъезжать на прямой выстрел. Услышав треск сучков и сухой травы под ногами бегущего, они открыли по нему беспорядочную стрельбу, а затем убрались от греха подальше. И никто из них так и не узнал, что почти у самого тракта шальная, вылушенная наугад пуля догнала чекиста. Сильный толчок в левое плечо опрокинул Ивана на землю. Чувствуя, как горячая кровь заливает грудь и стекает вниз к поясу, он пробовал идти и не смог. Тогда он пополз, скрипя зубами и ругаясь от боли. Полз из последних сил, ничего не видя перед собой, но чутьем знал, где находится дорога, на которую он обязан выйти во что бы то ни стало.

Ивану казалось, что он видит все это со стороны, что это не он ползет, теряя силы, но в то же время каждой клеточкой тела слышал боль, терзавшую ползущего в ночи человека. И когда позднее проезжавший по тракту крестьянин взваливал бессознательное тело чекиста на телегу, Иван снова ощутил ту нестерпимую боль, которая прожгла все тело раненого.

Он весь дернулся, застонал и, открыв глаза, долго вглядывался в дощатый потолок небольшой, залитой вечерними сумерками комнатухи.

Остатки кошмара, как клочья тумана, все еще клубились в мозгу, мешая разобрать, полностью ли оборвался сон и наступила реальность или нет. Ощущение тревоги и боли несколько минут еще мешало Ивану полностью освободиться от впечатлений тяжелого сна.

И все же, окончательно проснувшись, он с радостью обнаружил, что боль в простреленном плече ему только приснилась. Правда, плечо мозжило и сейчас, но это от того, что он неловко лежал, скатившись с подушки. Той боли, которая даже после долгого лечения в госпитале все время мучила его, сейчас не было.

«Должно быть, надежно заросло,— с удовлетворением подумал Иван и сладко потянулся, впервые после многих месяцев закинув левую руку за голову.— Потому и снится эта муть, что хворь отстала, а нервишки все еще барахлят. Неудачу помнят».

Полозов всерьез считал не полностью завершённую операцию крупной неудачей. Что толку в том, что банда, потеряв вожakov, рассыпалась, перестала существовать. Часть бандитов добровольно сдались ещё тогда, когда Иван лежал в госпитале, часть была переловлена и только несколько самых оголтелых ещё продолжали скрываться в лесных дебрях.

Пожалуй, Иван никому бы не признался в том, что ему было немного жаль Василия Крюка. «Зверь — мужик, конечно, — размышлял молодой чекист. — А все — таки жаль дурака. Снять бы с него стружку потолще, так лет в шесть со строгой изоляцией, посбивать офицерский гонор, глядишь, мог бы получиться стоящий человек. Не из господ. Сам говорил, что отец фельдшером работает. А так погиб не за понюх табаку, и у меня выхода другого не было».

Но сейчас даже эти сомнения уже не тревожили Ивана. Чувство полного выздоровления заглушило все остальное. Он снова потянулся и, откинув голову, заглянул в окно около изголовья койки.

А за окном, как всегда, шумели лохматые ели. Ни на минуту не умолкающий шум то опускался до чуть слышного шороха, то вдруг поднимался до гула, заглушавшего даже деловую перебранку маневровых паровозов на станции.

Станция была совсем рядом. Казарма стояла в десятке сажен от полотна железной дороги, между выходными стрелками и семафором. Когда — то в этой казарме жили ремонтные рабочие, а сейчас здесь размещался отдельный взвод охраны.

Хотя страна уже несколько лет жила мирной жизнью, но время все ещё стояло тревожное; Приходилось усиленно охранять все, до чего могла дотянуться рука врага. Поэтому — то и появился на небольшой железнодорожной станции, лежащей в самой гуще вятских лесов, этот взвод под командой Ивана Полозова. Сюда на спокойное место при глухой станции Полозов попал как в батальон выздоравливающих.

Поэтому сейчас дежурный по взводу отделкой Козаринов, наряжая очередную смену в караул, разговаривал с бойцами шепотом. Каждый раз, когда кто — нибудь задевал прикладом винтовки о пол, Козаринов косился на дверь в перегородке и, погрозив неосторожному кулаком, шепотом сулил ему «надавать чертей» и «показать кузькину мать» за то, что тот мог разбудить приболевшего с вечера командира.

Но Козаринов напрасно грозил бойцам. Полозов не спал. По — прежнему лежа на спине, закинув руки за голову, он прислушивался к тревожному шуму елей за стенами казармы, не обращая внимания на привычные звуки будничной боевой жизни взвода за перегородкой.

Могучий гул, похожий на разговор лесных великанов, доносившийся из — за окна, постепенно приглушил радостное настроение Полозова. С каждой минутой все более пасмурно становилось на душе молодого чекиста. И не удивительно. Горькая обида уже давно втайне грызла сердце юноши. Его — Ивана Полозова, с пятнадцати лет подружившегося с боевым конем и клинком уральской выковки, награжденного именным маузером и часами, словно старика — инвалида отправили в глухую дыру на покой, будто ни на что другое он уже не пригоден.

— Чертов мотрогон, — ругнулся про себя Иван, вспомнив свой разговор с Могутченко.

Могутченко был начальником особого отдела на узловой станции. В его — то распоряжение и направили из госпиталя Полозова.

— Поставил — таки на своем, хохол поперечный.

Разговор с Могутченко, о котором вспоминал сейчас Полозов, произошел месяца три тому назад. Разговор этот польстил Ивану и одновременно насторожил его.

Полозов и до этого хорошо знал Могутченко. Несмотря на большую разницу в возрасте и в служебном положении, между ними давно сложились короткие дружеские отношения, которые могут создаться только между людьми близкими по духу, непреклонными в своих стремлениях и одинаково преданными своим идеалам. Но в служебное подчинение к Могутченко Полозов попал впервые.

Начальник особого отдела, в прошлом моряк торгового флота, словно оправдывая свою фамилию, был коренастым сорокалетним крепышом. Его короткая шея все еще хранила стойкий загар южных морей. Как среди друзей, так и среди врагов Могутченко был известен абсолютным отсутствием страха и фанатической верой в то, что мировая революция, хотя и задержалась, но должна произойти в самое ближайшее время. Сослуживцам Могутченко также была известна его привязанность к большой, вывезенной с каких — то островов пенковой трубке, которая с трудом умещалась даже в его широченной ладони. Из всех Табаков для своей трубки Могутченко

предпочитал крепчайший самосад сорта «один курит — семеро падают».

В бурные годы революции и гражданской войны Могутченко много раз имел возможность распротиться с жизнью. Он побывал в руках белогвардейской и интервентской контрразведок, но выжил, сохранил свою курчавую голову и даже полюбившуюся ему пенковую трубку.

В девятнадцатом году, в Архангельске, во время допроса, английский контрразведчик выбил у Могутченко половину зубов. Причем выбил не подряд, сгоряча одним ударом, а через зуб, с помощью молотка и стального прута. Отлежавшись после истязаний в подвале контрразведки и выведенный тихой ночью для очередного допроса и пытки, Могутченко свернул шею своему плюгавому мучителю и его здоровенному, но не слишком расторопному подручному. Затем оделся в мундир контрразведчика и ушел на волю, пришибив на пути двух часовых, пытавшихся остановить незнакомого офицера, носившего не по росту длинный и узкий мундир.

Позднее, сколотив небольшой матросский отряд, Могутченко так расправлялся с интервентами и белогвардейцами, что они даже в официальных документах стали называть его «щербатым дьяволом».

Услышав об этом, Могутченко вначале страшно разозлился, но, когда комиссар матросского отряда — старый большевик растолковал ему, что брань врагов означает признание его заслуг перед революцией, успокоился и втайне гордился этой кличкой не меньше, чем орденом Красного Знамени и именным оружием.

Месяца три тому назад Могутченко, не выпуская изо рта трубки, сообщил Полозову:

— Ша, братишка! Агитировать тебя я не имею права. Революционный приказ обсуждать никому не позволено. Поедешь охранять лесосклад и мост у станции — и баста. А заодно и подлечишься. Воздух там здоровый, духовитый, лесной. А тебе главное — воздух, как врачи в предписании указали.

— Да я здоров! Совершенно здоров,— пробовал уклониться от лесного воздуха Иван.

— Ну — у — у! — насмешливо оглядел длинную и худую фигуру Полозова Могутченко. — Ишь ты! Здоров, значит? А ну, иди сюда!

Полозов подошел. Могутченко согнул правую руку в локте и приказал:

— Разогни!

Иван на секунду заколебался, но потом схватил Могутченко правой рукой за кулак, а левой, упершись в его словно высеченное из камня плечо, принялся разгибать руку начальника. С минуту он возился, пока, чуть не задохнувшись от натуги, понял, что эта задача ему не под силу.

Могутченко же смотрел на вспотевшего Ивана, как смотрит уверенный в своей силе добродушный сенбернар на еще не окрепшего, но заносчивого щенка.

— То — то же, — проговорил он, когда Полозов оставил свои бесполезные попытки. — А говоришь, здоров. Вот что, я к тебе на станцию приезжать буду. Не так чтобы очень часто, а раз в месяц обязательно заеду. И каждый раз буду проверять твою силу. Разогнешь руку, в тот же день возьму на оперативную работу. Договорились?

Могутченко говорил вполне серьезным тоном, но глаза его лукаво поблескивали.

— Договорились, — кивнул в ответ Иван и самолюбиво добавил: — Только ты не очень — то гордись. Через месяц я разогну твою лапу как миленькую.

— Давай, давай, — усмехнулся Могутченко. — А пока уточним обстановку боевых действий. Ты отвечаешь за сохранность железнодорожного моста. Он небольшой, но вредный. Рванет его какая —нибудь контра, и Москва на недельку будет отрезана от Владивостока. А неделя... сам понимаешь, в серьезный момент — срок большой. Да и склад... На нем ничего, кроме леса, нет. Но зато этого леса с полмиллиончика кубов наберется. Сухого, строевого. Подождут, такой кострище получится, ни пройти, ни проехать. Убытки будут огромные, сообщение прервано, да и леса кругом на сотни верст выгорят. Понял?

— Понял, — уныло ответил Полозов. — И буду я там вроде старика с дубинкой по складу ходить.

— Тю! Дурак! — искренне удивился Могутченко. — Мы ему даем тридцать боевых хлопцев, вооруженных, как надо, а он кочевряжится. Баста! Поезжай, охраняй, что поручено, и копи

здоровье. Оно тебе скоро понадобится. Учиться поедешь.

— Учиться?!— удивился Иван.— Куда?

— В Москву, братишка,— ответил Могутченко, и Полозов уловил в голосе начальника отдела скрытую зависть и сожаление. Это еще более удивило Ивана. Чему завидует начальник? Его поездке в Москву? Так ведь он и сам там часто бывает, по несколько раз в год. Иван недоверчиво посмотрел на Могутченко.

— Почему именно я должен ехать? А ты?

— Может, стоило подучить и меня,— невесело усмехнулся Могутченко, и Полозов разгадал затаенную тоску старого моряка, на всю жизнь оставшегося недоучкой. Но Могутченко уже спрятал невольно прорвавшееся чувство за шутливой фразой:

— Да ведь начальство — то у нас знаешь какое? Молодым дорогу открывает.

— Молодые подождать могут,— в тон ему ответил Иван.— А вот бугаев, вроде тебя, товарищ начальник, учить надо, а то они своими кулачищами такого натворить смогут....

— Вот, вот,— даже прищурился от удовольствия Могутченко, поняв, как задела Ивана неудачная попытка разогнуть его руку.— Пошлем тебя, поучишься года четыре — пять, войдешь в силу, а потом, этак году в тридцать втором, вернешься сюда и сядешь на мое место.

— Иди ты...— взвился Иван при одной мысли, что Могутченко может заподозрить его в карьеристских намерениях.— Мне и на моем месте неплохо. Да и не поеду я никуда. Дел и так невпроворот. Бандюков в лесу, что кукушек, а ты — учиться!

— Молодые чекистские кадры должны быть вооружены, кроме опыта работы, опыт — то у тебя есть, глубокими и всесторонними знаниями во всех областях науки, народного хозяйства и культуры,— назидательно и монотонно, как по шпаргалке, проговорил Могутченко явно не свои слова.— А ты что, считаешь себя опытным, но уже не молодым кадром?

Полозов мог говорить о чем угодно, кроме своего возраста, особенно если разговор шел с начальством.

— Ладно. Когда буду совсем здоров, тогда и поговорим, молодой

я или старый,— уклонился он от ответа и ретировался из кабинета Могутченко.

Дело в том, что еще мальчишкой в самом начале гражданской войны Иван через знакомого комбедчика достал справку, в которой удостоверялось, что он сын бедняка, с детства батрачил, имеет от роду восемнадцать лет и горячее желание с оружием в руках драться за мировую революцию. В этой справке все было правильно, кроме возраста, но она — то и помогла Ивану Полозову на пятнадцатом году стать солдатом революции. Выручил высокий рост и железное здоровье. Недаром он с пяти лет батрачил у самых кондовых кулаков. Титы Титычи умели закалять своих батраков. Слабосильные такой жизни не выдерживали, а из тех, кто выживал, получались железные люди. Но как Могутченко узнал подлинный возраст Полозова, для Ивана навсегда осталось загадкой.

С того дня, когда Иван Полозов разговаривал с Могутченко, пролетело уже немало времени. Отошла ягодная, а затем и грибная пора, пролились осенние дожди и по утрам хрупкий иней белил известкой шершавые вихры железнодорожных откосов, наконец выпал первый снежок, а Иван все не решался на вторую попытку разогнуть руку старого матроса.

Могутченко сдержал свое слово. Он часто появлялся на станции, порученной охране Полозова. Начальник отдела, случалось, приезжал на обычной дрезине, иногда выскакивал из мягкого вагона скорого поезда, а бывало и так, что он неторопливо вылезал из будки паровоза. Появлялся он в разное время дня и всегда без предупреждения. Каждый раз, оглядев чуть насмешливым взглядом фигуру Полозова, он спрашивал:

— Оживаешь?

— Твоими молитвами,— недовольно бросал в ответ Полозов и обычно добавлял:— Оживешь тут...

Но если говорить откровенно, то Полозов давно уже основательно кривил душой, не признавая целебных свойств лесного воздуха и спокойной, немного монотонной работы. Он и сам чувствовал, как медленно, но с каждым днем все более крепнет, как к нему возвращается здоровье. Могутченко, казалось, не замечал этого, не предлагал Ивану повторить опыт, а невозмутимо продолжал разговор.

— Контра не появляется? Склады не горят? Иль, может, были попытки?!

— Какие тут попытки,— хмурился Иван.— Леса кругом, безлюдие. Скука...

Услышав еще в первый свой приезд про скуку, Могутченко недовольно поморщился:

— С чего бы тебе здесь скучать?! На станции людей много. Ты их всех знаешь?

— А что?— насторожился Иван.— Разве есть что —нибудь? О ком ты?

— Да я не об этом,— отмахнулся начальник отдела.— Здесь люди, по —моему, надежные. Но ты —то их всех знаешь?

— Знаю,— вяло подтвердил Иван.— Работают, как положено.

— Как положено...— недовольно передразнил Ивана Могутченко.— А кроме этого, ты о них ничего не знаешь?! Про Данилу Когута слышал?

— Данило Когут?! А —а, это который обходчиком на шестьсот второй версте. Знаю. Рыжий, инвалид, на деревяшке шкандыбает.

— Хоть и шкандыбает, а все поздоровее тебя. Богатырь! Илья Муромец!— оценил Когута начальник отдела, оглядев долговязую и все еще тощую фигуру своего подчиненного.

— Битюги на лесовозке еще здоровее, так мне ими тоже интересоваться надо?— недовольный намеком, почтительно осведомился Полозов,

— Битюгами наш отдел не интересуется,— неожиданно рассердился Могутченко.— Подумал бы, чего городишь! Когуту пенсию как партизану платят. Об этом ты слышал?

От неожиданности Полозов даже остановился. О том, что Когут получает пенсию как красный партизан, он не знал.

— Сколько же ему платят?!

— Не помню, но платят неплохо,— ответил Могутченко и хитро прищурился, ожидая следующего вопроса.

— Зачем же ему работать?— удивился Иван.— Почему он в

такую глушь жить забрался? Почему не в городе живет?

— Первый твой вопрос дурацкий,— упрекнул Могутченко.— Не может человек без работы жить, если он не коренной паразит. А второй — правильный. Почему Когут здесь живет? Он сибиряк, там у него друзей полно да и родня, наверное, есть, а он сюда приехал. Ты, случайно, не знаешь почему?

— Не знаю,— признался Иван.

— И я не знаю,— заряжая свою пенковую мортиру самосадом, задумчиво ответил начальник отдела.— Не знаю, браток, не знаю. А вообще — то это интересно. Так, говоришь, около складов подозрительные людишки не шляются? И то хлеб.

Больше к разговору о Даниле Когуте Могутченко не возвращался. Но Иван понял, что не случайно начальник отдела упомянул эту фамилию. Ох, не случайно. Надо с этим обходчиком поближе познакомиться. «И как же я сам не додумался? — сетовал Иван.— Без намека не пошевелился».

II Данило Когут

Данило Романович Когут и впрямь оказался очень занятным человеком. Могутченко не случайно назвал его богатырем. Ростом в добрую сажень, с широченными плечами, могучей грудью, копной рыжих кудрей на голове и такой же огненной курчавой бородой, он по внешности действительно напоминал былинного русского богатыря. Когда Когут сидел, опершись локтями о стол и положив на скатерть тяжелые узловатые кулаки, со стороны и в самом деле могло показаться, что присел Илья Муромец отдохнуть чуток после тяжелых богатырских трудов.

Однако это впечатление пропадало, когда Данило Романович шел или, как определил Полозов, «шкандыбал». Вместо левой ноги у богатыря от колена шла деревяшка. Правда, как и положено, она была тоже богатырского размера. Когут сам смастерил ее из основательного обрубка полувековой липы.

На взгляд Полозова Данило Романович, несмотря на могучесть, был очень стар. Ему уже, безусловно, перевалило за пятьдесят. А вот жене Когута Гале никак нельзя было дать больше двадцати — двадцати трех лет. Иван недоумевал: что связало молодую женщину с человеком, который больше годился ей в отцы, но уж никак не в мужья. И ведь не дурнушка какая — нибудь, а писаная красавица. А

глаза у Гали... Иван каждый раз густо краснел, когда Галина останавливала на нем свой взгляд. Таких глаз, огневых и ласковых, дерзких и в то же время настороженных он ни у кого не видал.

Данило Романович, правда, не сразу, но все же разглядел, как действует взгляд его жены на молодого чекиста. Не раз прямо при Иване он шужливо предупреждал Галю.

— Ты бы поосторожнее, Галина, а то наш гость горницу спалить может. Гляди, как полыхает?! Чистый пламень!

В добродушно насмешливом почти отцовском отношении Данилы Когута к тому, как действуют на Ивана взгляды Гали, было что — то необычайное. В те времена любой муж счел бы своим неперменным долгом «проучить» жену, чтобы та не пялилась на посторонних, а заодно наcostылять шею и этому постороннему, чтобы впредь не повадно было ему заглядываться на чужих жен. Но Данило Романович, видимо, крепко верил своей Галине и, кажется, даже гордился тем, что его, не очень молодого, увечного человека, не за богатство, не за служебное положение, а вот просто так, ни за что любит молодая и красивая женщина.

Данило Романович оказался книголюбом, правда книголюбом не совсем обычным. Он признавал только те произведения, в которых рассказывалось о необычайных приключениях, о трагических событиях, о жизни физически и нравственно сильных людей, умевших прорываться через любые преграды к намеченной цели. В раздобывании таких книг Данило Когут был поистине неутомим. Собранная им библиотека с трудом размещалась на шести полках, тянувшихся вдоль всей стены во второй, чистой комнатке его домика на шестьсот второй версте. Полозов, знакомясь с библиотекою Когута, отметил про себя, что среди годовых комплектов «Всемирного следопыта», «Мира приключений», «Вокруг света», «На суше и на море», на полках стояло много таких книг, названия которых Иван даже не слышал. Скоро Полозов узнал, что в адрес Когута часто приходят посылки с книгами, что Даниле Романович из глуши вятских лесов сумел завязать крепкое знакомство с букинистами Москвы и Ленинграда.

Данило Романович не хранил свои литературные богатства под спудом. Все, кто работал на станции могли брать у него книги. Правда, любителей чтения было мало. Книгами Когута изредка пользовались только сам начальник станции бывший дворянин Жеребцов, да мечтательный юноша Станислав Кабелко, родом белорус, но из романтических побуждений придумавший себе

аристократических польских предков. Эти мифические предки в свое время сильно заинтересовали Могутченко. Но, выяснив правду, начальник отдела пренебрежительно махнул рукой:

— И с чего бы это посконного дурака к сиятельствам потянуло? Для девок, что ли? Нехай брешет, когда ему то любо, аристократ свинячий!

Неизвестно каким образом, но случайно обретенное начальником отдела прозвище получило известность, и золотушный, мечтательный юноша на долгое время превратился в «свинячего аристократа», объединявшего в своем лице сразу три должности: начальника, весовщика и сторожа багажного отделения. Кабелко обычно читал мало. Все свои свободные часы он посвящал ухаживанию за двумя перезревшими дочками Жеребцова, терзаясь сомнениями, на которой из них остановить свой выбор. Время от времени оскорбленные нерешительностью вздыхателя, обе девицы давали ему дружный отпор. И тогда, оставшись на несколько вечеров в одиночестве. Кабелко с горя искал забвения в литературе.

Зато Иван Полозов с первых же дней близкого знакомства с Когутом стал ревностным читателем его библиотеки. Книги интересовали его больше, чем сам Данило Когут и даже Галя.

До этого Иван, успевший проучиться всего полторы зимы в сельской школе, не подозревал, что о разведке и контрразведке могло быть написано столько книг. Сейчас он глотал их одну за другой, соглашаясь или не соглашаясь с выводами авторов, но всегда приходя в ярость от того, что о советской контрразведке ничего путного еще не написано. «Что за сволочной народ эти писатели,— не раз думал Иван, закончив очередную книжку.— О разных Джеках да Чарли разводят муть, а вот как Степка Петухов защучил колчаковского офицера связи — написать не могут. А ведь у Степки — то покруче получилось. Да и не из — за денег, не из — за наследства парень на пули лез».

Читая взятые у Когута книги, Иван заметил, что Данило Романович все их прочитывал от доски до доски. На полях корявым почерком Когута были начертаны краткие, но энергичные оценки вроде «парень — то башковитый» или «хитро придумал», «ну, уж это хреновина!» Вначале Полозова забавляли эти краткие сентенции, но они попадались почти на каждой странице и в конце концов Иван перестал обращать на них внимание.

Иван читал все книги подряд, но интересовался больше всего теми произведениями, в которых борьба шла не из — за денег или

власти, а из — за каких — либо более высоких ценностей, таких, как верность долгу, отмщение обидчику или уж, на худой конец, любовь к девушке.

Вот и сейчас Иван лежа раздумывал, не пойти ли ему к Даниле Романовичу. Говорили, что сегодня в адрес обходчика пришла посылка с книгами, и Полозову хотелось взглянуть на новинки.

— Пойду!— решил он и поднялся с постели. От ставшего уже привычным недомогания не осталось и следа. Голова была чистая, в висках не ломило и даже пробитое бандитской пулей плечо совсем не ныло.— Пойду на часок. Проветрюсь и книжку заменю.

Полозов оделся, вытащил из — под подушки наган, сунул его в рукав полушубка и вышел из комнаты.

— Я буду на шестьсот второй,— сказал он уже вернувшемуся с развода Козаринову.— Если что, позвоните...

— Идите, не сомневайтесь, товарищ командир,— козырнул в ответ отделком.— Все будет в порядке.

В распоряжении Полозова была дрезина, но в морозный светлый вечер не хотелось возиться с выводом ее на линию. После многих часов лежания в душной казарме холодный воздух бодрил Ивана. Да и пути — то было всего одна верста.

Иван размашисто зашагал вдоль рельсов к семафору. Он шел, глубоко вдыхая свежий морозный воздух, чувствуя, как весь наливается силой, что здоровье действительно вернулось.

Сразу же за семафором начинался железнодорожный мост, совсем небольшой, всего в три коротеньких пролета. Здесь, путаясь между холмов, зверея только в весеннее половодье, маленькая речушка Пижанка в течение многих веков вырыла глубокий, с отвесными берегами овраг. Шагая по узкой дощатой дорожке вдоль перил, Иван невольно подумал о том, сколько тысяч поездов остановилось бы в пути на всем протяжении от Москвы до Владивостока, если бы до этих гранитных устоев и стальных ферм дотянулась рука врага. Но, гарантируя сохранность моста и безопасность пролетающих по нему эшелонов, впереди зачернела фигура часового.

«Кто сегодня на посту?— взгляделся в темную фигуру Иван.— Кажется, Леоненко».

На посту и в самом деле стоял Леоненко. Чернявый коренастый украинец встретил и проводил командира взвода неторопливым поворотом головы и добродушной улыбкой. «Здоров, чертяка,— с легкой завистью подумал Иван, откозыряв часовому.— Ничего. Скоро и я наберу полную силу».

В сотне сажен за мостом полотно дороги выходило на высокую насыпь и, полого загибаясь влево, скрывалось в лесу. Куда бы с этой высокой насыпи Иван ни кинул взгляд, всюду чернел лес. Только узенькая полоса отчуждения да ничтожная площадка под станцией и складами были отвоеваны у густохвойных великанов. Отвоеваны ли? Ведь и на самой станции, около вокзала, пакгаузов и жилых помещений высятся эти гиганты. Лес словно отпрянул от станции, а затем, подумав, послал вперед своих самых стойких разведчиков, понаблюдать, чем заняты, над чем копошатся люди, осмелившиеся ворваться в самую средину лесной державы.

Вот и жилище обходчика шестьсот второй версты. Иван остановился на гребне высокой насыпи. Значительно ниже его, в котловине, на небольшой поляне приютился домик Когута. Два окна освещены. Данило Романович, проводив вечерний скорый на Москву, сейчас, конечно, готовится к любимому своему занятию — чаепитию. Галина, наверное, хлопочет у самовара, заваривая погуще, «с деготьком», как говорит старый Когут.

Полозов сбежал по крутому откосу насыпи. Хорошо натопанная тропинка проходила под самыми окнами и, завернув за угол, упиралась в дощатые ступени крыльца. Дальше было все как в тысячах других жилищ путевых обходчиков. Слева, в глубине двора, стояла банька, правее — хлев, дровяник и погреб. Посредине двора — колодец с воротом, по — хозяйственному убранный под дощатую шатровую крышу. А все это стандартное казенное обзаведение с трех сторон окружала стена стволов и хвоистых ветвей. Двор Когутов был просто врублен небольшим квадратом в густой, подступивший к полосе отчуждения, лес.

Иван по привычке без шума вошел в тесовые сени и удивленно остановился. Дверь в комнаты была полуоткрыта. Полозов знал, что Данило Романович, способный целый морозный день в одной рубашке колоть на дворе дрова, в комнатах любит тепло и даже жару. А тут на тебе! На улице градусов двадцать, а дверь чуть не настезь. Иван хотел уже окликнуть хозяев, когда до него донесся взволнованный голос Галины.

— Да чем так мучиться, лучше выкинуть им все и дело с концом. Пусть подавятся.

— Такие не подавятся,— ответил жене Данило Романович, и Полозов почувствовал в голосе Когута растерянность.— Нельзя им, Галя, отдавать наше. Тогда у них на руках все карты будут.

— Опять уезжать будем?— с легкой дрожью в голосе сказала Галя.— Куда, теперь?

— Никуда,— отрезал Данило Романович.— Ты ловко сообразила, куда спрятать. Только ты да я знаем, где что.

— Извести тебя могут...

— Шерстью не вышли. Что я теленок, что ли? Да и какая им от этого польза. Ведь я все могу в могилу унести.

— Ну так возьми и расскажи все Полозову или съезди на Узловую к Могутченко, пусть посодействует. Или в Москву стучись.

— Думал я об этом, Галя, да ведь как на это посмотрят? А там и моя судьба похоронена. Хоть облыжная, а похожая на правду. От такой штуки у любого голова закружится.

Разговор очень заинтересовал Полозова, но оставаться дальше незамеченным было нельзя. В комнате, словно почувствовав присутствие постороннего, замолчали. Затем послышалось постукивание деревяшки, видимо, Данило Романович решил закрыть дверь. Поэтому хлопнув сенною дверью, Иван притопнул ногами по полу и даже выбил что — то вроде чечетки, словно сильно прозяб на морозе.

— Гей, хозяйева!— весело окрикнул он.— Чего дверь — то не закроете, не лето!

— А, Иван Дмитриевич!— отозвался из комнаты Когут.— Догадался, что ты вот — вот заявишься. Заходи, заходи, чаевничать будем.

Иван вошел в переднюю комнату и плотно закрыл за собою дверь.

— Хорошо, что пришел,— суетился около него Данило Романович.— Прислали мне кое — что, сейчас покажу. А дверь — то мы отворяли от дыма. Галя самовар разжигала щепками, труба — то возьми и упади, язвы ее... Полна комната дыму была.

Раздеваясь, Иван сразу почувствовал в комнате какой — то непонятный запах. Ему после свежего морозного воздуха он показался особенно резким. Во всяком случае пахло не дымом от щепок. Запах был тонкий, приятный и незнакомый. «Курил кто — то, — догадался Иван. — Дорогие папиросы или табак высокого сорта. Сам Когут из староверов — не курит, значит здесь был кто — то чужой. Почему Данило Романович скрывает?»

Однако Полозов ни единым словом не обмолвился о своей догадке. Он спокойно выдержал наблюдающий взгляд Данилы Романовича, сделал вид, что не заметил тревоги в глазах Гали, и с интересом полистал книги, полученные хозяином. Затем долго, не спеша пили чай. Все было так, как было и до этого, как было уже много раз. И все же Иван чувствовал, что прежнее благополучие и покой ушли из семьи Когутов. Излишне шумлив был сам Данило Романович и необычайно сдержанно и настороженно держалась Галина. Казалось, что она все время к чему — то прислушивается, то ли к шуму елей за стенами, то ли к тому, что творилось в ее собственной душе. Заметил Иван и еще одну необычную вещь. В правом кармане штанов Данилы Романовича лежал револьвер. Наметанный глаз чекиста не мог ошибиться. Мирный путевой обходчик в своём доме, садясь за стол с женой и приятелем, на всякий случай держал в кармане боевое оружие.

Иван знал, что у Данилы Романовича есть именной наган, подаренный ему командованием. Когут сам как — то показал ему новенький хорошо обихоженный револьвер с серебряной пластинкой на рукоятке. Но тогда он достал наган из сундука, где оружие лежало не только в кобуре, но даже завернутое в промасленную тряпочку. А сейчас оно оттягивало карман широких пестрядинных штанов хозяина.

И снова Иван сделал вид, что ничего не заметил. Посидев дольше чем обычно, уже очень далеко за полночь, он начал собираться домой. Заворачивая парочку выбранных Иваном книг в старый номер «Гудка», Данило Романович предложил:

— Ты вот что, Иван Дмитриевич, приходи — ка завтра с ночевкой. Галина по субботнему делу баньку истопит. Знатно попаримся и бутылочкой пречистых слезок богоматери душу погреем.

— Ночевать — то зачем же? — удивился Иван. — Думаешь, я так упарюсь и упьюсь, что ходить разучусь?

— Ну, там увидим, как получится, — как — то серьезно, почти

строго ответил Данило Романович,— но баниться приходи обязательно.

— Приду,— пообещал Иван, прощаясь с гостеприимными хозяевами.— Засиделся я сегодня. Смотри, уже четвертый час отстукивают,— кивнул он на ходики, тикавшие на стене.

Несмотря на поздний час и крепкий мороз, Полозов не спешил с возвращением в свою казарму. Ему хотелось обдумать те непонятные факты, с которыми он столкнулся сегодня в семье Когутов. Вбежав по тропинке на крутой откос, Иван остановился и несколько минут стоял на полотне, оглядываясь и прислушиваясь. Ночь была безлунная, но чистое небо так густо усыпали крупные и очень яркие звезды, что их мерцание, разогнав темень, наполнило все вокруг серебристой синевой. Тишина и спокойствие. Однако Ивану более чем кому — либо было известно, какими обманчивыми могут быть эти спокойствие и тишина, если в них скрывается преступление. А в том, что в домик Когутов сегодня вечером заглянуло преступление, Иван не сомневался. Чекистское чутье почти физически ощутимо настораживало все чувства Полозова. «В чем же все — таки причина? Может быть, у Данилы Романовича в прошлом есть что — нибудь преступное? Да нет. Не может быть. Не такой он мужик».— Иван сразу же отбросил мелькнувшую было мысль. За последние два месяца он хорошо изучил характер и взгляды старого партизана и теперь полностью доверял ему. Тогда, может быть, Галя? Но мысль о причастности Галины к преступлению была настолько несуразной, что Иван раздраженно сплюнул, обругал сам себя бабдой и зашагал в сторону станции. Надо будет сегодня же написать Могутченко,— решил он, подходя к мосту.— Попросить совета. Может, стоит прямо спросить у Данилы Романовича, о каком «куске», шла речь и кто такие «они», которым «лучше выкинуть» этот кусок.

Но, восстанавливая в памяти подслушанный разговор, чтобы поточнее изложить его в донесении, Иван вдруг остановился, пораженный внезапно всплывшей мыслью. Ведь Данило Романович сказал: «Догадался что ты вот — вот заявишься». Не «ожидал» и не «рассчитывал», а именно «догадался». Догадка никогда не приходит сама, на нее кто — нибудь или что — нибудь обязательно наталкивает. Кто же мог натолкнуть Данилу Романовича на такую догадку?

Между уходом неизвестных из домика Когутов и приходом туда Полозова прошло не очень много времени. Минут пятнадцать, не больше. Значит это он — Полозов, своим приходом спугнул «их» и избавил Данилу Романовича от нежелательных гостей. Видимо, посетители, прежде чем войти в домик Когутов, оставили кого — то

наблюдать, чтобы им не отрезали путь к отступлению. Наблюдатель, наверное, стоял на полотне или лежал на краю насыпи. По его сигналу неизвестные и ушли из домика, по всей вероятности не закончив разговора. Ушли низом, не поднимаясь на насыпь, и в сторону переезда, а не станции, иначе он увидел бы их. Видимо, Данило Романович понял причину быстрого ухода своих посетителей, а затем проговорился об этом.

Иван заколебался. Не вернуться ли? Снежок, правда, тонкий и лежит не сплошным ковром, но следы обнаружить все — таки можно. Но, взглянув себе под ноги, Иван отказался от этого намерения. Слишком темно. Следы можно будет разыскать и завтра. Правда, осмотр места днем покажет старому Когуту, что Иван слышал его разговор с женой. Но к тому времени от Могутченко прибудет посыльный с санкцией на прямой разговор с Когутом и таиться от Данилы Романовича будет незачем. А в том, что Могутченко такую санкцию даст, Иван не сомневался.

Вернувшись в казарму, Полозов написал подробное донесение и с первым же поездом отправил бойца на Узловую, приказавшему вручить пакет только лично Могутченко и никому другому.

III Первый удар

Но утром посмотреть следы незваных гостей Ивану не удалось. И помешало этому совсем не то, что даже к полудню нарочный не вернулся с Узловой. Просто на рассвете начался сильный снегопад.

К полудню Полозов начал тревожиться всерьез. Скоро начнет темнеть, а ответа от Могутченко все еще нет. В баню к Когутам надо идти в шесть — семь, то есть тогда, когда уже будет совсем темно. Вчера незваные гости явились в ранних сумерках, не явятся ли они в это время и сегодня? Хорошего от этой встречи ждать нечего.

Полозову вспомнилось, что Данило Романович рассчитывал сегодня после бани оставить его ночевать. Видимо, старый Когут хотел заручиться его поддержкой на сегодняшней вечер. Нет, определенно старику нужна помощь, экстренная помощь.

Приняв решение, Иван некоторое время колебался, кого из двух бывших пограничников, служивших сейчас в его взводе, Леоненко или Старостина лучше послать на задание. Наконец решил, Старостина. Постарше все — таки, опыта больше, недаром сверхсрочником несколько лет служил. Когда начало смеркаться,

Иван вызвал Старостина к себе в комнатушку.

— Будете ходить дозором по полотну, сто сажень в ту и в другую сторону от будки шестьсот второй версты. Задача: наблюдать за всеми, кто пойдет в домик Когутов. В случае чего — либо подозрительного поднимайте тревогу выстрелом и идите на помощь Когуту. Ясно?

— Так точно. Все ясно, товарищ командир!

— С дозора сниму сам в семнадцать ноль — ноль или около того. О содержании задания доложите только отделкому Козаринову. Больше никому ни слова. Ясно?

— Ясно. Разрешите действовать?

— Идите. Смотрите в оба там.

Старостин ушел, а Иван с неудовольствием подумал, что бойцу придется провести без смены часа четыре. И подменить некем. Задание необычное, а бывших пограничников во взводе всего два. Леоненко сейчас в наряде.

— Ладно, — решил Иван. — Пораньше пойду баниться. Сменю Старостина часа в четыре.

Но провести этот вечер в семье Когутов Полозову не пришлось. Часа через два после выхода Старостина с дозор с самого отдаленного поста на лесоскладе донеслись выстрелы.

Полозов сам повел большую часть свободных от наряда людей к месту перестрелки. Караульному начальнику он приказал проверить все остальные посты и усилить охрану моста.

Пробегая по узким переулкам между высоченных, с двухэтажный дом, штабелей строевого леса, Иван напряженно прислушивался к нервной перебранке выстрелов, с каждым шагом становившихся все ближе.

Тяжело и неторопливо бухала винтовка — это стрелял часовой. Частая и звонкая скороговорка ответных выстрелов была похожа на тьявканье разъяренной стаи собак.

— Из наганов бьют, — на ходу определил Иван и, услышав, как над головой начали тоскливо посвистывать пули, крикнул своим: — Поближе к штабелям держитесь. Быстрее! За мной!

Однако еще до того, как Полозов с бойцами выбрался из узких переулков склада, перестрелка стихла.

На посту было темно. Часовой с вышки увидел подбегавших, скомандовал: «Ложись! Стрелять буду!», но услышав голос Полозова, обрадованно воскликнул:

— Простите, не узнал, товарищ командир. Фонари сволочи разбили, ни черта не видно.

Раскинув прибежавших с ним бойцов цепью вдоль окраины склада и послав за запасными фонарями, Полозов поднялся на вышку.

Часовой доложил, что в сумерках из леса вышли четыре человека. На окрики часового они ответили руганью и стрельбой. Первыми же выстрелами были разбиты ближайшие фонари. После этого нападавшие начали бить по вышке. Часовой ответил на огонь. Нападавшие, прячась за деревьями, несколько минут вели активную перестрелку, а затем, отстреливаясь, отошли.

— Может, под прикрытием огня кто —нибудь проскочил на склад?— спросил Иван часового.

— Ручаться не могу, товарищ командир,— ответил тот.— Надо по следу посмотреть.

Когда принесли фонари, Иван убедился, что нападавшие не переступали границы склада. Тогда он с Козариновым и двумя бойцами вышел на опушку леса, туда, где начинались следы налетчиков.

Подсвечивая фонарями, Иван со своими спутниками направился в глубину леса. Оказалось, что четыре следа было, только около самого склада. Дальше они сливались. И к складу и от склада неизвестные шли след в след «волчьей стежкой». Замыкающим среди них был человек, обутый в широкие разношенные, грубо подшитые валенки.

Версты четыре бежал Иван по лесу, пытаясь догнать налетчиков. Наконец следы вывели на гладко наезженную лесовозную дорогу и исчезли. Как ни вглядывались Иван и Козаринов в блестящие под огнями фонарей ледяные колеи, отпечатков широких валенок разыскать не удалось.

Нельзя было даже определить, куда повернули налетчики, к лесоприемке или в глубь бора. На всякий случай Иван со своими товарищами добежал до лесоприемки, но, убедившись, что здесь никого чужих не было, вернулся на станцию.

Вести бесполезное преследование по лесу в ночное время Иван не стал.

Вернувшись в казарму около полуночи и даже не сняв полушубка, Иван позвонил в отдел. Он облегченно вздохнул, услышав в трубке спокойный басок Могутченко.

— Уехал, уехал твой посланец,— первым делом сообщил начальник отдела.— Чуть не сутки ждал меня, но все — таки дождался. С твоими наметками согласен. Действуй.

Иван доложил о происшествии сегодняшнего вечера. Выслушав Полозова, Могутченко довольно долго молчал.

— А больше ничего не было?— донесся до уже начинавшего терять терпение Ивана голос начальника.

— Ничего,— подтвердил Иван.— На склад они не прорвались.

— Сдается мне, что они и не пытались прорваться на склад,— ответил Могутченко.— Мост крепко держишь?

— Посты усилил. Люди предупреждены. Не подпустят.

— Сдается мне, что все — таки не в складе тут дело,— окончательно сформулировал свою мысль Могутченко.— Тут какая — то другая подлость готовится. Ты, конечно, со склада глаз не спускай, но и на мосту держи ушки на макушке. К утру сам приеду, посмотрю. Кстати, я договорился с железнодорожным начальством. Все твои посты будут связаны с казармой телефонами. За день — два сделают.

Повесив трубку, Иван попытался разобраться в обстановке. Начальник отдела подозревает, что неизвестные напали на пост для того, чтобы отвлечь внимание охраны от чего — то другого. От чего же? От моста? На первый взгляд похоже на правду, но только на первый взгляд. А на самом деле все выглядит очень наивно. Конечно, обстрелянный пост находится верстах в трех от моста. Ясно, что охранакинется к месту перестрелки. Но ведь посты — то с моста все равно не будут сняты, а наоборот их усилят. Значит, попытка отвлечь

внимание охраны от моста заранее обречена на провал. Не дураки же налетчики, должны же они понимать что нападение на любой пост насторожит охрану всех объектов. Тем более такое наглое, открытое нападение. Значит, дело не в складе и не в мосте. Могутченко прав. Они хотели отвлечь внимание от чего — то другого. От чего же?

В мозгу Ивана возникло подозрение, в котором он не сразу признался даже себе. Неужели этим «другим» является домик Когутов? Если так, то их замысел удался. В суматохе Полозов совсем забыл о Когуте, о бане и даже о посланном в дозор Старостине. Но поднимать такой переполох для того, чтобы помешать командиру взвода охраны прийти в дом путевого обходчика, это же стрельба из пушки по воробьям. Впрочем, по воробьям ли? Может быть, в домике Когута скрыто что — то такое, из — за чего стоит идти на любой риск. Так неужели все дело в Когуте? А если не в нем, то в чем же?

Глубоко задумавшийся Полозов не заметил, как в комнату вошел Козаринов.

— Товарищ командир,— с нескрываемой тревогой в голосе доложил отделком,— боец Старостин пропал.

— Как пропал?!— поразился Полозов.— Он вам докладывал, куда идет?

— Так точно, докладывал. Сорок минут тому назад я с двумя бойцами пошел подменить Старостина, но его нигде не оказалось.

— Что за чепуха?! Может быть, он у Когута. Я приказал ему зайти к ним, если потребуют обстоятельства.

— К Когуту мы не заходили, товарищ командир, но с насыпи через окна видно, что в домике Старостина нет. Там только один Данило Романович. Старик чаевничать собирается, самовар на стол ставил.

— Куда же мог пойти Старостин?— озадаченно проговорил Полозов, чувствуя сердцем, что произошло что — то страшное и непоправимое.— Кроме, как у Когута, ему быть негде.

Он встал и подошел к телефону. Данило Романович, пожалуй, единственный, кто мог сказать хоть что — нибудь о Старостине.

Но сколько Полозов ни крутил ручку, шестьсот вторая верста

не отвечала. «Куда они там подевались? Поезда все прошли, на линии Даниле Романовичу делать нечего. Да и Галя должна быть всегда дома. Неужели до сих пор в бане? А может, и на самом деле наше ЧП связано с Когутом? Но где же тогда Старостин?»— с нарастающим беспокойством думал Иван, настойчиво крутя ручку аппарата.

Через перегородку из общего помещения казармы доносились веселые голоса только что сменившихся с постов часовых. Намерзшиеся бойцы, довольные теплом казармы и ожидавшим их четырехчасовым отдыхом, оживленно болтали, смеялись, шутливо переругивались. Но вдруг хлопнула ведущая на улицу дверь, и веселую разноголосицу словно водой залило. В казарме установилась тишина. Полозов удивленно оторвался от телефона. Что там случилось? Может быть, Старостин вернулся? Раздалось торопливое постукивание деревяшки, распахнулась дверь, и в комнату не вошел, а ворвался старый Когут.

В нижней рубашке, с широко распахнутым воротом, смерзшимися на морозе волосами, он был страшен и одновременно жалок.

— Галку — то мою... Галку... убили... — растерянно глядя на Полозова, прохрипел Данило Романович и вдруг рухнул грудью на стол, вцепился пальцами в волосы и зашелся в диком зверином вое:— Галю — у — у! Галю — у — у... Галочку мою — у — у!..

С трудом удалось Полозову прекратить страшную в своем неистовстве истерику старика. Имевшийся во взводной аптечке флакончик валерьянки опустел больше чем наполовину, пока Данило Романович смог более или менее внятно рассказать о случившемся.

В этот вечер Когуты долго ждали Ивана Полозова. Данило Романович никак не хотел идти париться без него. Лишь прождав понапрасну до девяти часов вечера, раздосадованный Данило Романович вместе с Галей отправился в баню. Обрато старый Когут вернулся один, распаренный и умиротворенный. Галя задержалась, чтобы простирнуть кое — что из белья, благо горячей воды оставалось еще много.

— Поставь там самовар, — наказала она мужу. — Да смотри новую бутылку не распочинаяй. Для гостя приготовлена. Хватит тебе и того, что от прошлого раза осталось.

Во время возни с самоваром Даниле Романовичу показалось, что его кто — то окрикнул с полотна железной дороги. Но когда самовар

разгорелся и Данило Романович выглянул в сенную дверь, на полотне никого не было. Старик решил, что ему это просто показалось.

Вот вскипел самовар, Данило Романович собрал на стол, а Гали все не было. Прошло больше часа. Недовольный задержкой жены, Когут, как был в нательной рубахе и портах, вышел на крылечко и покричал. В бане горел свет, но Галя не отзывалась. Думая, что занявшись стиркой, жена не слышит его зова, Данило Романович, недовольно ворча, заковылял к бане. Дверь из предбанника в мыльню была открыта. Предчувствуя недоброе, Данило Романович вошел в баню и увидел, что лежащая на полу Галя мертва. В отчаянии старик с плачем и воплями обежал вокруг бани, пытаясь найти следы убийц, а затем, не одеваясь, забыв про морозную ночь, побежал за помощью к Полозову.

Не успокоив, а по существу оглушив почти потерявшего разум старика слоновьей дозой валерьянки, Иван позвонил на Узловую в отдел. Могутченко там уже не было. Полозову ответил Сазонов — помощник Могутченко. Ивану даже показалось, что в отделе ждали этого его звонка. Сазонов, выслушав сообщение Полозова, не раздумывая, ответил:

— Прими меры, чтобы все сохранилось, как было. С запасным паровозом к тебе выезжают судебный врач и следователь.

— Вот те на!— удивился Иван.— А следователь — то на черта нужен?! Сам справлюсь.

— Тише, Ваня, не кипятись,— осадил его Сазонов.— Так Могутченко приказал. Он как в воду смотрел. Видимо, ждал, что у тебя какая — то катавасия будет. И, видимо, еще чего — то ждет. Вот тебе его приказ. Держись в рамках командира взвода охраны. Свой чекистский опыт не выказывай. В общем с виду будь простым «Ванькой — взводным» и никаких гвоздей. А смотри между тем в оба, как чекист, зорко смотри. За это с тебя спросится. Понял?

— Ни черта я не понял,— недовольно ругнулся Полозов.— Мудрите вы что — то.

— Ну, а как же,— добродушно согласился Сазонов.— Конечно, мудрим. На то мы и начальство, чтобы мудрить. А ты главное, смотри в оба.

— Скоро ваши спецы приедут?— не скрывая раздражения, спросил Иван, чувствуя, что его все еще отводят от оперативной работы.

— Не позднее чем через час двадцать. Договорюсь — дадут зеленую улицу.

— Ладно. Жду.

— Главное — смотри, чтобы следы не затоптали.

— Никуда эти следы не денутся. Сейчас сам выеду туда.

Иван, приказав Козаринову с рассветом начать поиски Старостина, сам с четырьмя бойцами и Когутом, закутанным в необъятный постовой тулуп, помчался на дрезине к шестьсот второй версте. Мороз крепчал не на шутку. Бойцы подняли воротники теплых овчинных полушубков, сам Иван опустил уши треуха, и только Данило Романович не обращал никакого внимания на ледящий воздух, свистевший вокруг быстро мчавшейся дрезины. То ли действовала чрезмерная доза валерьянки, то ли просто сознание старика оупело под тяжестью страшного несчастья, но сейчас, по крайней мере внешне, Данило Романович казался спокойным.

IV Их было трое

Приехав на место, Иван поставил двух бойцов на посты, чтоб кто —нибудь не затоптал следов, а двух подменных вместе с Данилой Романовичем отправил в домик. В глубине души Иван считал выставление постов чепухой. Кто может затоптать следы, коль никого постороннего сейчас здесь нет и быть не может. Преступники, конечно, давно удрали. Но, чтобы не вызывать нареканий следователя, Иван поступил так, как сделал бы на его месте не особенно разбирающийся в таких делах, но расторопный и очень бдительный командир взвода охраны.

В баню, так и стоявшую с открытыми дверями, Иван не зашел, а, пробравшись целиной по неглубокому еще снегу, заглянул в банное окошко. Ему удалось рассмотреть только лицо лежавшей навзничь Галины, да кисть ее руки, судорожно вцепившейся в ворот кофточки.

Ивана поразило выражение, теперь уж навсегда оставшееся на лице молодой женщины. В нем не было боли, не было страха, а только глубокое изумление. Казалось, в последнее мгновение своей жизни Галина увидела что — то такое, чего никак не ожидала увидеть. Наверное, это явление было настолько необычным, что она не успела

даже испугаться и почувствовать, что умирает.

В домике Иван Полозов застал мертвую тишину. Подсменные бойцы, сняв ремни и расстегнув полушубки, усевшись на лавку, дремали, обняв поставленные между колен винтовки. Данило Романович, так и не скинув тулупа, лежал вниз лицом на топчане, застланном цветастым деревенским ковром из лоскутков. Топчан стоял у перегородки, разделявшей домик на кухню и горницу, и в лучшие дни исполнял обязанности то дивана, то койки для задержавшегося гостя. На стене у окна, между изголовьем топчана и столом, на котором сейчас стоял остывший самовар, висел линейный телефон. Полозов позвонил на станцию и справился о паровозе.

— Вышел с Узловой. В пути уже тридцать четыре минуты. Идет по зеленой улице,— ответил дежурный и после короткой паузы добавил:— Минут через сорок прибудет. Как там у вас?

— Пока ничего нового,— ответил Иван, недовольный, что о происшествии, наверное, уже узнали все на станции. «Из моих кто — то сболтнул,— подумал он.— Вернусь, всыплю, чтоб умели язык на привязи держать» и спросил:— Вы сможете пропустить паровоз прямо сюда? Успеете до четырехчасового московского?

— Безусловно. Минут через сорок ждите,— пообещал дежурный.

Услышав разговор, Когут поднялся и сел. Лицо его всегда румяное, пышущее здоровьем, осунулось и почернело. Борода повисла неряшливыми, перепутанными прядками, глаза ввалились.

— Кто приедет?— глухо спросил Когут.— Сам Могутченко?

— Могутченко сейчас нет в отделе,— ответил Полозов.— Приедут следователь и судебный врач.

— Не к чему это теперь,— деревянным голосом проговорил Когут.— Без всякой пользы...— и после долгой паузы спросил:— Следствие поведут?

— Обязательно, Данило Романович. Нельзя без этого.

— Поздно теперь,— уныло проговорил Когут, и Полозов догадался, что старик отвечает не ему, а самому себе, на какие — то свои мысли.— Не вернешь Галинку. А ведь она говорила... просила меня...

Лицо старика начало кривиться в горькой и беспомощной гримасе. Иван ласково положил руку на его плечо и дружески предложил:

— Поговорить нам надо, Данило Романович. По душам поговорить.

Когут вздрогнул, весь напрягся и уже осмысленно взглянул на Полозова, а затем огляделся вокруг.

— Что это я? В тулупе да и в исподнем так и сижу. Вот беда — то какая.

Он встал, снял тулуп, бережно положил его на лавку около бойцов и медленно побрел за перегородку. Иван, показав бойцам на ходики, тикающие на стене, негромко приказал:

— Через пятнадцать минут смените ребят, — и вышел следом за Данилой Романовичем.

Много раз Иван заходил в эту комнату. Рылся в книгах, слушал рассказы старого Когута о партизанских делах, случалось и выпивал с ним под жирные сибирские пельмени. И всегда хозяева были рады его приходу. Он приходил как друг. А сегодня он здесь потому, что сюда сунуло свою звериную морду преступление. Сейчас молодая красивая женщина, царившая в этой уютной комнате, лежит холодная и неподвижная на мокром полу выстывшей бани, а влюбленный в нее, словно юноша, седой великан бродит скованно, как манекен, не зная, что с собою сделать. И наверное, еще произойдет здесь что — то такое, подлинную сущность чего сможет рассмотреть только глаз чекиста.

— Данило Романович! — негромко окликнул старика Иван. — Кто мог это сделать?

— Если бы знать, — срывающимся голосом медленно проговорил Когут. — Если бы знать... — повторил он через мгновение. — Мог один пойти на такое. Так ведь его нет. Еще в двадцать третьем зарубеж утек, да там и сгинул. А если и не сгинул, так нет ему ходу к нам. Не мог он обратно вернуться.

Последние фразы Данило «Романович проговорил с торопливой горячностью. Полозову казалось, что старик не его, а себя убеждает в невозможности возвращения кого — то из — за границы.

— А может, не сгинул тот?— перебил его Иван.— Может, сумел и выжить, и через кордон к нам проскользнуть?

— Не могло этого быть,— упрямо повторил Данило Романович.

— Но, а если все — таки да вдруг?— настаивал Полозов, подавая Когуту рубашку, которую тот не мог никак разыскать, хотя она, приготовленная еще Галиной лежала на кровати, на самом виду.

— Если вдруг...— повторил Когут и посмотрел таким взглядом, что Ивану стало не по себе.— Тогда, значит, только у меня с ним будет разговор. Каждую кишку, каждую жилочку вытягивать буду отдельно.

Иван заколебался. Как вести разговор дальше? Нащупывать обстоятельства, которые привели к гибели Галины? Но ведь Когут может снова потерять контроль над собой. Новый приступ отчаяния приведет к тому, что старику не хватит сил для разговора со следователем. Нет, ни о чем, касавшемся Галины, сейчас спрашивать нельзя. Иван знал, что будет присутствовать при осмотре места происшествия, допросе Когута и даже, если захочет, то и при вскрытии Галины. А следователь, безусловно, задаст Когуту часть тех вопросов, которые интересуют сейчас его. Поэтому Иван спросил о том, что следователь не мог знать.

— Данило Романович! Чем вы были встревожены вчера вечером?

Когут бросил на Ивана короткий, настороженный взгляд. С минуту не отвечая, возился с воротом новой рубашки — пуговицы не пролезали в петли. Затем, словно припоминая, неуверенно проговорил:

— О чем мне было тревожиться? Вчера — не сегодня. Показалось тебе, выходит.

— Но вчера у вас наган лежал в кармане.

— Он и сегодня у меня тут,— перебил Ивана Когут.— Вынул почистить, да все руки не доходят, язвы его.

Иван заметил, что эти вопросы как бы пришпорили Когута. Он внутренне окреп, подобрался и в то же время насторожился. В нем произошел какой — то перелом. К лучшему или к худшему, Иван еще не мог разобрать. Но, желая отвлечь мысли Когута от гибели жены, Полозов спросил:

— Данило Романович, вы моего бойца Старостина знаете?

— Старостина?— переспросил Когут.— Это которого Старостина?

— Ну, у меня во взводе всего один Старостин. Григорий. Высокий такой, голосистый. Все украинские песни поет.

— Постой, постой,— заинтересовался Когут.— Это который до этого в пограничниках служил? Сибиряк? Как же, знаю. Приходилось разговаривать. Земляк все же, хоть он и из — под Бийска.

— Не он вам кричал сегодня с полотна?

Данило Романович долго не отвечал, смотрел куда — то мимо лица Полозова, должно быть, вспоминая окрик, послышавшийся ему часа полтора — два тому назад.

— А ведь похоже, паря, Старостин мне кричал. Его голос я слышал. Только ведь двойные рамы замазаны, двери закрыты, разве расслышишь хорошо — то, язви его. Но, выходит, твоя правда, Старостин мне кричал.— И тут же, подозрительно уставясь на Полозова, спросил:— А чего ему здесь надо было?

— Я его в Папиненки посылал,— на ходу придумал Иван.— Не помните, в какое время он кричал?

— Да уж часа полтора, поди, прошло. Из бани я в десять вернулся. Ну пока самовар стоношил, лучину опускать стал, тут он меня и окрикнул.

«Полтора часа,— прикинул в уме Иван.— Значит, примерно в двадцать два двадцать. Видимо, в это время и убивали Галю. Наверное, Старостин что — то заметил. Но почему он не стрелял? Почему не прибежал сюда? Может быть, сейчас он гонится за убийцами? Чушь. Я приказал ему идти на помощь Когуту. Куда же он делся?»

Не находя ответа на эти вопросы и не желая посвящать в них Когута, Иван решил спросить у Данилы Романовича о вчерашнем запахе дорогих папирос, но в этот момент зазвонил линейный телефон.

— Ваши запросились с полустанка,— сообщил дежурный.—

Через станцию пропустим с ходу. Ждите минут через восемь.

Иван взглянул на часы. «Здорово поднажали,— мелькнуло у него в голове.— На двадцать минут раньше срока».

И действительно, не прошло и десяти минут, как паровоз, весь окутавшись паром, с громким шипением затормозил против домика Когутов. Из единственного вагона выскочил такой же высокий, как и Полозов, человек в меховой кожаной куртке и помог спуститься со ступенек полному светловолосому толстяку в добротном ватном пальто с маленьким чемоданчиком в руках.

— Горин,— представился Ивану человек в кожанке.— По заданию Могутченко,— добавил он, знакомя Ивана с усатым толстяком.— Врач Шубин.

Полозов повел прибывших в домик, объясняя по дороге, где находится баня, в каком положении он видел тело Гали и как исчез посланный в дозор боец Старостин, которого сейчас ищут. Горин, дойдя до крылечка, огляделся, посмотрел на усыпанное крупными звездами черное небо и сказал:

— Пожалуй, подождем рассвета. Ни снегопада, ни оттепели не предвидится. Как вы думаете, Виталий Викентьевич?

— Для меня, конечно, удобнее делать вскрытие днем,— отдуваясь, ответил толстяк...— Но сейчас я должен посмотреть тело.

— Следы не затопчут?— спросил Ивана Горин, когда они втроем шли около тропинки, ведущей к бане.

— Некому,— ответил следователю Иван.— Кроме того, я выставил два поста.

— Очень хорошо,— одобрил Горин.— Прекрасно справились с задачей, товарищ командир взвода.

Доктор Шубин наклонился над телом Гали, внимательно оглядел ее лицо и, негромко произнося отдельно каждое слово, сказал:

— Мертва. Задушена. Руками.— Затем, взяв руку покойницы за кисть, несколько раз согнул и разогнул ее в локте и осторожно опустил на пол. Выпрямившись, он взглянул на Горина.— Преступление совершено не более двух часов тому назад. Вам это может пригодиться.

— Безусловно,— кивнул Горин.— Остальное вы считаете возможным отложить до рассвета?

— Конечно. Вскрытие только подтвердит то, что я вам уже оказал.

«Не более двух часов,— подумал Полозов, услышав слова врача.— Как раз в тот момент, когда Старостин кричал что — то Когуту. Значит, Старостин видел убийц. Теперь главное — разыскать Старостина».

Все трое, закрыв двери бани, направились в дом. Горин начал разговор с Дániлой Романовичем, а доктор Шубин, послушав несколько минут, прикорнул на топчане, подложив под голову свой чемоданчик.

Горин оказался опытным следователем. Попросив Полозова записывать показания Когута, он повел допрос так, как будто это было не следствие, а участливый разговор человека, сочувствующего другу, попавшему в беду.

Уже с первых слов допроса Иван убедился, что о Когуте он знал все — таки мало. Прежде всего оказалось, что Даниле Романовичу не далеко за пятьдесят, как считал Иван, а всего сорок шесть лет. Старила его необычная могучесть, густая старовечерская борода и, конечно, пережитое в годы гражданской войны. И Галине, оказалось, не двадцать три, а все тридцать. О своем прошлом Данило Романович говорил довольно подробно. Да, он из богатой семьи. В селе под Красноярском у них было большое хозяйство и, кроме того, в тайге хорошая заимка. Всего их три брата, живших нераздельно. Всем верховодил старик — отец, умерший уже после гражданской войны. Между братьями ладу не было. Старший Павел тянулся в верха, выслужил офицерский чин и революцию принял с ненавистью. Наступал с Колчаком до Урала, отступал с интервентами до Тихого океана, да там где — то и сгинул. Младший Сергей во всем шел наперекор старшему брату. Еще в шестнадцатом году он путался с анархистами, но затем, круто и бесповоротно порвав с ними, стал большевиком. Сейчас он где — то за границей. Большие дела вершит. Раза три — четыре в год письма присылает. Сам Данило Романович сначала пытался примирить всех — «свои же люди, думал, договоримся», но увидел, что все вокруг пошло в раскол, в начале гражданской войны повернул на дорожку младшего брата. О своих партизанских делах Когут сообщил очень коротко:

— Был. Воевал. Говорят, неплохо воевал, награжден два раза.— Затем, подумав, добавил:— Об этом уже все записывали и когда

пенсию давали, и до этого еще...

Иван рассчитывал, что Данило Романович так же откровенно будет говорить и об убийстве Галины. Однако едва разговор зашел о сегодняшнем трагическом событии, как Данило Романович не то что замкнулся, но стал говорить только о том, что видел сам, что случилось с ним, не допуская никаких догадок и предположений.

— Кого вы подозреваете?— спросил Горин, выслушав все, что рассказал ему Когут о событиях прошедшего вечера.

— Не знаю, на кого и думать,— глядя на Горина безучастно, ответил Когут.— Никого из станционных подозревать не могу. Со всеми у нас было все по — хорошему. Да и мало кто до нас касался. На отшибе живем.

— Может, с лесорубами не ладили?

— Я, как начался сезон, ни одного лесоруба не видел. А Галина, та и вовсе, по хозяйству все. Нет, с лесорубами ничего ни плохого, ни хорошего у нас не было.

— Никто из лесорубов не заходил к вам в дом?— уточнил Горин, и Полозов понял, что у следователя есть какая — то ниточка, ведущая в лес, в артели крестьян, завербованных на лесоразработки.

— Никогда такого не было,— категорическим тоном ответил Когут и в первый раз с начала допроса посмотрел на Полозова. Иван ответил ему невозмутимо — безразличным взглядом.

— Интересно, есть ли здесь в лесосеках рабочие, приехавшие из Сибири?— не обращаясь ни к кому конкретно, спросил Горин.

Когут ничего не ответил, но Иван понял, что этот вопрос неприятен Даниле Романовичу. Не дождавшись ответа от Когута, Горин взглянул на Ивана.

— Вы не интересовались этим, товарищ Полозов?

— А чего здесь делать сибирякам,— не дав открыть Ивану рта, ответил Когут.— В Сибири, паря, тайга — матушка на тыщи верст. Работы всем хватит.

— Да, конечно,— согласился Горин.— Вряд ли лесорубы из Сибири поедут сюда на работу. Но может быть, случайно кто — либо?

— Поинтересоваться, конечно, можно. Может, и найдется какой заблудный, — с безразличным видом ответил Когут и выжидательно взглянул на Горина. Но следовательно, казалось, думал о другом.

— За продуктами на Узловую ездите?

— Продукты свои. У меня корова, свинья, — довольный переменной темы, начал перечислять Когут. — Картошки, капусты и прочего осенью еще купил. А муку, сахар и разную мелочь на станции покупаем.

Из дальнейшего допроса Ивану ничего нового узнать не удалось. Горин явно старался нащупать, нет ли у Данилы Романовича врагов: здесь, на станции, или в лесосеках, или там, откуда он приехал, в селе под Красноярском. Данило Романович старательно припоминал, но так и не мог вспомнить ни одного врага.

— В гражданскую, конечно, были такие, и немало их было, — подытожил старый партизан. — Так ведь мы с ними за все рассчитались. Теперь, поди, и костей от этих подлецов не сыщешь.

Внимательно слушая ответы Когута следователю, Иван сделал для себя несколько важных выводов. Данила Романович скрыл от Горина, что вчера к нему кто — то приходил, и явно испугался вопроса о приехавших из Сибири лесорубах.

«Может быть, напомнить старику о вчерашнем...» — подумал Полозов, но тут же отказался от этой мысли. Он сам хотел разобраться во всем, да и приказ Могутченко держаться в рамках командира взвода охраны связывал ему руки. В то же время Иван понял, что Горин, видимо, от Могутченко знает такое, о чем ему, Полозову, еще не известно.

Немного уязвленный, Иван про себя снова обозвал своего начальника «чертовым мотрогоном». «Следователю сообщил, а своему брату — чекисту не доверил».

Но в глубине души Иван должен был признать, что Горин как следователь много сильнее и опытнее его. «Видать, прав чертов мотрогогон — придется и мне подучиться. С клинком и маузером я управляюсь получше любого Горина, но ведь клинком врагов рубать сподручно, а к своему советскому человеку в душу с ним не полезешь».

Между тем рассвело. В сопровождении успешного неплохо всхрапнуть доктора Шубина все вышли из домика. За ними

поспешил и Данило Романович.

Направляясь к бане, Горин, понизив голос, сказал Когуту:

— Не бередите себя, товарищ Когут. Мы и без вас справимся. Идите в дом, прилягте.

Но Данило Романович только упрямо передернул плечами и после паузы тихо сказал:

— Мне надо видеть. В последний раз видеть. Выдержу.

И Когут в самом деле все выдержал. Когда нужно стало перенести тело Гали в дом, он никому не позволил этого сделать. Осторожно, словно боясь разбудить, он поднял ее на руки и медленно, стараясь не слишком припадать на левую ногу, не «шкандыбать», понес через двор. Глаза его блестели сухим недобрым блеском, лицо сделалось совсем черным, и лишь у висков да на переносице выступили мертвенно бледные пятна. Ивану показалось, что если бы в этот момент кто —нибудь громко закричал: «Га — а — л — л — я — я!», Данило Романович упал бы мертвым.

В комнате, положив Гаю на топчан, Когут отошел к окну, прижался лбом к холодному заледеневшему стеклу и стоял молча, уставясь взглядом в покрытую снегом насыпь железнодорожного полотна.

Доктор Шубин еще до этого установил, что Галя задушена. Сейчас его правоту подтвердили черные пятна, выступившие на шее Гали. Но, осмотрев при полном дневном свете тело, Шубин взял Горина за рукав и вывел на улицу. О чем они там говорили, Полозов не знал, так как по знаку Горина остался в комнате около Данилы Романовича. Но, видимо, всего повидавший на своем веку, доктор Шубин нашел что — то такое в этих зловещих черных пятнах на шее покойницы, что спутало весь прежде намеченный план. Вернувшись с улицы, Горин подошел к Когуту.

— Данило Романович, — негромко окликнул он все еще стоявшего у окна Когута. — Такое дело... вскрытие здесь делать нельзя. Тело вашей жены придется увезти.

Повернувшийся было к следователю, Когут отшатнулся.

— Как увезти?! Куда? Не дам! — закричал он. — Сам здесь похороню! На ее любимом месте.

— Вы меня не поняли, Данило Романович,— мягко сказал Горин.— Мы увезем тело вашей жены всего на пять — шесть часов. Это необходимо в интересах следствия.

— Не дам!— отчаянно выкрикнул Когут, и в его голосе Иван снова услышал истерические нотки.— Искромсаете всю... голубку мою...

— Обещаю вам, что сделаю все очень осторожно,— с теплотой в голосе пообещал Шубин.

— Ведь всего на пять — шесть часов,— уговаривал Когута Горин.— И для вас это облегчение. Обрато мы привезем ее в гробу, как положено. Оповестим народ, и многие придут проводить ее. Я уверен, что ваша жена погибла от руки не простого убийцы.

Хотя последнюю фразу Горин сказал самым дружеским тоном, Когут дрогнул и смирился. Иван видел, что только невероятным напряжением воли Данило Романович задушил рвавшийся из горла вопль. И вновь показалось, что старый Когут чего — то испугался.

Через несколько минут вызванный со станции паровоз с вагоном остановился на путях против домика. Данило Романович сам донес тело жены до подножек вагона.

Все было готово к отправлению, когда на полотне дороги показался боец. На бегу он махал рукой и что — то кричал, но слов разобрать было невозможно. «Старостина нашли...— обожгла Ивана догадка.— Живого ли?»

— Товарищ командир! Нашли! Несут!.. Отделком Козаринов...— выдохнул в несколько приемов боец, подбежав к Ивану.

— Живой?!— нетерпеливо перебил его Полозов.

— Нет. Не живой. Убитого несут.

Доктор Шубин, уже забравшийся было в вагон, снова спустился на насыпь. Поползли минуты нетерпеливого ожидания. Наконец показалась группа медленно шагавших бойцов.

Старостина принесли на носилках, сделанных на скорую руку из двух жердочек и упругих лап пихтача. Он лежал молодой, красивый, совсем не похожий на мертвеца, только с чересчур белым бескровным лицом. Полозов, глядя на отслужившего свою службу бойца, подумал: «Как и Галина, удивился чему — то в смертный час».

На лице Старостина сохранилось выражение удивления, не испуга и боли, а именно удивления. Никаких следов борьбы. Кавалерийский полушубок нигде не порван, не собрался пузырями или морщинами, а по – военному щеголевато расправлен под туго подпоясанным ремнем. Только на левой стороне груди, на полушубке пушилось коротенькими шерстинками узкое, как щель, отверстие. «Как же они сумели тебя, Гриша, без борьбы, как теленка, взять на нож?» — с горьким упреком подумал Иван.

— Почему крови нет? — нарушил тяжелое молчание Горин. — Там, где он упал, была кровь? — спросил следователь у Козаринова.

— Он не там упал, — ответил Козаринов. — Его туда принесли. Крови там не было.

— Э, батенька! Какая кровь. — Почему — то раздраженно ответил Шубин. — Тут опытный мерзавец работал. Точно в сердце ударил. Видимо, поднаторел в таких ударах.

Козаринов протянул Полозову карабин Старостина. Иван осмотрел оружие. Карабин был спущен с предохранителя, стоял на боевом взводе. «Видимо. Старостин готовился стрелять, — предположил Иван. — Почему же тогда он подпустил к себе человека, в котором подозревал врага? Увидел что — то сильно его удивившее и не успел выстрелить. Что же он увидел?»

Поставив карабин на предохранитель, Иван вернул его Козаринову. И тут Полозов встретился взглядом с Дániлой Романовичем. В глазах Когута была боль и растерянность.

Взгляд Полозова смутил Данилу Романовича. Он торопливо отвёл глаза, неожиданно низким, поясным поклоном поклонился телу убитого бойца и, круто повернувшись, пошатываясь, начал спускаться с насыпи. Его никто не остановил. Горин ничего не заметил, а Полозов промолчал. Его время еще не наступило.

Через несколько минут паровоз умчал доктора Шубина и тела погибших на Узловую. Горин остался. Он хотел разобраться в следах убийц на снегу во дворе Когутов.

Когда следы были распутаны, выяснилась неожиданная картина. Преступников было трое. Пришли сюда они задолго до того, как начали действовать, быть может, еще во время, снегопада. Во всяком случае за стеной хлева, обращенной к лесу, осталась узкая полоса плотно утоптанного снега. В одном из углов, образованных концами бревен сруба, Иван заметил кучку окурков и был сильно

разочарован. Ведь в тот день в домике Когута пахло дорогими папиросами, а здесь обычные окурки сигарок. Правда, в окурках была не махорка, а легкий табак и бумага не газетная, а специально курительная, так называемая рисовая. На всякий случай, Иван собрал окурки и, завернув их в бумажку, сунул в карман полушубка.

— Зачем это?— удивился Горин.— Просто укажем в протоколе, что один из преступников курит легкий табак в рисовой бумаге, и довольно.

— А может, в них табак какой особенный?— ответил Полозов, смущаясь тем, что нарушил приказ Могутченко и проявил интерес, не свойственный командиру взвода.

— Ну, хватил,— усмехнулся Горин.— У нас в отделе пока что только дактилоскопия налажена. Табак на анализ в Москву посылать надо, а это знаешь сколько протянется? Месяца три не меньше.

Иван согласился, что посылать табак в Москву — дело долгое, но окурки из кармана все — таки не выбросил.

— Что же получается,— рассуждая вслух, заговорил Горин.— Преступники пробыли здесь долго. Может быть, часа четыре — пять.

— Часов девять, не меньше,— поправил следователя Иван.

— Откуда такая точность?— насмешливо спросил Горин.

— Восемнадцать окурков. На морозе часто крутить не будешь, а курил, судя по прикусу, один человек.

— Пожалуй, ты прав,— согласился следователь, с уважением взглянув на сообразительного взводного.— Значит, пока покойница обряжала скотину, топила баню, эта тройца сидела в засаде и следила за каждым ее шагом. Почему же они не напали на нее раньше? По — моему, потому, что и сам Когут все время был на дворе.

— Данило Романович два раз уходил в обход,— вставил Иван.

— Надолго уходил?

— Каждый раз часа на полтора — два.

— Тогда, значит, они караулили его. Но каждый раз им что — нибудь мешало. Днем по линии у вас народу много ходит?

— Порядочно. Магазинчик на станции торгует бойко. Особенно сорокаградусной.

— Вот, вот, а вечером их спугнул твой боец... как его?.. Старостин.

— Почему же вечером они начали с убийства Гали?

— Это пока неизвестно, но мы это узнаем. Итак, убедившись, что старик ушел, что женщина в бане одна, бандиты начали действовать. Пойдем по следам дальше.

А дальше выяснилось, что в баню зашел только один из троих. Судя по ширине шага, Иван определил, что это был самый высокий из преступников.

От бани все трое направились к домику, но, не дойдя до крыльца, вдруг круто свернули и стали за стеной сеней. «В этот момент их окликнул с насыпи Старостин»,— догадался Иван, эту же догадку высказал вслух и Горин. Затем, выйдя из — за угла сеней, трое преступников направились к насыпи, где их ждал с карабином на боевом взводе опытный боец, бывший пограничник Старостин.

— Что же произошло дальше? Как они могли убить Старостина? Ведь он же был насторожен, он уже заподозрил их в чем — то? — спросил, поднявшись вместе с Полозовым на насыпь, Горин.

Иван молча пожал плечами. Говорить он не мог. Только искоса взглянул на следователя, удивляясь, что тот не замечает ошеломившей его находки. Ведь из — за угла сеней бандитов к насыпи вел Данило Романович. Вот след его деревяшки, Иван был растерян, даже испуган. С таким чудовищным преступлением, с таким бездонным предательством ему пришлось столкнуться в первый раз. Самая мысль о соучастии Данилы Романовича в убийстве Гали показалась Ивану настолько дикой, что у него зарябило в глазах и снова замозжило простреленное плечо. Нет, не может быть такого. Однако вот они, отпечатки деревяшки Когута. Они прямо кричат. Почему этот опытный в распутывании разных преступлений следователь не видит такой явной, ужасной, противоестественной улики.

Не заметив удивленного взгляда Горина, Иван повернулся и начал спускаться с насыпи, Горин потянулся за ним. Иван еще раз прошел по следу к углу сеней. Нет, все правильно. Следы деревяшки

утверждают, что здесь вместе с убийцами жены стоял Данило Романович.

— Какие — то странные следы, — словно издалека донесся до Полозова голос Горина. — Необычная обувь.

Иван оглянулся. Горин стоял в трех шагах от него, рассматривая следы преступников, ведущие от бани. Еще сам не понимая, для чего он это делает, но определенно желая отвлечь внимание следователя от непонятого следа старого Когута, Иван отошел к Горину и, взглянув на заинтересовавший того след, ответил:

— Пустяки. Обычные сапоги обмотали тряпками, вот они так и отпечатались. Приемчик нехитрый, на дурака рассчитан.

— Значит, по — твоему, на меня, — беззлобно расхохотался Горин. — Благодарю за аттестацию.

— Ну, что ты, — смутился Иван. — Я про тебя и не думал. Просто так говорится.

— Ладно, ладно, все ясно, — примирительно ответил Горин. Ивану же только теперь стало понятно, почему следователь не обратил внимания на отпечаток деревяшки среди следов преступников. Сплошной хотя и неглубокий снег, лежавший на дворе, был весь испещрен этими отпечатками. Ведь Данило Романович после снегопада не один раз прошел и в баню, и в хлев, и к колодцу. Только опытный следопыт мог разобрать, что след деревяшки за углом сеней имеет отношение к цепочке следов преступников. «Жаль, — подумал Иван. — Снег тонок, а земля мерзлая. Снять отпечатки невозможно».

— Ты давно на этой станции, товарищ Полозов? — перебил мысли Ивана Горин. — Людей знаешь, обстановку знаешь. Что ты думаешь об этом убийстве?

Следователь взял Ивана за локоть, и они отошли к колодцу, стоявшему как раз посредине исхоженного ими вдоль и поперек двора. Здесь их никто не мог подслушать, если бы даже и захотел. Впрочем, Горин напрасно так берегся. Даже на полотне дороги никого не было, а Когут в домике с помощью двух бойцов растапливал печь, наводил порядок в комнатах и, кажется, намеревался кормить своих нежданных гостей то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом. Двух бойцов, оберегавших следы, Иван еще раньше отпустил в казарму.

Опершись о сруб, заглянув зачем — то в глубину колодца, Иван с минуту молчал, а затем, взглянув на терпеливо ожидавшего Горина, ответил:

— Откровенно говоря, ни черта не понимаю. Одно для меня ясно, Гаю убили не станционные.

— Думаешь, убийцы из лесорубов?

— Из тех, кто прикидывается лесорубами. Думаю, что убийцы приехали сюда из — за Когута. Но почему они начали с Гали?

— На первый взгляд убийство женщины бессмысленно, — согласился Горин. — Может быть, ее убили из мести. А может, она мешала убийцам расправиться с Когутом.

— Из мести? — задумчиво повторил Иван. — Едва ли. Скорее она действительно им чем — то помешала.

Иван вел разговор с Гориним, а в голове стояло: «Показать ему след Когута или не показывать? По горячке он дров наломать может. Нет, не покажу».

— — Ну, насчет женщины все выяснится позднее, — заговорил Горин. — Вот что, товарищ Полозов. Убийцы, видимо, приезжие, но у них есть подсобник среди ваших станционных. Такой, который может следить за Когутом и обо всем информировать преступников.

— Откуда ты это взял? — удивился Иван.

— Не я взял, а есть такие данные.

— А поточнее нельзя?

— Сведения об этом пока что очень неопределенные, — уклонился от ответа следователь.

«Не хочешь говорить и не надо, — с обидой подумал Иван. — Сам до всего доберусь. Еще пораньше, чем ты».

— Возможна и такая версия, что в убийстве жены замешан сам Когут, — понизив голос, сообщил Горин.

— Ты это всерьез?! — скорее с испугом, чем с удивлением спросил Иван, а в голове мелькнуло: «Значит, заметил след. А я — то думал, что он только в бумагах петрит. Вот, черт!»

— Каждую версию надо отрабатывать серьезно, — назидательно проговорил Горин. — Ведь очень подозрительно, что преступники, убив жену, не тронули мужа. Могли же они напасть на него, когда он шел из бани.

— Не могли, — твердо отверг это предложение Иван, с облегчением убедившись, что Горин в следах не разобрался. — Не могли, — еще раз повторил он. — С Данилой Романовичем они и втроем не справились бы. Силен старик, как бугай. Это раз. Потом у него всегда с собой оружие, а стреляет он, как бог. Это два. В — третьих, схватись они с ним на улице, часовой на мосту услышал бы шум борьбы и поднял бы тревогу. А кроме того, здесь еще патрулировал Старостин.

— Чего ты сердишься? — сделал удивленные глаза Горин. — Ведь я говорю: предположим такую версию, что старику почему — либо понадобилось убрать жену. Самому убирать нельзя, все равно докопаемся. Вот он и привлек трех дружков, приехавших из Сибири. Те дело сделали, а старик к тебе прибежал, истерику устроил. Причем это была настоящая истерика, а не розыгрыш. Старик очень любил свою жену, но вынужден был почему — то избавиться от нее. Почему? Пока не знаю. Но думаю, что найду и объяснения и доказательства.

«Все это очень похоже, на правду и все же это неправда», — почти с отчаянием подумал Полозов, понимая, что сейчас отпечатки деревяшки за углом сеней для Горина вполне достаточная улика, чтоб немедленно же арестовать Данилу Романовича и предъявить ему обвинение в убийстве жены. Чувствуя, как в нем поднимается неприязнь к этому самоуверенному человеку, Иван все же заставил себя усилием воли стать таким же спокойным и ответить с ядовитой усмешкой:

— Ты, версия, не брякни эту чушь Даниле Романовичу. А то он тебя, как муху пришибет, да и мне влетит за твою глупость. Он мужик горячий, ему одной такой, как ты, версии для успокоения нервов может не хватить. Эх, ты, версия... — уколов еще раз напоследок Горина этим непонятым и, как ему показалось, очень обидным словом, Иван отвернулся от него и зашагал к домику. Но Горин догнал его и, снова взяв за руку, добродушно рассмеялся.

— Не сердись. Я тебя нарочно разыграл за твое определение «на дурака рассчитано». Все — таки я, ей — богу, не дурак и твоего Данилу Романовича ни в чем не подозреваю. Я ведь из гимназии на фронт сразу штабным писарем угодил, а потом из меня секретаря

трибунала сделали. Так что научиться следы читать мне было не от кого. А ты что кончал?

— Четыре класса и три коридора церковноприходского,— все еще не остыв, хмуро ответил Полозов.

— Нет, серьезно?— допытывался Горин.— Хватит тебе сердиться.

— Да не сержусь я. А насчет школы правду сказал. Не учился я. Две зимы сторожихе из церковноприходского помогал полы мыть да печи топить, ну кое — чего и нахватался. А позднее двухмесячные курсы комсостава,— закончил Иван и покраснел. Ему вспомнилось, как он на этих курсах довел до столбняка преподавателя русского языка, написав в диктанте «у Тришки...» вместе, но при этом «у» и «т» старательно вывел заглавными. Придя в себя, преподаватель с трудом начертал за диктант тройку, опасливо косясь на именной маузер, висевший на боку Ивана.

Данило Романович, узнав, что преступники вчера чуть не весь день скрывались за его коровником, вскинул голову и недоверчиво взглянул на Горина.

— А не спутались вы? Неужели так было?

— Так, Данило Романович,— подтвердил Горин.

Когут долго молчал, орудуя рогачом у шестка. Наконец, всунув в протопившуюся печь чугунок с варевом, он поставил рогач и внимательно посмотрел на Ивана.

— Значит так и было?— не то спросил, не то подтвердил он.— Жаль выходит, что я вчера не заглянул за коровник. Я бы из них мешенюху для свиньи сделал.

— Но ведь их было трое,— напомнил Иван.— Они не дали бы вам и опомниться.

— Убили бы и все,— добавил Горин.

— Ну, убивать — то им меня не расчет,— зло бросил Когут и сразу же осекся.— Говорю, не вышло бы у них осилить. Я бы из них нащепал лучины.

Горин еще раз попытался добиться от Данилы Романовича дополнительных сведений, но безуспешно. Когут ничего больше не

добавил и все время только жалел, что не заскочил вчера за коровник, «чтобы прищучить всю сволочню одним разом».

К полудню Горин ушел на станцию, чтобы первым же проходящим поездом уехать на Узловую. Бойцов Иван отослал в казарму и наконец — то смог остаться наедине с Когутом.

V 602-я не отвечает

Явно обрадованный уходом следователя, Данило Романович уговорил Ивана остаться пообедать. Наблюдая за Когутом, Иван видел, что, после того как увезли тело жены, старый партизан взял себя в руки. Но, отвечая на вопросы Горина и разговаривая с Иваном, он делал это словно механически, все время занятый какой — то мыслью.

Уселись обедать. На столе появилась бутылка, купленная еще Галей для выпивки после бани. Данило Романович по — сибирски разлил водку в большие граненые стаканы.

— Ну, за ваше...— поднял он свой стакан.

— Назло врагам!..— чокнулся с ним Полозов. Выпили и захрустели холодными с ледком пластинами квашеной капусты. Иван думал: «Начать спрашивать сейчас или отложить до приезда Могутченко?..» И решил: «Сейчас».

— Данило Романович, почему вы следователю не все рассказали?— начал Иван разговор, глядя в упор на Когута.

— Как это не все? Рассказал, как было,— ответил Когут, но вдруг смутился, отвел глаза и торопливо начал разливать остаток водки в стаканы.

— Нет, не все,— не спуская с него глаз, повторил Иван.— О том, кто у вас был в пятницу перед моим приходом, вы Горину ничего не сказали. А ведь надо было.

К удивлению Ивана, Данило Романович довольно спокойно отнесся к этому вопросу. Он хитровато, но с некоторой долей удивления взглянул на собеседника.

— Заметил, значит? Догадался.

— Догадался.

— Дым от курева подсказал?

— И дым, и наган в вашем кармане, и то, что вы суетились не в меру, и Галя была необычная, встревоженная.

— Зорек,— определил Когут.— А я, старый дурак, думал, что провел тебя.

— О тех, кто приходил, нужно было сказать следователю,— повторил свою мысль Иван.

— Нельзя,— просто и сухо вато отрезал Когут.

— Почему?

— Потому что он следователь. Через бумаги узнать правду хочет. Тут не расследовать, тут воевать надо. Бить!

— Да, мне тоже сдается, что бить придется,— согласился Иван, сам не замечая, что заговорил интонациями Могутченко.— Вот если бы в пятницу сказали мне об этом, может быть, обошлось бы без боя.

— Чего ж ты сам — то не спросил тогда? — глухо спросил Когут и нахмурился.

— Видел, что вы встревожены и Гале не по себе,— проговорил Иван и сразу же пожалел. Лицо Когута снова стало чернеть, как в то время, когда он нес тело Гали, но Данило Романович вновь пересилил себя.

— Я тебе все расскажу, Ванюша,— по — прежнему глухо и не глядя на Полозова, заговорил он, впервые назвав Ивана просто по имени.— Теперь мне ничего не страшно. Дай срок, сегодня же расскажу. А ты уж сам все Могутченко объяснишь. Теперь вижу, одному мне не выстоять. Вот обряжу скотину, сделаю обход, провожу четырехчасовой на Москву и тогда поговорим. Долгий разговор у нас будет. Потому не спешу, но и откладывать не желаю.

Не прибирая со стола, Данило Романович встал, оделся и, захватив два ведра с пойлом для коровы, ушел в хлев.

Полозов долго ждал его возвращения. Позвонили из казармы и сообщили, что на станцию едет Могутченко.

— Пришлите дрезину!— приказал Полозов и, быстро одевшись, вышел на крыльцо. Данилы Романовича во дворе не было. Иван направился к коровнику. Неожиданно до его слуха донеслось что — то похожее не то на стон, не то на мычание. Стараясь ступать неслышно, Иван подошел к полуоткрытой двери хлева. Данило Романович стоял, обхватив руками столб, поддерживавший крышу хлева. Зажав в зубах снятый с головы треух, он бился виском о столб и глухо стонал. Иван тихо отошел, вернулся на крыльцо и оттуда окрикнул Когута. Не сразу появился в проеме дверей хлева Данило Романович, а когда появился, то, не выходя на свет, хрипло сказал:

— Я скоро, Ванюша. Кончаю уже.

— Мне придется уйти на часик — полтора.

— Конечно, иди. Приходи сразу после четырехчасового.

— Обязательно. Я вместе с Могутченко приду.

— Что ж, приходи с Могутченко,— после небольшой заминки ответил Данило Романович.

— Может, прислать вам сюда пару ребят, Данило Романович?— подходя поближе к хлеву и понизив голос, спросил Иван.— На всякий случай.

— Да ты что?— даже удивился Когут и вышел на свет. Лицо его было мрачно, глаза горели лихорадочным блеском, но были сухи, без следа слез.— На что мне твои ребята? Сейчас я в обход иду. На путях чужого близко к себе не подпущу, да и в дом ко мне теперь дуриком не заскочат. Знают, что я настороже. Иди спокойно, не сомневайся.

Подошла дрезина и остановилась против казармы.

— Вы уж дверь — то, пожалуйста, держите на запоре,— сказал на прощание Иван.— Да и сами берегитесь.

— Не сомневайся, поберегусь,— ответил Данило Романович.— Пока за Галину не рассчитаюсь, беречься буду,— он зашел в сени, вынес замок и запер дверь. Иван видел, что из — под полы полушубка Когута чуть выше подпояски торчит рукоятка нагана.

Поднявшись на насыпь к дрезине, Иван огляделся. На путях ни души. В лесу, сколько мог рассмотреть глаз — тоже. «Быть может,

оставить Коршунова здесь на всякий случай? — подумал Иван, взглянув на бойца, приведшего дрезину. — Обрато один поеду». Но кругом так светло и спокойно, первый снег придавал всему вокруг праздничный нарядный вид. Обычно хмурый сосновый бор, казалось, улыбался, поблескивая миллиардами снежинок — бриллиантов. «Не решатся они среди бела дня наскочить, — решил Иван. — Да и вернусь через час — полтора, еще солнце не сядет». Оглядев окрестности, Полозов помахал рукой Даниле Романовичу, выходящему из коровника с пустыми ведрами, сел рядом с бойцом на скамейку, и дрезина, с ходу набирая скорость под сильными руками Коршунова, помчалась к станции.

В казарме Полозова ожидал Могутченко.

— Что показало вскрытие? — нетерпеливо спросил Иван, забыв даже поприветствовать начальника.

— Дело темное, — понизив голос, чтобы не слышали за перегородкой, ответил Могутченко. — Задушена, но очень странным способом.

— Веревкой?

— В том — то и дело, что руками. Даже одной рукой. Правой. И всего двумя пальцами, большим и указательным.

— Чего же тут странного? — не понял Полозов.

— А то, что сила необыкновенная. Размозжены не только горловые хрящи, но и отростки шейных позвонков.

— Да что ты!? — поразился Иван. — Тисками горло сдавливали, что ли?

— Почтище, чем тисками, — подтвердил Могутченко. — Говорят, где — то в Африке есть обезьяны, которые способны такую шутку проделать. Гориллами называются.

— С ума сошли твои эксперты! — рассердился Полозов. — Невесть что брешут. А дактилоскопы что?!

— В том — то и дело, что про обезьян мне сказал Сладков. Начальник НТО. Он говорит, что такие... как — то по — научному называются концы пальцев... вот черт, забыл название. Так вот: такие концы пальцев бывают только у горилл.

Собеседники замолчали.

— Как Когут?— спугнул молчание Могутченко.

— Держится.

— Выкладывай все, что есть, кроме того, что Горину известно.

Прежде всего Полозов доложил начальнику о гибели Старостина, затем о следе деревяшки Когута среди следов спутников.

— Может, это случайность?— не поверил Могутченко.—
Может, Когут позднее по этому месту проходил?

— Нет,— категорически отверг догадки начальника Иван.—
След начался с этого места и вел к насыпи. Обратного следа нет.

— Как же он мог начаться с этого места?— удивился Могутченко.— С неба, что ли, спустился, аки архангел, и обратно вознесся?

— Это и меня удивило,— признался Иван.

— Чем же ты все это объясняешь?

— Ничем,— развел руками Полозов.— Пока ничем. Знаю только, что Данило Романович не мог участвовать в убийстве Гали.

Могутченко с минуту пристально глядел на Полозова, но молодой чекист не отвел глаз в сторону.

— Почему ты не показал этот след Горину?

— Во — первых, по твоему же приказу, я, как Ванька — взводный, не должен разбираться в таких делах,— попробовал отшутиться Иван, но, увидев как посуровели глаза начальника отдела, не кривя душой, сказал правду.

— Покажи я Горину этот след, он сразу же арестовал бы Когута.

— Ну и что же?

— Так не был же Данило Романович заодно с бандитами, говорю я тебе. А Горин этому не поверил бы. Для него главное факт, а не человек. Главное версия,— вспомнил Иван обозлившее его

слово.— Арестуй мы сейчас старика, так он, узнав, что мы ему не доверяем, с горя сразу же загнется. А ведь это наш человек! Красный партизан!

Снова установилось долгое и тягостное молчание.

— Ладно!— тряхнул курчавой головой Могутченко.— Я тебе поверю. Но вот поверит ли прокурор, если Когут окажется сообщником и нарежет винта куда — нибудь за Красноярск, в тайгу. Там его и с собаками не сыщешь.

— Не нарежет!— с радостным облегчением выкрикнул Полозов.— А насчет прокуроров, так они меня на каждом деле пугают, что данных мало и факт преступления не доказан, а потом кряхтят и подписывают санкции.

— Если ты в этом деле промахнешься, то в тебя вцепится не обычный прокурор, а военный. Эта братия похуже чертей. Гражданские прокуроры перед ними просто ангелы. И выручать я тебя не буду, не надейся.

— Есть не надеяться на выручку,— весело сверкнул глазами Полозов, поняв, что в этом запутанном деле начальник на его стороне.

— Выкладывай дальше, что у тебя есть.

Прислушиваясь к шуму проходящего через станцию четырехчасового поезда, Иван начал рассказывать, что произошло в пятницу, о том, как держался Данило Романович с Гориным и что сказал на прощание ему, Полозову.

Рассказ Ивана был прерван резким звонком. Встревоженный дежурный по станции доложил, что казарма шестьсот второй версты не отвечает на звонки.

Могутченко это сообщение необычайно взволновало. Сунув в карман недокуренную трубку и надевая полушубок, он на ходу приказал:

— Выводи и свою дрезину! Всех свободных от нарядов бери с собою. Быстро!

Через несколько минут две дрезины затормозили против домика Когута.

Бойцы, пробежав по снежной целине, охватили кольцом полянку. Могутченко и Полозов с двумя бойцами, убедившись, что двери в сени заперты изнутри, подошли к окнам. Задернутые занавески мешали разглядеть что — либо. Взобравшись на плечи бойца, Иван заглянул поверх занавески. Первое, что увидел, была нога Данилы Романовича, лежавшего на топчане. На столе по — прежнему было не прибрано после обеда. Но среди грязной посуды и стаканов Иван увидел еще одну недопитую бутылку водки. Откуда она взялась? Потом он разглядел, что на столе стоят два полных стакана, а третий валялся на краю стола в водочной луже.

Соскочив на землю, Иван доложил Могутченко об увиденном. Оба кинулись к двери в сени. На стук никто не ответил.

Под нажимом плеча начальника отдела дверь жалобно затрещала, подалась и наконец, не выдержав, сорвалась с крючка.

С оружием на боевом взводе Могутченко и Полозов вошли в первую комнату. Но стрелять было не в кого. Домик был пуст. На топчане, в спокойной позе, словно прилег отдохнуть, лежал Данило Романович. Но на горле старого партизана наливались сиреневой чернотой точно такие же пятна, какие Иван видел на горле Гали. Данило Романович был мертв и, судя по всему, умер еще до прихода четырехчасового.

Не только Иван, даже Могутченко растерялся. Куда девались преступники?

Запертая изнутри дверь сеней расшифровывалась быстро. Крючок на косяке, поставленный на попа, при крепком ударе дверью падал и попадал в петлю. Но это сразу же натолкнуло обоих чекистов на мысль, что среди преступников были люди, знавшие эту особенность крючка в домике Когутов. Куда же девались преступники, выбежав из домика после убийства? На оледеневшей тропинке не было никаких следов. Но не было следов и уходивших в лес. Значит, преступники все же вышли на железнодорожный путь. На станцию пойти они не могли. Там каждый новый человек как на ладони. Значит, они ушли по линии в глубь леса к переезду, на дорогу, ведущую в деревушку, где жили возчики и большинство лесорубов.

Иван знал, что до этой дороги не более полутора верст. Маловероятно, что преступников удастся догнать, но все же, взяв с собою четырех бойцов, он кинулся в погоню на дрезине.

Через четверть часа они остановились у переезда. В темноте

мимо них время от времени проезжали припоздавшие в лесосеке возчики. Продолжать погоню было бесполезно. Преступники, если их и не ждали здесь, безусловно, уехали, подсев поодиночке на сани к любому возвращавшемуся порожняком возчику. Попробуй сейчас разыскать их в десятке деревень и хуторов. Проверить, не ушли ли преступники в лесосеки? Иван даже плюнул от огорчения. Попробуй разыскать, коль лесосеки тянутся отдельными участками не на один десяток километров на окружности.

Иван счел за лучшее прекратить погоню и повернуть обратно.

Могутченко сидел у стола и вертел в руках наган с серебряной пластинкой на рукоятке. Иван сразу же узнал оружие Когута.

— У него из кармана вынул?— спросил он, кивнув на тело Данилы Романовича, после того как доложил Могутченко о бесцельности погони.

— На полу валялся,— ответил начальник отдела и поднес наган стволом к носу Полозова.— Чуешь, чем пахнет?

— Недавно стреляли!— удивился Иван, услышав пороховой запах.

— Да,— кивнул Могутченко.— Успел один раз выстрелить.

— Неужели промахнулся?

— Вот она,— Могутченко стволом нагана показал на стену выше двери. В бревне, почти у самого потолка, чернело маленькое пулевое отверстие.

— Стрелял он, похоже, отсюда,— подошел Могутченко к топчану, на котором лежало тело Когута.— Видимо, сидя стрелял в упор. А тот, в которого стрелял, сидел за столом напротив. Успел подбить руку. Поэтому и стакан с водкой опрокинул. А второго выстрела Когут сделать не успел. Прикончили.

Иван осторожно стал рассматривать бутылку с остатками водки, стаканы, но Могутченко, махнув рукой, остановил молодого чекиста.

— Бесполезное занятие. В перчатках были. Видать, ученая публика. Посмотри, что они там натворили,— кивнул начальник отдела на соседнюю комнату.

Иван шагнул в горницу и остановился в изумлении, Уютная

комната была разгромлена. Аккуратно застланная до этого постель стояла костром, белье и одежда, хранившиеся в двух сундуках, выброшены на пол, половина книг тоже валялась на полу, но некоторые полки остались нетронутыми.

«Не успели,— сообразил Иван.— Спугнули их звонки дежурного. Поняли сволочи, что сейчас мы нагрянем, и смылись».

— Хотел бы я знать, что они искали,— сказал Иван, глядя на весь разгром.

— Это — то мы, возможно, узнаем позднее,— обнадежил Ивана Могутченко.— Меня больше интересует — нашли ли они то, что искали.

— Нет, не нашли. Уверен, что не нашли.

— Откуда ты знаешь?

Иван высказал свои соображения насчет книг и третьего небольшого сундука, до которого бандиты не успели добраться.

— Ставлю тебе пять с плюсом,— насмешливо взглянул на Ивана Могутченко.— А если они нашли и потому прекратили поиски?

— Не думаю. Когут знал, чего они добиваются, и, конечно, запрятал это подальше. Бандитов просто спугнули звонки дежурного по станции.

— В общем, нам предстоит, кроме поимки неизвестных убийц, помешать неизвестно кому похитить неизвестно что, запрятанное хрен знает куда,— меланхолично подытожил Могутченко.

Начальник отдела явно был настроен пессимистически. Но Иван никак не мог согласиться с тем, что дело окончательно проиграно.

— В общем — то мы должны найти то, чего не сумели найти налетчики,— уточнил он.

— Желаю успеха,— кивнул Могутченко и, покосившись на Полозова, будничным тоном сказал:— А я ведь хотел забрать тебя отсюда. Вижу, что ты поздоровел, хотя моей руки, пожалуй, еще не разогнешь.

— Не — е — т,— протянул Иван.— О переводе я просить тебя не буду. Да ты и сам меня сейчас отсюда не выпустишь. Ох, и

хитрющий вы народ, хохлы!

— Хохлы народ вежливый, начальство уважают, не чета вам, кацапам,— беззлобно огрызнулся Могутченко.— В данном случае ты, похоже, прав. Разыскать то, к чему тянется эта сволота, ей, видимо, еще не удалось. Значит, мы должны взять его... в общем хрен знает что, но должны взять раньше, чем его сцапают эти прохвосты. Похоже то, что они ищут, очень ценная... то ли вещь, то ли бумага, то ли еще что — нибудь. Недаром они на три убийства сразу решились. И ведь знают, что если мы их возьмем, меньше расстрела не будет. А искать все это придется тебе. Так — то вот, товарищ Полозов. Сейчас сюда приедут Горин и Шубин. Оока время есть, давай свои соображения.

— Мне кажется...— начал Полозов, помолчал и начал снова:— Вообще я уверен, то, что они ищут, находится где — то здесь, в этом доме. Преступники, конечно, придут сюда, чтобы найти и взять то, что их интересует. Тут я и должен их накрыть.

— Как же все это ты думаешь организовать? — с порядочной долей ехидства спросил Могутченко.— Круглосуточную засаду? Так ведь они не дураки, на пустой крючок не клюнут.

— Над этим надо подумать,— после короткой паузы ответил Иван, хотя в общих чертах замысел будущей операции уже сложился в его голове.— Знаешь что? Время у нас еще есть. Похороны, опись имущества, вывоз имущества займут дня два — три. Эти дни я и часть моих бойцов будем находиться здесь на законном основании. Пусть Горин эти дни, не торопясь, ведет следствие, делает опись имущества. Под его прикрытием я обшарю в домике каждую щель, каждую половицу. Может быть, найду тайник. А если нет, то за это время отработаю план дальнейших действий и доложу тебе.

— Ладно,— согласился Могутченко.— Только запомни. Ты командир взвода охраны. Преступники не должны разглядеть в тебе чекиста, а только исправного служаку. Я не хочу, чтобы в тебе еще одну дыру сделали. Могут ведь угодить и ниже плеча. Никакой агентурной работы. Все, что нужно по этому вопросу, сделают другие. А ты следи, думай, решай и действуй быстро и смело, но осторожно.

— Нужно по агентуре проверить, нет ли среди лесорубов таких, которые приехали из Сибири, особенно из — под Красноярска,— предложил Иван.

— Это сделаем мы. С агентурой среди лесорубов у нас

слабовато. Сезонники. Да и те, кого мы искать будем, тоже не дураки. У них, конечно, превосходные липовые документы. Какие —нибудь вологодские или костромские. В общем, все материалы по сезонникам получит Горин. Он поведет следствие и дальше. Если появится какая — либо ниточка, сообщим.

— А какая ниточка до этого была у Горина? — спросил Иван.

— Очень ненадежная. Анонимка. Даже не одна, а три. И все разной рукой писаны. Обвиняли Когута в предательстве. Якобы он выдал белой контрразведке группу наших людей.

— Данило Романович?! Не может быть! — горячо заступился за покойного Иван.

— Я тоже так считаю. Но в анонимке указывается один конкретный момент. Действительно погибло много товарищей, а сам Когут уцелел. Люди, которые проверяли это дело по горячему следу, полностью обелили Когута. Но, к сожалению, все они погибли. Ни один до конца гражданской войны не дожил. У чекистов в те годы жизнь короче, чем сейчас, была.

— Не верю я в предательство Данилы Романовича, — повторил Полозов.

— Вот чудак — человек. Да никто этому не поверил. Анонимкам хода не дано. Сам Когут даже и не подозревал о них.

— Интересно бы взглянуть на эти анонимки.

— Не просто интересно, нужно, — поправил Ивана Могутченко и вытащил из своей полевой сумки большой конверт из черной плотной бумаги. — Вот привез тебе увеличенные фотокопии всех трех. Полюбуйся, может, догадаешься, кто их стряпал.

Иван, внимательно посмотрев на фотоснимки, сразу же выделил один из них.

— Вот этот почерк мне знаком, — сказал он, протягивая снимок Могутченко. — Кто так пишет, не помню, но определенно знакомый почерк.

— Да ну! — обрадовался Могутченко. — Постарайся вспомнить. Это, брат, такая зацепка. Вспоминай, душа из тебя вон!

— Вспомню, — пообещал Иван, пряча снимки в свою полевую

сумку.— Только я вот чего не понимаю. Если бандиты хотели что — то получить от Данилы Романовича, зачем они писали анонимки. Ведь анонимкам могли поверить, Когута посадить, и он стал бы для них недоступным.

— Сдается мне, они хотели, чтобы Когут понял, что мы ему не верим. Тогда бы он мог покладистее стать и пойти с ними на сговор. Только у покойного был не тот характер. Он вон им чем ответил,— кивнул Могутченко на след пули над дверью.

Чуть не целую неделю отняли у Ивана Полозова возня со следователем, похороны и оформление документов. Вскрытие произвел доктор Шубин. Вывод: Когут погиб от причины, погубившей и его жену. Был задушен рукой, необычной для человека силы и размера.

Выполнить желание Данилы Романовича — похоронить Галину на том месте, которое она очень любила при жизни, не удалось. Никто не знал, где это место. Поэтому Гаю, Данилу Романовича и Гришу Старостина похоронили в районном центре в селе Богородском на обычном кладбище. Народу на кладбище собралось очень много, несколько тысяч. Кроме станционных, пришло много лесорубов, лесовозчиков и жители по крайней мере десятка ближайших деревень. День был воскресный, зимой людям в деревне вообще делать нечего, скучно, даже похороны — развлечение. О трагической гибели Когутов и молодого бойца по окрестности ходили самые невероятные слухи. Поэтому большинство присутствующих на похоронах были просто любопытные, тем более что похороны предстояли необычные без попов, но с оркестром, приехавшим с Узловой. На могилах вместо крестов были установлены пирамидки, увенчанные пятиконечными, покрашенными суриком звездами. Пирамидки сварили из листовой стали железнодорожники, и подвыпившие мужики толковали, что из каждой выйдет не меньше чем на десятку добрых лемехов. На пирамидках были укреплены под стеклом фотографии погибших. У Данилы Романовича нашли только фотографию, снятую лет пятнадцать тому назад, где он выглядел совсем молодым.

— Господи сусе...— охали старухи, глядя на фотографии.— Какие все молодые да красивые. Им бы жить да жить, а они в одночасие... упокой их, господи, хоть и без попов похоронены.

Иван Полозов стоял у могилы и перебирал взглядом лица в столпившейся около могил и оркестра толпе. Возможно, где — то здесь стоят и те, кто убил Когутов и Старостина. Он пытался угадать их среди множества молодых и старых лиц. Ему казалось, что он

сможет узнать их по выражению глаз, по злорадству затаенных улыбок. Но все лица казались одинаковыми. Убийцы умели хорошо маскироваться под честных, сочувствующих чужому горю людей.

Домик на шестьсот второй версте опустел. Вновь принятый на работу обходчик ни за что не соглашался жить там, где только что погиб его предшественник. Он предпочитал в каждый обход делать по несколько верст лишних, но жить остался на станции.

Это дало возможность Полозову и Горину обшарить домик Когутов от фундамента до князька. Подполье под домом было просто перекопано, выстукан каждый вершок стен, проверена каждая половица и каждая балка в потолке, по листику перелистана каждая книга из библиотеки Данилы Романовича. Так же тщательно были обысканы все надворные постройки, но никакого тайника не было. Наконец Полозов и Горин единодушно пришли к выводу: больше искать негде. Необходимо было решать, как поступить с имуществом, оставшимся после погибших.

Родных и близких у Когутов не было. Младших: брат Данилы Романовича в это время находился за кордоном и вызвать его пока не удалось. Поэтому всю живность из хлева Когутов отправили на Узловую и отдали в распоряжение детского дома. Книги и одежду по указанию Могутченко, перевезли на время в казарму к Полозову и сложили в небольшой внутренней кладовке.

Еще сам не зная почему, прислушиваясь к какому — то невнятному голосу собственной интуиции, Иван перевозил вещи и книги Когутов в свою кладовую в мешках. Ни один предмет из мебели не был вывезен из опустевшего жилища путевого обходчика. Столы, стулья, табуретки, шкафы и сундук, в который Ивак сложил посуду, он приказал перетащить в горницу. Деревянную ногу Когута спрятал за опустевший шкаф в горнице.

Затем Полозов приказал приделать к двери горницы петли и запер ее на висячий замок. Оставшись один в комнате, Иван вырвал из полы своего полушубка несколько шерстинок и осторожно прилепил к отверстию для ключа. Черные шерстинки были совсем незаметны, но сам Иван всегда мог проконтролировать, вскрывался ли замок без него.

Дверь, ведущую с улицы в сени, починили и забили наглухо. Забивал, впрочем, Полозов самолично, предварительно оторвав в задней стене сеней две тесины и оставив их висеть свободно лишь на верхних гвоздях. Для постороннего взгляда жилище Когутов казалось накрепко забитым, но сам Полозов в любое время лог незаметно

проникнуть внутрь помещения.

Но вот закончена и эта работа. Перед тем, как покинуть осиротевшее жилище, Иван окинул взглядом дворик, баню, хлев, колодец и длинную поленницу дров, тянувшуюся от бани вдоль окраины дворика почти до насыпи. «Наготовил Данило Романович дров, не на одну зиму. Даже в дровяник не вошли. Любил тепло покойник», — подумал Иван и вдруг неожиданная мысль обожгла его. Наготовить такую гору дров одному, даже силачу вроде Когута, было не под силу. Дрова все березовые, и по расколу видно, что из толстых стволов. «С кем же Когут пилил их?!»

Иван знал, как лелеял Данило Романович свою Галину, даже пошло скотине обычно носил сам. И, конечно, он не позволил бы Галине целыми днями распиливать твердые, толстые березовые кряжи. «Надо будет узнать, кто нанимался пилить дрова Даниле Романовичу», — решил Полозов, покидая домик железнодорожного обходчика на шестьсот второй версте.

VI Вмешательство «Николая Угодника»

Целую неделю на маленькой лесной станции царил переполох. Гибель семьи Когутов и бойца Старостина взбудоражила всех. Каждый по — своему старался объяснить, как и почему произошло преступление, каждый высказывал свое мнение и считал правильным только свои соображения. Появилось множество слухов, иногда настолько несуразных, что, услышав их, наиболее рассудительные люди отплевывались и разводили руками: «И чего не наплетут пустобрехи, дай только зацепку».

Но где бы ни начинались эти разговоры и ни возникали эти слухи: на станции, в лесосеках или деревеньках, лежащих близко к кромке бора, все они обязательно самым коротким путем доходили к Могутченко. Уже в день гибели Галины он переключил всю информацию, поступающую в отдел из района станции, только на себя. Одновременно он позаботился и о расширении источников этой информации, ругая себя в душе за то, что не сделал этого раньше.

«Дуреть под старость начал или сроду такой был, — размышлял наедине с самим собою старый моряк. — Поверил старый пень, что на тихой станции, в глухомани, врагов нет, и проморгал. Трех хороших людей сгубили гады. В шею из отдела надо гнать за такую работу. На баштан, видать, мне пора, кавуны караулить, а не контру под жабры брать».

Но переживания свои Могутченко хранил в глубокой тайне. Внешне он оставался по – прежнему энергичным руководителем отдела. Ни у начальства, ни у подчиненных не возникало даже мысли ставить в вину Могутченко происшедшее на шестьсот второй версте.

Но начальника отдела это не утешало. Хотя люди его и не осуждали, сам себя он судил жестоко и безапелляционно. Только потому, как подробно стало освещаться в сводках отдела все, что происходило около маленькой станции, можно было судить, как круто изменил Могутченко отношение к этому району.

Первыми до отдела доходили слухи. Могутченко копался в этой разноголосице, пытаясь нащупать какую – нибудь ниточку. Вначале он отбрасывал как не заслуживающие внимания все разговоры, объяснявшие гибель Когутов неудачной любовью и ревностью. Могутченко было известно, что семейное счастье Гали и Данилы Романовича было построено на крепкой любви и доверии. Но вдруг в этой категории слухов появилась новая струйка. Среди лесорубов заговорили о том, что прежде, чем стать женой Когута, Галя была невестой кого – то другого, что у Данилы Романовича был жестокий и мстительный соперник. Как ни бился Могутченко, но выяснить первоисточник слуха не мог. Да и не получил этот слух широкого распространения, словно кто – то поспешно потушил его. Но начальник отдела отметил его в своей памяти и даже подумал, что, может быть, прав Горин, утверждавший, что Галю убили из мести. Заинтересовала Могутченко и болтовня подвыпивших лесорубов и возчиков, что Когутов якобы убили из – за золота. Что, мол, Когут привез из Сибири целый пуд золота, а здесь кто – то пронюхал, ну и... В пуд золота Могутченко не поверил, но целиком золотую версию отбрасывать не стал. Вспомнил, что в подслушанном Иваном Полозовым разговоре Галя уговаривала мужа «выкинуть им все и дело с концом». Нет, в слухах о золоте было что – то такое, что настораживало, заставляло задуматься. Могутченко сообщил об этом Полозову. Но больше всего начальник отдела отдал сил выявлению лиц, приехавших на лесоразработки из Восточной Сибири.

Обычная проверка не дала никаких результатов. Страна начинала строиться, лесоматериалов с каждым днем требовалось все больше и больше; и рабочих на лесоразработки вербовали где только могли. Но все же рабочих, официально приехавших из – под Красноярска или еще более восточных районов, в лесосеках не было. Еще меньше шансов было найти таких среди лесовозчиков.

Могутченко был уверен в том, что преступники не работают в лесу, а только замешались среди многочисленной армии лесорубов и

возчиков. Лесоразработки такого размера, как сейчас, велись впервые. Бараков для артелей рубщиков в глубине леса построить не успели, и это очень осложняло дело. В лесных бараках всякий неработающий был бы хорошо заметен. А сейчас, когда почти все лесорубы живут в десятках ближайших деревень, попробуй разобраться, кто из них настоящий лесоруб, кто только делает вид, что работает лесорубом. Официально проверку документов поголовно у всех живущих в ближайших деревнях проводить нельзя. Мало шансов на удачу, а преступники сразу насторожатся и наострят лыжи. Могутченко организовал проверку всеобщую, тщательную и негласную. Она шла, но скорых результатов от нее ожидать было нельзя.

И все же Могутченко более всего надеялся на эту медленно движущуюся тайную сеть, именно сеть с очень мелкими ячейками, которая сейчас процеживала сквозь себя всех приехавших и приезжающих в район лесозаготовок. Сеть уже выявила многих лесных бродяг – бандитов, думавших пересидеть тяжелое зимнее время, нырнув, как в море, в толпы лесорубов.

Те, кто уже попался в сеть, получают по заслугам за все, что они сделали, но Могутченко от этого было ничуть не легче. Людей, имеющих отношение к убийствам на маленькой станции, задержано не было. И начальнику отдела ничего не оставалось, как терпеливо ждать, что даст проверка и на кого выйдет в своем поиске Иван Полозов. Втайне на Полозова старый моряк надеялся больше, чем на проверку.

А Полозов пока ничем не мог порадовать своего друга и начальника. Иван думал, напряженно и непрерывно думал. Даже по ночам ему снилось, что он думает, то сидя в своей маленькой комнатухе, то перебирая книги из библиотечки Когута, то прощупывая по отдельности каждую вещь из одежды, оставшейся после Данилы Романовича, то вновь выстукивая каждое бревно в стенах домика на шестьсот второй версте. После таких изнуряющих и напряженных снов Иван вставал невыспавшийся, усталый более чем с вечера и злой. Он уходил на станцию или по полотну железной дороги в лес, бродил по морозному воздуху, но везде постоянно, как гвозди, вбитые в живое тело, его мучили вопросы, на которые он никак не мог найти ответа. А вопросов было много, очень много и настолько каверзных, что о них не подозревал даже такой дельный следователь, как Горин.

Больше всего Ивана мучил вопрос: почему Данило Романович вывел убийцу своей жены на полотно железной дороги? Теперь Полозов был уверен в том, что Старостин потому и подпустил к себе

подозрительных людей, что впереди них шел сам Когут. Это утверждают следы. Все в душе Ивана протестовало против обвинения Когута в таком подлом преступлении, но следы говорят, что в те минуты Данило Романович почему — то был вместе с убийцами. Почему? Когут унес эту тайну в могилу. Конечно, когда преступники будут пойманы, все выяснится, но насколько было бы легче схватить бандитов, если бы все обстоятельства были разгаданы сейчас. А сколько всего преступников?

При обсуждении этого вопроса с Гориным они пришли к выводу, что преступников было не менее восьми человек. Ведь в день убийства Гали склад обстреливали четыре человека, а в домик на шестьсот второй версте приходили трое. Это были не те, что обстреливали склад. Те не успели бы по лесовозной дороге, через лесосеку и дорогу, ведущую к переезду, добежать до домика Когутов. Иван лично проверил все возможные для них пути. Во всех случаях получалось, что им нужно было пробежать или проехать минимум семнадцать верст. Во времени такой рейс не укладывался.

Три в домике, четыре у склада, значит семь. Но Горин считает, что на станции есть человек, связанный с преступниками. И, видимо, он прав. Значит, всего получается восемь. Целая банда. Правда, признавая, что у него восемь противников, Иван все же делил их примерно поровну. Своими основными противниками он считал тех троих, которые были в домике Когута, ну и, может быть, думал он, сюда можно добавить четвертого — того, что на станции. А четверо, обстрелявшие склад, хотя и действовали заодно с первой четверкой, но, видимо, как подсобная сила, не участвовавшая в убийстве Когутов. Свои соображения Иван доложил Могутченко, и начальник отдела после некоторого раздумья согласился с ним.

— Сдается мне, что тут ты прав,— сказал тогда Могутченко.— Есть тут у нас одна зарубка. Если не сорвется, я тебе звякну. Кстати, был у Василия Крюка человек по кличке Горбач?

— Был,— подтвердил Иван.— Худой, жилистый такой. С лица сильно рябой.

— Он что, в самом деле горбатый?

— Нет. Просто длинный очень и сильно сутулый.

— Что еще о нем знаешь хорошего?

— Мало знаю. Изучить времени не было. Храбрости у него не отнимешь, а вот насчет ума не очень. Да, еще, он очень упрям, а

когда разозлится — прямо бешеный.

— Сдается мне, что это тот самый,— удовлетворенно ответил начальник отдела.— Ладно, жди. Скоро звякну.

Могутченко и в самом деле вскоре позвонил и одобрительно пробасил из телефонной трубки.

— Ты, брат, как в карты смотрел. Складскую четверку списывай.

— Взяли? Кто они?!

— Последыши твоего приятеля Василия Крюка. Сдаваться боялись, хвосты очень замараны.

— Но ведь они знают...— обрадовался Иван.

— Ни черта они не знают...— перебил его начальник отдела.— Знал Горбач, он у них за атамана был, а его живым взять не удалось. Не дался. Остальные — дубы.

— Но все же надо бы...— начал Иван.

— Все это мы делать будем. Тебя это не касается,— снова перебил его Могутченко, и Иван понял, что начальник сейчас не расположен вести разговор об агентурных способах поиска.— Ты мне скажи, кто анонимку стряпал? Узнал?

— Пока еще нет.

— Жалко. Ну, что ж, пока бувай здоров,— и Могутченко повесил трубку.

— Вот хохол поперечный,— привычно проворчал Полозов, отходя от телефона.— Сам же запретил мне совать нос в станционные дела, а ждет, что я ему анонимщика найду.

Но ругался Иван больше для очистки совести. Конечно, у него было мало возможности активно отыскивать автора анонимки, но он и не использовал ее в полную меру. Фактически он перестал бывать на станции и в пристанционных учреждениях, где якобы случайно мог заглянуть в бумаги, переписку и по почерку, пусть надеясь на счастливый случай, попытаться найти автора анонимки. Да что там. Ему до сих пор не удавалось установить, кто помогал Когуту пилить толстые березовые кряжи на дворе. Он уже склонялся к тому, что

таким помощником мог быть случайно забредший на станцию человек. Немало безработных шаталось в то время по дорогам России в поисках заработка. Любой из них мог быть нанят Данилой Романовичем на два — три дня.

Но автор анонимки или помощник в распиловке дров не интересовали пока что Полозова потому, что, пересматривая библиотеку, оставшуюся от Когута, он наткнулся на такое, что сразу же приковало к себе его внимание и заслонило все побочные линии поиска.

Листая книги Когута, Иван отметил одну особенность. Данило Романович с особым вниманием прочитывал те произведения, в которых рассказывалось о борьбе за золото. Как раз на полях таких книг и были накарябаны почерком Когута наиболее резкие оценки, выдававшие огромный интерес автора к этой теме. Из множества надписей внимание Ивана привлекла одна, сделанная химическим карандашом. Причем Когут даже послюнил бумагу на полях, чтобы запись была более заметна. Видимо, он и сам придавал отмеченному им произведению особое значение. Реплика звучала почти восторженно: «Вот, язви его! Как в воду глядел. Башковитый парень!» Видимо, все это относилось к автору произведения.

Иван внимательно прочел рассказ, особенно понравившийся покойнику. На него рассказ не произвел сильного впечатления. Это была написанная тусклым языком история о том, как в конце прошлого века три североамериканских золотоискателя зарыли несколько десятков пудов намытого ими золота в какой — то глухомани. Место клада обозначили на самодельной карте, а затем карту разрезали на три куска. Уже в двадцатых годах нашего века потомки золотоискателей никак не могут разыскать этот клад, так как, не желая делиться золотом, хранят втайне свои кусочки карты. Каждый по отдельности, они пытаются найти дорогу к заветному месту и гибнут в одиночестве, пытаясь пробиться сквозь преграды, которые ставит перед ними суровая природа американского севера.

«Что же могло заинтересовать Данилу Романовича в этой муре с золотом?» — подумал Иван, закрыв книгу и отложив ее в сторону. С минуту он сидел, обдумывая этот вопрос, но вдруг снова взял книгу и раскрыл ее на только что прочитанном рассказе. Ведь в подслушанном им разговоре на предложение Гали «выкинуть им все» Данило Романович ответил отказом. Как он тогда сказал? Да, он сказал: «У них на руках все карты будут». Карты?! Иван даже вздрогнул. Карты! Конечно, Данило Романович в данном случае говорил об обычных игральным картам, но в прочитанном им рассказе главное — это разрезанная карта. Иван почувствовал, что

зацепился за кончик нити, которая подсказывает ему, что нужно искать.

Иван внимательно взгляделся в страницу. Черт возьми! Как же он раньше не заметил. Ведь на странице, кроме записи, есть и другие отметки. Отдельные строчки были подчеркнуты, видимо, в момент чтения, ногтем. Подчеркнута как раз строка, где говорится о разрезывании карты, а потом где еще? А, вот! О чем тут? А — а! Кто и как хранил свой отрывок карты. Как же они их хранили? Первый в тяжелой старинной трости, фамильной реликвии, передававшейся из поколения в поколение старшему в роде. Ну у Данилы Романовича фамильных реликвий не было, да и вообще он не старший в роде. Второй герой рассказа хранил клочок карты в переплете старой библии. «И это нам не подходит», — отметил Иван. Переплетных книг у Когута было очень немного, и каждый переплет Иван совместно с Гориним проверил еще в домике. Третий герой рассказа хранил свой отрывок в ладанке, которую вместе с крестом всегда носил на шее. Иван усмехнулся. «Тяжеленная была ладанка. Всю шею, наверное, перетерла, И как он терпел, бедняга». У Данилы Романовича на шее не было ни креста, ни ладанок. Значит, и это в данном случае не подходит. И все — таки отгадка где — то близко. Но где? Возможно, как трость и ладанка, это была какая — то вещь, все время находившаяся при Даниле Романовиче. Не случайно тогда в разговоре с женой Данило Романович сказал, что Галина «ловко сообразила, куда спрятать», и добавил, что может унести в могилу. Возможно, карта была зашита в одежду, в которой, как был уверен Когут, его похоронят. Но ведь Иван сам, да и Горин тоже, тщательно проверили всю последнюю одежду Данилы Романовича. И вдруг Ивана кольнула мысль: а что если это была карта на материи? В рассказе золотоискатели рисовали карту на полотне. Карту на полотне простым прощупыванием одежды не обнаружишь. Неужели Когут и в самом деле унес свою тайну в могилу? Надо посоветоваться с Могутченко. Может быть, придется вскрыть могилу и проверить.

Иван поморщился, представив себе, какой шум поднимется в окрестных деревнях, как взвоют попы в окрестных селах, если придется вскрывать могилу. «Ладно, — подытожил свои размышления Иван. — Посоветуюсь с начальником. Только не по телефону. Подожду, когда приедет».

Но вскоре произошло событие, которое на время заставило Ивана отложить мысль о проверке возникшей у него догадки.

Главным, в чем Полозов был глубоко убежден, было то, что убийцам не удалось разыскать вещь, из — за которой они пошли на

преступление. Значит, рассуждал Иван, они еще вернутся в домик на шестьсот второй версте, чтобы продолжать поиск. Придут, обязательно придут.

Уже через день после того, как домик Когута был, заколочен, Полозов наведаясь к опустевшему жилищу, но убедился, что никто сюда еще не приходил. Вскоре прошел снегопад, и тропинку, ведущую от полотна к домику, основательно замело. Теперь Ивану достаточно было с высоты железнодорожной насыпи окинуть взглядом дворик Когутов, чтобы убедиться в отсутствии следов. Белая снежная целина хранила подходы к опустевшей казарме надежно и недоступно. И все же, каждый день Иван наведывался сюда, хотя без всякого результата.

Но вот сегодня, еще не дойдя до места добрую сотню сажен, Иван увидел, что там что — то произошло, а подойдя вплотную, остановился в изумлении. От железнодорожного полотна к тесовому крыльцу, а от крыльца к бане вела хорошо расчищенная дорожка. Иван сбегал с насыпи к крыльцу. Гвозди были не потревожены, двери еще не вскрывали.

«Дорожку расчистили для того, чтобы можно было пройти в домик, не оставляя следов. Значит я прав. Они не нашли то, что искали, и намерены продолжить поиски. Значит, обязательно придут. Но кто расчистил?»

На этот вопрос Иван ответа пока не нашел. Однако было ясно, что дорожку могли расчистить только сегодня днем, может быть, два — три часа тому назад. Ведь метель прекратилась лишь на рассвете. Откуда шел человек, чистивший дорожку? Если со станции, то его не могли не заметить постовые на мосту.

Вернувшись, Полозов позвал в свою комнату Козаринова.

— Кто стоял на мосту в утренней смене? — спросил Иван у отделенного командира.

— Леоненко и Павлов.

— Они ничего не заметили?

— Никак нет. Леоненко, правда, докладывал, что в его смену через мост проходил Немко. Леоненко останавливал его, но тот буровил невесть что. Одно слово — психопат.

— Пошлите ко мне Леоненко, — приказал Иван отделкому.

Полозов хорошо знал человека, которого во всей округе звали просто Немко, давно забыв его настоящее имя. Немко был уже стар, ему перевалило за шестьдесят, но здоров, как бык. Невысокий, почти карлик, с широкой, выпуклой грудью, длинными, ниже колен, руками и короткими кривыми ногами, он жил, где придется, ел, что дадут, и не отказывался ни от какой тяжелой работы, выполняя ее с усердием и добросовестно. Была в наружности Немко одна особенность, поражавшая всех, кому приходилось с ним встречаться.

На уродливом теле Квазимодо возвышалась прекрасной формы голова с огромным лбом мыслителя и красивыми чертами лица. Только тусклые без проблеска мысли глаза Немко выдавали, что мозг его так и не проснулся.

Немко пользовался большим почетом среди богомольных старушек, считавших его «блаженненьким», Попы окрестных церквей не раз пытались приручить «блаженненького», но безуспешно. Немко был религиозен, но на свой собственный лад. Из всех христианских богов и святых он признавал только богородицу и «Миколу Угодника». Причем «Миколу» ставил значительно выше богородицы как святого мужского пола, с глубоким убеждением полагая, что все остальные святые пошли от брака этих двух верховных божеств. В больном мозгу Немко реальность перемешалась с религиозным суеверием. Он слышал голоса богородицы и «Миколы Угодника», дававших ему советы или запросто беседовавших с ним.

Хотя имя Немко означало Немой, все же немым в полном смысле он не был. Просто он страдал сильным косноязычием и, видимо, понимая это, привык молчать. Была одна тема, на которую Немко говорил очень охотно — это его личные отношения с «Миколой Угодником». И не только богомольные старушки, но и люди, в обычное время вообще не думавшие о боге, становились серьезными, когда Немко рассказывал, что ему сказал «Микола Угодник», и о чем просил его Немко. Такая глубокая убежденность и страстная вера звучала в словах помешанного. Возражать Немко или смеяться над его наивной верой было далеко не безопасно. Обычно тихий и добродушный, он в таких случаях приходил в дикую ярость, и только быстрые ноги могли спасти насмешника от серьезных увечий.

А сейчас, похоже, Немко будет замешан в делах, связанных с убийством Когутов.

Леокенко доложил Полозову, что в его смену через мост

действительно проходил Немко. В руках у помешанного была лопата.

— Когда это было?— спросил Иван.

— Я заступил на пост в десять. Немко прошел минут через пятнадцать после этого.

— Говорил с ним?

— Так точно. Спросил: «Куда идешь?»

— А он что?

— Ерунду разную плел. Что ему Николай Угодник велел расчищать дорожки около казармы на шестьсот второй версте.

— Зачем?

— Так ведь Немко сумасшедший, товарищ командир. Такого наплел...

— Выкладывайте все, что он тебе сказал.

— Немко говорит, что покойный Когут еще много раз придет туда, где умер. Душа, мол, его долго успокоиться не сможет. Поэтому и дорожки должны быть расчищены. Иначе душе Когута тяжело будет по снегу ходить. Бредил, одним словом.

Но Полозов понимал, что этот бред навязан больному мозгу Немко чьей — то злой волей. Лесорубы и возчики — это в основном темные, сплошь неграмотные и суеверные крестьяне. Иной детина из лесорубов с одним топором не побоится пойти на медведя, но, увидев в темноте глаза филина, сидящего на сосне, услышав его жуткий голос, кинется сломя голову, куда глаза глядят, творя торопливо крестное знамение. А затем долгие годы будет рассказывать, как леший, высотой с корабельную сосну, поглядел на него своими горящими в темноте глазами и вдруг как заушает, захохочет: «Попался, мол, ты в мои лешачьи лапы. Теперь не уйдешь!..»

Немко мог породить страшные для темных людей слухи о том, что умерший Когут бродит вокруг своего бывшего жилища. А это вызовет панику среди возчиков и лесорубов. Люди не захотят задерживаться в лесосеках допоздна. Бредовые измышления сумасшедшего могут отразиться на работе всего района лесозаготовок.

Полозов досадовал, что в эту минуту ему не с кем посоветоваться. Он принял решение и готов был действовать, но должен сообщить в отдел о своем плане и о маневре преступников, впутывающих в свои дела Немко.

Могутченко и Сазонов в этот день с основными силами отдела были на операции в отдаленном уезде. Иван решил действовать на свой страх и риск. Ведь тропинка к домику Когута уже расчищена. Маловероятно, что преступники придут в первый же день. Они будут выжидать, пока нелепая затея Немко не станет обычаем, перестанет привлекать внимание. Но кто их знает, рисковать нельзя. Надо быть готовым к встрече с ними в любую ночь. О своих намерениях Иван рассказал только одному отделкому Козаринову.

Козаринов был уже человек в годах. Провоевал две войны и накопил немалый солдатский опыт. Выслушав своего командира, он подумал и решительно заявил:

— Одному вам идти нельзя.

— Одному удобнее,— не согласился с отделкомом Полозов.

— Вдвоем надо,— настаивал Козаринов.— А по путям пустить парный дозор, чтоб, пока вы через лес пробираться будете, они к Когутам не забрались и вас не ухлопали.

Козаринов настоял на своем. В ранних сумерках двое бойцов взвода к великой радости нового обходчика, зашагали вдоль пути от моста до разъезда мимо домика Когутов. А в это время Иван в сопровождении Леоненко, очень довольного неожиданным нарушением надоевшего распорядка караульной службы, на лыжах подошел со стороны леса к заброшенному домику.

Спрятав лыжи за баней, они осторожно, около ее стен, где не было снега, прошли на тропинку, а затем к дому и, отодвинув неприбитые доски в задней стенке сеней, пробрались внутрь. Теперь оставалось только ждать, когда пожалуют те, для кого наивный дурачок Немко старательно расчищал дорожки от снега. Медленно текли ночные часы. Несмотря на холод, Иван умудрился поспать в очередь с Леоненко.

Однако Полозов был недоволен условиями засады. Окна домика плотно закрывали ставни. Приходилось долгие ночные часы сидеть, не видя того, что творится снаружи. О приходе ночных гостей удалось бы узнать лишь по их возне около забитой двери. Иван ругал себя за то, что в свое время приказал закрыть окна дома ставнями.

Сейчас исправить эту оплошность было нелегко. Просто вытолкнуть шкворень ставни, значило выдать посещение пустого домика чекистами. Другое дело, если бы шкворень сломался сам.

К счастью, покойный Данило Романович не слишком заботился о прочности ставен и шкворней, справедливо полагая, что через окно в его дом никто лезть не решится. С помощью Леоненко Ивану удалось изнутри сломать кольцо шкворня. Железная полоса с негромким лязгом скользнула вниз, и ставень приоткрылся. Стала видна спускавшаяся с насыпи и проходившая под окнами тропка. Правда, пока враги будут идти по полотну дороги, увидеть их все же будет невозможно.

В эту ночь они не пришли. С первыми лучами рассвета Полозов и Леоненко осторожно выбрались из домика и прежним путем вернулись обратно. Во взводе никто, кроме Козаринова, не знал, где провели они эту ночь.

Зато, проснувшись во второй половине дня, Иван услышал от Козаринова неприятную новость. Оказывается, уже после возвращения их из засады, прошел небольшой снежок, к Немко отправился расчищать дорожки. Работу свою он выполнил, но, видимо, наспех, и обратно вернулся страшно перепуганный. Его поразил приоткрытый ставень. Не видя под окнами следов человека и зная, что домик пуст, Немко решил, что все это сделала неуспокоившаяся душа Данилы Романовича, пытавшегося через окно пробраться в свое старое жилище.

— Вот черт!— ругался в сердцах Полозов, узнав про выводы Немко.— Этот старый дурак нам всю обедню испортит. Пустит звон среди лесорубов и возчиков. Такая кутерьма получится.

— Пока не пустит,— успокоил Полозова отдел — ком.— Я его заставил за нашей казармой снег расчистить. Да самого забора. Дней на пять работы. Кормиться будет около нас и спать в бане.

— А платить за работу чем?— заколебался Иван.

— Обещал ему свой старый полушубок. Мне он все равно ни к чему.

Поблагодарив отделкома за сообразительность, Иван все же наказал ему не мешать Немко в расчистке дорожек у домика Когута после будущих снегопадов.

— К указаниям «Миколы Угодника» надо относиться с

уважением,— усмехнулся Иван, пряча за усмешкой озабоченность.— Только как бы Микола не задумал еще чего — нибудь приказать Немко.

— Не прикажет,— понял намек командира Козаринов.— К нам сюда угодник божий не явится, а когда Немко будет работать у Когутов и угодник к нему подобраться попробует, его наши патрули сцапают.

— Только, чтобы наши бойцы не болтали.

— Не беспокойтесь. Весь взвод губы на замок запер,— успокоил командира Козаринов.— Они понимают, что к чему.

— Все же еще раз предупреди всех, чтоб разговоров, связанных с охраной складов и домика Когутов, ни с кем не вели. Полное молчание,— приказал Полозов.— Да вот еще что, кто из наших ребят умеет говорить с Немко?

— Смотри о чем говорить,— отозвался отделкой.— Если о работе какой, так я вполне договорюсь, а если на посторонние предметы, то, пожалуй, лучше всего Леоненко.

— Позови его,— приказал Иван.

— Вот что, Алексей,— начал Полозов, когда добродушный, всегда улыбочивый украинец вошел в комнатушку.— Надо тебе поближе познакомиться с Немко.

— С Немко?— удивился Леоненко.— Так я ж с ним знаком, товарищ командир.

— Мало знаком,— не согласился Полозов.— Надо поближе познакомиться, подружиться, что ли.

— А зачем?

— Надо узнать, где и как в последний раз Немко говорил с «Угодником», и когда они увидятся снова.

— Понятно,— сразу же оценил важность задания бывший пограничник.— Есть узнать, где и как встречался с Немко «Угодник» и когда снова встретятся.

— Времени у нас мало,— признался Полозов.— Хорошо, если бы узнать об этом завтра к вечеру.

— Попытаюсь, товарищ командир. Я понимаю.

Вечером Полозов с Леоненко снова ушли в домик Когутов, просидели в нем целую ночь и снова без всякой пользы. Правда, Леоненко порадовал Ивана рассказами о своем разговоре с Немко. Выведать о встречах Немко с «Николаем Угодником» пока еще не удалось, но зато Леоненко узнал, кто помогал Когуту пилить и колоть дрова. Этой загадочной личностью оказался не кто иной, как «свинячий аристократ» Кабелко.

— Не может быть? — чуть не во весь голос воскликнул Иван, забыв, что находится в засаде.

— Я сам вначале не поверил, — зашептал Леоненко. — Этот хлюст барича из себя строит. Однако Немко утверждает, что Когут пилил дрова с Кабелко. Правда, не все. Кряжей с десятков Когут допилил с Немко.

— Не хватило, значит, у Кабелко силенок, — усмехнулся Иван.

— Да нет, Немко говорит, что «свинячий аристократ» недели две вечерами ходил к Когуту пилить дрова. Днем стеснялся. А потом Данило Романович прогнал его. Даже, говорит, накостылял в шею.

— Путаает что — то Немко, — усомнился Полозов. — Не в характере Данилы Романовича было пускать в ход кулаки по пустякам.

— Так ведь не по пустякам. Похоже, Кабелко к Галине подкатывался.

— Это Немко рассказал?

— Нет, Немко такого не говорил, — засмеялся Леоненко. — Он очень уважал старого Когута, на Галину чуть не молился. Они были добры с ним. Немко говорит, что жинка Когута на деву Марию похожа.

— Опять что — то не кругло получается, — возразил собеседнику Полозов. — Вот если бы за обиду девы Марии Немко отлупил «свинячьего аристократа», то это было бы как раз в его характере.

— Так он и собирался отлупить Кабелко, — подтвердил Леоненко. — Я еще не досказал. Немко говорит, что «Миколай Угодник» запретил ему трогать «свинячьего аристократа».

Забота «Николая Угодника» об охране Кабелко насторожила Ивана. Тут уже что — то нащупывается. Если «Николай Угодник» знает о Кабелко и даже заботится о нем, то Кабелко тоже должен знать о святом. Какая — то связь во всем этом есть. Может быть, Кабелко и есть этот восьмой, затаившийся на станции, о котором говорит Горин.

Вернувшись в казарму, Полозов первым делом приказал Леоненко ложиться спать, чтобы тот хоть немного отдохнул перед заступлением в наряд. Звонить Могутченко в отдел было еще рано, а беспокоить его звонком на квартиру Полозову не хотелось. Иван хорошо знал, как мало и редко приходится отдыхать начальнику отдела. Внеочередной звонок сократил бы и те короткие часы, которые Могутченко проводит в семье.

Поэтому Полозов только взглянул на телефон, подумал и решил, прежде чем лечь спать, пройтись по свежему утреннему воздуху, позднее, часов в девять, позвонить в отдел и уж после этого завалиться в постель.

Он дошел до вокзала, прошелся по непривычно безлюдному перрону и остановился около пакгауза на другой стороне станции. Все было тихо. Примолкла даже маневровая «кукушка», спрятались от мороза в свои будки стрелочники, и только неугомонная лесопогрузка изредка нарушала тишину короткими «Эх, взяли!..» да тяжелым буханьем толстенных бревен, вкатываемых на платформы. Иван минут десять вслушивался в голоса людей, доносившихся с лесопогрузки, стараясь определить, какая артель сейчас работает, да так и не разобрав, повернул обратно.

Он шел медленно, в который уж раз проверяя в памяти, все ли обыскали в домике Когута, не оставалось ли где закоулка, куда Данило Романович мог бы запрятать свой кусок карты. В том, что надо искать именно карту, сейчас Иван не сомневался. Глубоко задумавшись, Иван не сразу обратил внимание на то, что к нему, пересекая станционные пути, направляется какой — то парнишка. Он даже махал рукою, стараясь привлечь к себе внимание Полозова. Не сразу Иван узнал Алешку, рабочего с лесопилки, племянника стрелочника, и остановился.

Алешка был примечательной личностью. В прошлом году он окончил семилетку — образование по тем временам немалое. Он мог бы стать избачом, секретарем сельсовета и даже, чем черт не шутит, поступить на службу в райисполком. Вместо этого, к изумлению всей родной деревушки, Алешка поступил рабочим на лесопилку. Сейчас

он был подручным рамщика, а рамщик главное лицо у пилорамы. Зарабатывал Алешка неплохо, гораздо больше, чем избач или секретарь сельсовета, но в деревне все, не исключая родной матери, осуждали его за нежелание уйти на «чистую» работу.

Невдомек им было, что работа на лесопилке дает Алешке право на вопрос о профессии гордо ответить «рабочий».

Сейчас Алешка с полным основанием чувствовал себя пусть крохотной, но все — таки частицей великого класса, который около десяти лет тому назад совершил революцию. Революцию, отзвуки которой сейчас гремят над всем миром и никогда не умолкнут. В общем, Алешка был горд и счастлив от сознания, что он рабочий, и мечтал перейти на такой лесозавод, где работали бы тысячи человек, а не тридцать, как сейчас на лесопилке.

Впрочем, от перехода на крупный лесозавод Алешку удерживали две весьма основательные причины. Во — первых, упорно ходили слухи, что именно такой завод через год — два будут строить на этой самой станции, а во — вторых, секретарем комсомольской ячейки станции, лесосклада и лесопилки была отчаянная и озорная Глаша — маркировщица леса. Алешка был уверен, что он подчиняется Глаше только как секретарю ячейки, но зато вся ячейка хорошо знала, что Алешка без памяти влюблен в голубоглазого секретаря.

В общем, Алешка всегда был весел и счастлив, как бывают веселы и счастливы молодые, здоровые парни, влюбленные в жизнь, работу и девушку.

Занятый своими мыслями, Иван не обратил внимания на то, что Алешка чем — то встревожен, что он, несмотря на мороз, даже расстегнул полушубок и весь покраснелся от быстрой ходьбы.

— А — а. Откуда так рано? — поздоровался с юношей Иван.

— Из дому, — отрывисто дыша, ответил Алешка. — Из Папиненок. Можно спросить тебя, товарищ Полозов, об одной вещи?

— Валяй, — согласился Иван. — Только покороче, я спешу.

Полозову хорошо была известна способность Алешки говорить по любому вопросу многословно.

— Скажи, товарищ Полозов, — возбужденно заговорил Алешка. — Вот ты едешь на лошади и вдруг — на дороге покойник?..

— Покойник? — машинально переспросил Иван, — Почему он на дороге?

— Я говорю, к примеру. Ты едешь по дороге... — начал снова Алешка.

— Лошадь ни в какую не пойдет на мертвеца, — чтобы отвязаться от любопытствующего юноши, ответил Иван. — Лошадь мертвеца сразу почует.

— Ты это твердо знаешь? — заволновался Алешка.

— Твердо, — усмехнулся Иван. — Собственным задом проверил. Когда под Ново — Троицким банду догоняли, мой конь на галопе так шарахнулся от убитого бандита, что я вверх тормашками вылетел из седла. Так что проверено на опыте, можешь не сомневаться.

— Это хорошо, — чему — то обрадовался Алешка и сразу же поправился, — то есть не то хорошо, что ты вылетел из седла, а...

— Знаешь, Алеша! — перебил его Иван. — Потом об этом поговорим. А сейчас я очень занят.

Пожав остановленному на полуфразе Алешке руку, Иван торопливо зашагал к казарме. Алешка недоумевающе посмотрел ему вслед.

В глубине души юноша завидовал тому, что Полозов, такой же как и он комсомолец, всего лишь на несколько лет старше его — Алешки, успел уж повоевать за революцию, был ранен и даже награжден именным оружием — маузером. Как горько жалел Алешка, что опоздал родиться, всего на несколько лет и опоздал — то, а повоевать за Советскую власть уже не пришлось. Одна надежда на мировую революцию. Вот начнется она, и для Алешки дела хватит. А пока Алешка мог только завидовать Полозову, гордиться близким с ним знакомством, стараться походить на него и усиленно тренироваться в стрельбе. Но сегодня Полозов какой — то необычный, может, снова рана заболела?

Проводив Полозова глазами, Алешка пошел к будке стрелочника. Сегодня у него выходной, но дел все равно немало. Сначала надо подменить старика — дядьку. На это уйдет часа три не меньше. Потом попытаться, как будто случайно, повстречаться с Глашей. Может быть, даже удастся уговорить ее пойти вечером в избу — читальню.

А Иван, позвонив в отдел, услышал от Сазонова, что Могутченко выехал к нему.

— Пойду встречать,— торопливо сказал он Сазонову.

— Никуда не ходи,— предупредил Сазонов.— У начальника свои дела. Покончит с ними и придет к тебе. Велел ждать его в расположении взвода. Ясно?

— Как божий день,— буркнул в ответ Иван. Повесив трубку телефона, он, не раздеваясь, прилег на кровать и сразу провалился в темноту и темень сна.

VII Плохие вести из лесосек

У Могутченко была особенность, сильно помогавшая ему в работе. Он умел, если это было нужно, становиться неприметным, не привлекающим ничьего внимания. Этому способствовало не зависящее от Могутченко обстоятельство. Народ в северных краях нашей страны, выросший в суровых условиях, привыкший к тяжелому физическому труду на холоде, отличается здоровьем, крепостью и силой. Среди мужиков богатырского телосложения, кряжистых, дышащих силой, фигура Могутченко не выделялась. Фамилию начальника отдела слышали многие, но в лицо его знало ограниченное число людей, тем более что даже ближайšie сотрудники и те редко видели Могутченко в форменной одежде.

И сегодня, приехав на станцию, Могутченко обошел все места, где обычно собиралось много народу. И у магазина, и в зале ожидания, и среди уходящих с работы лесорубов и возчиков, ожидавших получку около конторки леспромхоза, побывал начальник отдела. Он слушал чужие разговоры и сам заводил разговор, угощал махоркой из гостеприимно развернутых кисетов и сам угощал собеседников самосадам из удобной и вместительной жестянки, на которой еще не окончательно стерлось слово «Ландрин». Правда, сам он тоже крутил сигарки из газетной бумаги. Свою объемистую трубку Могутченко в таких случаях не вытаскивал из кармана.

Но чем больше слушал и говорил начальник отдела, тем озабоченнее становилось его лицо, а после разговора с рассчитывающимися лесорубами и возчиками оно совсем помрачнело.

От конторки леспромхоза, перейдя небольшую пристанционную площадь, Могутченко через зал ожидания вошел в дверь, на которой висела вывеска: «Телеграф. Посторонним вход воспрещен».

В аппаратной был только один дежурный телеграфист.

Высокий и очень худой, он был одет в просторную черного сукна гимнастерку. Из — под широкого воротничка гимнастерки виднелся треугольник тельняшки.

Увидев входившего Могутченко, телеграфист радостно улыбнулся.

— Угадал, — вместо приветствия провозгласил Могутченко, пожимая тощую руку телеграфиста. — Я ведь и потрафлял к твоему дежурству.

— Черта с два, — рассмеялся телеграфист. — Мне Сазонов позвонил. Вот я и послал напарника дополнительно отдыхать, чтобы с тобой повидаться без чужих.

— Что нового?

— Хорошего мало. Звон большой начинается. — Телеграфист отпер обитый железом служебный шкаф и, вытащив из него тощую пачку сколотых булавкой бумажек, протянул ее Могутченко. — Это вчерашнее. Сейчас принесу, что за ночь накопилось.

— Полозов был?

— Вторую неделю не вижу. Не заболел ли?

— Все может быть, — ответил Могутченко, просматривая переданные ему бумажки.

Телеграфист поднялся и, прихрамывая, подошел к вешалке. Глядя, как он набрасывает на тощие плечи полушубок, начальник отдела еще более помрачнел и сердито проговорил:

— Совсем ты, Серега, стал моща мощой. Гимнастерка — то как на колу.

— Да, — недовольно протянул телеграфист. — Теперь, пожалуй, никто и не поверит, что этот воротничок мне тесен был.

— Завтра же устрою нашим бюрократам из дорпрофсожа такой

аврал...

— А что они сделают,— уже сердясь, ответил телеграфист.— Если природа не осилит, так лекарство не поможет. Вон Ванюшу Полозова ты сюда привез совсемдохлым, а сейчас? Значит, природный корень у него еще здоров. А меня, видать, в самый корень ударило. Тут, братишка, ни лесной воздух, ни лекарства не помогут, раз корень усыхать начал.

— Ну, развел...— повысил голос Могутченко.— Врачи должны лечить и вылечивать, иначе на хрен они нужны. Чем сейчас лечат?

— Пью нутряной медвежий жир с молоком и с медом,— помолчав, ответил телеграфист и, вздохнув, добавил:— Кажется, помогает.

— Врач прописал или бабки посоветовали?

— Врач. Закрепил за мною дорпрофсоюз врача, а летом в Крым или на Кавказ послать обещают. Так что ты ребят зря не гоняй. Они, что могут, делают.

Телеграфист запахнул полушубок и вышел. Могутченко посмотрел ему вслед и удрученно покачал головой. «Золотой человек, балтиец. А вот не залечил в свое время ранение и гаснет».

Уже давно в вокзальном помещении появился небольшой, но крепкий ящик, надежно прибитый к стене, с краткой надписью «для жалоб». Ключ от ящика хранился у телеграфиста, являвшегося одновременно секретарем партийной ячейки. Раз в сутки, обычно ночью, когда помещение пустовало, телеграфист открывал ящичек и забирал «жалобы», которые через несколько часов попадали в отдел на Узловую.

Начальник станции Жеребцов вначале косился на этот ящик, ожидая от него всяческих неприятностей, но постепенно успокоился. До недавнего времени ящик обычно пустовал. Только после драмы на шестьсот второй версте «жалобы» в ящик стали попадать в большом количестве. Вот и сегодня телеграфист вынул из него несколько треугольничков или просто сложенных в несколько раз четвертушек бумаги. На каждой разными, но всегда корявыми почерками было написано: «Могутченко», а иногда и добавлено «в собственные руки». В свое время Могутченко думал, не освободить ли телеграфиста от наблюдения за ящичком, поручив это дело Полозову, но решил пока оставить так, как есть. Иван и до сих пор не подозревал, что за жалобы и кем опускаются в этот ящик.

Сидя в аппаратной, Могутченко внимательно читал вначале бумажки, переданные ему из шкафа, а затем только что принесенные телеграфистом. Это были сведения из лесосек из артелей лесорубов, с лесопилки, из артелей лесовозчиков и даже от рабочих с лесосклада, столь бдительно охранявшегося взводом Полозова.

С каждой прочитанной и отложенной в сторону бумажкой лицо начальника отдела все более мрачнело. Тревожной стала обстановка на лесозаготовках. Если в первых донесениях люди сообщали Могутченко, что говорят в народе об убийстве Когутов, то сейчас каждый листок бил тревогу. Весть о том, что путевой обходчик Когут не успокоился во гробе, а ходит то ли в поисках тех, кто его убил, то ли готовя гибель всему окрестному люду, варьировалась в каждом донесении.

Человек, работающий на складе, так прямо и написал! «Известный всем Немко, как говорят, сам видел мертвого обходчика, когда тот ломал запор ставни в своем доме. Следов покойника на снегу не осталось, а шкворень действительно сломан и ставень приоткрыт. Это я видел сам, прямо с рельсов, а ближе не подходил, чтобы не попасть под подозрение. С Немко поговорить не мог. Его наняли во взвод охраны двор от снега очищать и никуда на сторону не пускают. А снегопады почти каждый день, и чистить Немко придется почитай до весны и поговорить с ним возможности не предвидится. К сему...»

Прочитав это сообщение, Могутченко усмехнулся. «Молодцы хлопцы,— подумал он о командире взвода и его подчиненных.— Основной источник слухов перекрыли».

Однако лишить Немко возможности болтать оказалось уже недостаточным. Сказанная этим полоумным нелепица уже жила самостоятельно, обросла подробностями и, как на крыльях, разлетелась по округе.

Из одной из самых дальних лесосек, где артели лесорубов жили в так называемом «аэроплане», огромном бараке человек на семьсот, построенном Лесохимом на берегу лесного озера, сообщалось, что там видели Когута ночью у проруби, из которой брали воду для хозяйственных нужд.

«Эк, куда уж занесло!— даже удивился Могутченко.— До «аэроплана» отсюда верст тридцать с гаком. И видели покойника сразу трое лесорубов из артели Логунова. Интересно, что это за

Логунов Артамон Феокистович? — размышлял Могутченко, выписывая фамилию из донесения в записную книжку. — Сдается мне, что с теми, кто нацеливался на домик Когутов, он не связан. Самостоятельно работает, прохвост, палочки в колеса советской власти тихой сапой сунуть пытается».

Почти в каждом сообщении говорилось о тревожных слухах, пугающих суеверных лесорубов. «Черти сиволобые, — с горькой усмешкой думал о них Могутченко. — Такую силу в гражданской войне раздолбали — поверили в большевиков. Попробуй какой гад впрямую против советской власти агитировать — в клочья разорвете, а вот на провокацию клюнете, как налим на крючок. Колчака с Врангелем не испугались, а от слухов о вылезшем из гроба покойнике — в штаны напустите и, даже не отмывшись, с лесозаготовок деру дадите».

С десятков фамилий людей, видевших «своими глазами» покойного Когута в лесосеках, перекочевало с отдельных листков на записную книжку Могутченко, пока он просмотрел все донесения. Телеграфные аппараты молчали, телеграфист сидел, уткнувшись в газету.

— Слушай, Сергей, — свернув донесения и спрятав их во внутренний карман полушубка, попросил его Могутченко, — позвони на Узловую. Пусть соединят с Сазоновым. От тебя удобнее говорить.

Телеграфист молча отложил газету и взялся за телефон. Через минуту, добившись «прямой», он протянул трубку начальнику отдела.

— Сазонов слушает, — пророкотало в трубке.

— Вот что, Сазонов, — заговорил Могутченко. — Организуй срочную проверку снабжения лесорубов промтоварами. Все ли, что выделили, доходит до лесосек. Понял?

— Ясно, — басовито ответила трубка.

— Предупреди там всех хозяйственников и кооператоров, что если хоть что —нибудь они на так называемые спецнужды оставили, головы снимать будем. Без всяких скидок на прошлые заслуги. Надо добиться, чтобы немедленно в лесосеки были отправлены все промтовары. Все без исключения. Ясно?

— Понятно, — пробасила трубка. — А когда сам вернешься?

— К ночи буду. У тебя есть что ко мне?

— Нет. У меня порядок.

— Ну, бувай!— попрощался Могутченко и повесил трубку.

— Значит, решил по контрреволюции мануфактурой вдарить?— спросил телеграфист.

— А как же,— согласился Могутченко.— Если кто со страху перед мертвяком и решит дернуть с лесозаготовок, так его дома собственная жена с кишками съест. В гроб загонит, если узнает, что муж удрал, а мы пятнадцать процентов выработки отоварили ситцем. Денька три — четыре в лесосеках с мануфактурой проканителются. А нам всего этих трех — четырех дней и не хватает, чтобы контру под ноготь взять. Ну, спасибо за ласку. Бувай, браток.

Было уже около полудня, когда Могутченко, выйдя из вокзального помещения, направился вдоль путей к казарме взвода охраны. Зимний день короток, моряк торопился, чтобы часам к шести управиться со всеми делами и уехать на Узловую. Вдруг Могутченко услышал, что его кто — то окликает.

— А! Алеша!..— приветливо отозвался он.— Ты, что это, в стрелочники ушел? Изменил пилораме?

— Да нет, товарищ Могутченко, что вы,— смутился парень.— Я с завода никуда.

Небольшую, всего на две рамы и один шпалорезный станок, лесопилку Алешка именовал только заводом.

— А здесь чего отсиживаешься?

— Дядьку подменил. Он прихворнул малость. А сменщик что — то задерживается. Да вы заходите в будку.

— Тороплюсь, Алеша,— отозвался было Могутченко, но, увидев на лице комсомольца тревогу, спросил:— Важное что — нибудь?

— Нехорошее дело получается, товарищ Могутченко,— понизив голос, ответил Алешка.

— Что ж, зайдем, потолкуем,— согласился начальник отдела и, согнувшись чуть ли не вдвое, с трудом протиснулся в узкую и низенькую дверь будки стрелочника.

— Ну, что у тебя стряслось?— спросил он, расстегивая полушубок и садясь поближе к раскаленной «буржуйке».

— Данило Романович вчера обходил свой участок,— торжественно сообщил Алешка.

Внешне Могутченко никак не реагировал на это сообщение. Довольно побряхтывая, он протянул руки к печурке и, казалось, ощущение тепла было единственным, что сейчас его занимало. А в душе заскребли кошки. Неужели даже этот молодой, проучившийся в школе больше чем он сам, паренек, поверил вздорному слуху. Значит, не только неграмотные лесорубы и возчики, но и кадровые рабочие, а может быть, и железнодорожники поверят в эту чепуху, побоятся работать в местах, где покойники даже в гробах не знают покоя. С минуту Могутченко молчал, как бы наслаждаясь теплом, а затем спросил рассеянным тоном:

— А ты, часом не того... не во сне это увидел? А может, заболел.

— Я—то не заболел, товарищ Могутченко,— с нескрываемой обидой в голосе ответил Алешка.— А вот трое наших возчиков больные лежат. Заболели... медвежьей болезнью.

— Медвежья болезнь от любой неприятности может случиться,— хохотнул Могутченко.— Особенно с перепугу,— и, сразу согнав улыбку, сказал:— Рассказывай все, как было.

— Возчики нашей смены вчера сильно припозднились,— торопясь, захлебываясь, перебивая сам себя, начал Алешка.— Мы всю последнюю неделю восемнадцатитаршинную нолевку на брусья гоним. Спецзаказ срочный... Брусья идут, во!.. Ну, а они хлысты из лесосек к нам подвозили. Возвращались домой в Папиненки уже за полночь. Двенадцатичасовой скорый прошел уже. Подъехали к переезду и видят: старый Когут с фонарем на путях стоит, снег с деревянной ноги о рельсу сбивает. Они едут через переезд, а Когут их освещает фонарем и смеется громко, но ничего не говорит.

— Да ну!— искренне удивился Могутченко.— А возчики что? Вот, наверное, деру дали?

— Они вначале обмерли с перепугу, а потом как начали лошадей кнутами нажаривать. Лошаденки усталые, еле идут. До самых Папиненок драли,— посочувствовал Алешка и вдруг расхохотался.

— Ты чего?— удивился Могутченко.

— Да, понимаете, товарищ Могутченко,— сквозь смех продолжал Алешка.— На задних санях Петрован Зверев ехал, так тот выскочил из саней, по целине обогнал всех и рванул в деревню своим ходом. Которые на лошадях, далеко от него отстали.

Алешка захохотал, посмеялся и Могутченко, А на душе старого чекиста было невесело. Зверев — детина, косая сажень в плечах, семивершковый комель трехсаженного бревна один на плечо поднимает, бывший красноармеец, а в таком пустячном деле струсил. Он мог бы прохвоста, торчавшего на путях, в узелок завязать, а вместо этого удрал. Испугался и удрал.

Алешка, все еще смеясь, продолжал рассказывать:

— Когут был в своей черной бекешке, в треухе и даже...

— Когут похоронен в Богородском на кладбище, а бекешка его в кладовой у Полозова лежит,— перебил Алешку Могутченко.— Это какая — то контра Когута изображает. Панику вызвать хочет.

— Вы не меня агитируйте, товарищ Могутченко,— обиделся Алешка.— Я знаю, что мертвые ходить не могут. Вы поагитируйте возчиков. Струсили — то они, а не я. Сегодня вечером все узнают об этой чертовщине и откажутся затемно работать.

Могутченко искал в памяти что — либо, чем можно было бы ответить на удар врага. Надо было придумать что — то убедительное, пусть даже глупое, как сама провокация, но обязательно очень убедительное для малограмотных одуревших от суеверия людей. Но ничего подходящего на ум не приходило.

— Полозов знает?— спросил Алешку Могутченко, чувствуя себя неловко под взглядом ждущего немедленного решения паренька.

— Я ему начал рассказывать, но он куда — то торопился,— дипломатично, не желая, чтобы его слова прозвучали как жалоба на Полозова, ответил Алешка.

— Неужели Полозов не обратил внимания?— недоверчиво переспросил Могутченко.

— Нет, что вы,— вступился за Полозова Алешка.— Просто торопился. Он только мне сказал, что лошадь на мертвое тело, то

есть на покойника, ни за что не пойдет.

— Значит он сказал, что лошади возчиков не пошли бы через переезд, если бы там был покойник?— радостно ухватился за эту мысль Могутченко.

— Да, а что?

— Так это же великолепно!— весело воскликнул начальник отдела и от радости ударил ладонью о колено:— Ты говоришь, Алешка, что лошади были очень усталые?

— Вконец измучены,— подтвердил тот.— Целый день восемнадцатипятиаршинные бревна возили.

— Далеко от переезда стоял этот сукин сын на деревяшке?

— Сажени две, не больше,— уверенно определил Алешка.

— Ты это точно знаешь?

— А как же! Я уже был в Папиненках,— ответил комсомолец и с горечью добавил:— Поагитировал.

— Ну и каковы результаты?

— Послали по матушке и хотели намять шею.

— Правильно. Так и должно быть,— подтвердил Могутченко.— А все же тебе, Алеша, нужно еще раз сходить в Папиненки.

— Ну их к черту,— отвернулся в сторону Алешка.

— Значит, ты хочешь, чтоб лесозаготовки сорвались? Ведь в лесосеках завтра загудят об этом происшествии.

— А что я там делать буду? Опять агитировать?

— Нет, ругаться. И крепко ругаться, как только сможешь.

— Набьют не только шею, но и морду,— убежденно сказал Алешка.

— А ты не сам ругайся, а мою ругань им передай. Тогда не набьют,— успокоил комсомольца Могутченко.— Слушай внимательно, Алеша. Иди в Папиненки прямо к Петровану. Петрован

меня знает. Так вот скажи ему, что я считал его умным и храбрым человеком, но сейчас вижу, что он не только безмозглый дурак, а что гораздо хуже — трус. Трусливее зайца и глупее индюка. Так и скажи.

— А он мне как въедет своим кулачищем,— азартно прокомментировал Алешка, представив, как озверевает Петрован от такой оценки его умственных и моральных достоинств.

— Передавай от моего имени Петровану,— оставив замечания Алешки без внимания, продолжал Могутченко,— что ему — то, бывшему красному коннику, пора бы знать, как реагирует лошадь на мертвяков. Ведь любая самая поганая кляча шарахнет в сторону от мертвяка и захрапит. А у них как раз все наоборот получилось. Лошади шли спокойно, а захрапели и рванулись галопом трусливые ослы вроде Петрована. Ну и добавь еще что — нибудь покрепче...

— Да что вы!— восхитился Алешка.— И того, что вы сказали, вполне хватит. Петрован взовьется, как наскипидаренный. Выходит, лошади умнее мужиков получились, а во — вторых, сам товарищ Могутченко его трусом назвал.

— Вот ты мне и проверни эту работу,— закончил разговор Могутченко и стал застегивать полушубок, видя, что Алешка безропотно начал собираться в Папиненки.

— Набить морду, конечно, могут,— вслух прикидывал тот, натягивая полушубок.— Но попытаться стоит. Петрован от такой припарки не улежит и своим напарникам лежать не даст.

— Ты и по деревне этот разговор пусти,— давал последние наставления Могутченко.— Почему, мол, лошади не испугались мертвяка. Только здесь ты на меня не ссылайся. Здесь ты действуй самостоятельно.— Пошути, мол, кто — то захотел попугать, а трое здоровых мужиков чуть в штаны не наложили.

— Все будет сделано, как надо,— пообещал Алешка.— Вон и сменщик идет. Я сейчас и отправлюсь.

— Двигай, братишка,— напутствовал Алешку Могутченко, вместе с ним выходя из будки.

Шагая вдоль путей к казарме, Могутченко размышлял, знает или не знает Иван о вчерашнем происшествии на переезде. Начальник отдела заметил, что ему еще не попадался на глаза ни один боец взвода. Раньше свободных от наряда бойцов он встречал и

в зале ожидания, и около магазинчика, и просто разгуливавшими по путям группами и в одиночку. А сейчас ни одного не видно.

«Молодец, Полозов,— одобрил Могутченко.— Страхуется от утечки информации и бойцов бережет от провокационных слухов. Да и хорошо, что люди под рукой. Сейчас в любую минуту могут потребоваться все силы взвода. Но при таком положении до Полозова мог и не дойти слух о вчерашнем».

И Могутченко окончательно решил: если сам Полозов не заговорит об этом — промолчать. Пусть он не отвлекается от основной задачи — поимки убийц.

Чекистский опыт подсказывал ему, что мнимый мертвец появился на переезде совсем не для того, чтобы помешать лесозаготовкам. Видимо, бандиты хотят вызвать у народа еще больший страх перед домиком Когутов. Наверное, Полозов прав, утверждая, что бандиты еще придут в домик. Вот они и создают вокруг домика страшную славу, чтобы даже их посещение его, если кто это увидит, было отнесено за счет нечистой силы. А вот по лесосекам пугающие народ рассказы распространяются, видимо, уже другими, притаившимися гаденышами, которым не под силу теперь тягаться с советской властью в открытом бою. В памяти Могутченко всплыла фамилия Логунова, видевшего покойного Когута на лесном озере. Что это еще за Логунов Артамон Феоктистович? В донесении сказано, что он приехал со своею артелью из Красавской волости. Это верст шестьдесят — семьдесят отсюда. Там лесов уже мало, народ занимается льном и отхожим промыслом. Столяры и плотники из Красавской волости хорошие, на всю губернию славятся.

«Стой — ка,— сказал сам себе Могутченко и даже в самом деле остановился на секунду.— Полозов — то мой из Красавской волости родом. Не знает ли он там такого? Спрошу сейчас».

Но, войдя в казарму, начальник отдела в первые полчаса совсем забыл о Логунове и даже о происшествии на переезде. Его глазам представилась не совсем обычная картина.

За столом, посередине комнаты сидел командир взвода. Перед ним на обрывке газетной бумаги лежала небольшая кучка табаку. Бывшие в казарме бойцы по очереди подходили и старательно обнюхивали лежащий на бумаге табак. Некоторые после этого уверенно отвечали: «Не знаю», «Не приходилось куривать», другие, понюхав раз — другой, нерешительно говорили: «Доводилось где — то видать такой сорт», или: «Знакомым отдает, а чем, не могу понять», и

только один самый молодой боец, дольше других и с явным удовольствием втягивавший ноздрями запах табака, заявил: «Закурить бы, товарищ командир. По дыму — то скорей определю. Кажись, это дело знакомое».

Прихода Могутченко никто, кроме часового, стоявшего снаружи, не заметил, и он решил не мешать Полозову довести до конца какой — то эксперимент.

— Что ж, раз никто не может разобраться, то придется закурить, — согласился Иван с мнением молодого бойца. Он отделил примерно четвертую часть табаку, свернул сигарку, закурил, набрал полный рот дыма и, не затягиваясь, большим клубом выпустил его. Все как по команде втянули носами ароматный дымок, но только один молодой боец, обрадованный, что первым может ответить на вопрос командира, торжественно закричал:

— Точно! Он самый, товарищ командир взвода. Таяном эта штука называется, таяном. Ее наркоманы чистой дуют, а другие, кто не до конца пристрастился, то с легким табаком.

— А ты ее когда курил? — спросил Полозов.

— Да я, почитай, и не курил, — смутился боец. — Так, баловался, когда беспризорничал. А название запомнил — таян. Дорогая вещь. Больших денег стоит,

— Точнее, опиум, — отходя от дверей, вмешался в разговор Могутченко.

Бойцы и Полозов вскочили, но начальник отдела, козырнув бойцам и отмахнувшись от рапорта, прошел сразу в комнату Полозова, жестом пригласив его с собой.

— Что это за спектакль? — спросил он, раздеваясь,

— Это тот самый табак, который курил человек, приходивший к Когутам, — ответил Иван. — Он же был в числе троих, убивших Галину.

— Любопытно, — заинтересовался Могутченко. — Похоже, следы ведут в Восточную Сибирь или на Дальний Восток. Любопытно. Докладывай, что у тебя здесь?

Иван начал докладывать. Он старался говорить сжато, только самое главное, но беседа все же затянулась на несколько часов.

Шестичасовой, с которым намеревался уехать Могутченко, давно прогремел колесами по рельсам, а разговор был в самом разгаре. Особенно заинтересовало начальника отдела сообщение о пристрастии покойного Когута к рассказам о золоте и умозаклучение Полозова о карте, разрезанной на куски, о стремлении бандитов завладеть тем куском карты, который, видимо, хранил Когут.

— Сдается мне, что насчет карты ты угодил в яблочко, башковитый черт,— с явным удовольствием констатировал Могутченко.— А насчет золота, были слухи. Я тебе сообщал. На такую же версию нас и сейчас наталкивают некоторые донесения.

Услышав снова непонятное ему слово «версия», Иван настороженно покосился на начальника. «Не смеется ли чертов мотрогон,— мелькнуло в голове молодого чекиста,— Может, разыгрывает, как тогда Горин? »

Могутченко удивленно посмотрел на Полозова.

— Ну, что замолчал?— поторопил он Ивана.— Валяй дальше.

— Так говоришь была и такая версия?— спросил Полозов.

— Была. Не совсем такая, как у тебя, но и ее придется отрабатывать.

— А что ее отрабатывать, раз она версия,— пытаюсь нащупать значение этого непонятного слова, пренебрежительно махнул рукой Иван.

— Ну, брат, нет,— категорически отсек Могутченко.— Любую версию отработаем до конца.

— Да, конечно, если так...— неопределенно протянул Иван и вдруг, решившись, честно спросил у начальника:

— Скажи ты мне, что значит версия, слово это?

— А — а!— улыбнулся Могутченко.— Версия, это когда мы начинаем объяснять, как совершено преступление. Ведь убийство Когутов можно объяснить по — разному. Каждое объяснение и будет версией. Но правильным — то будет только одно объяснение. Вот пока его найдешь, несколько версий отрабатывать приходится.

— Так мы всегда это делаем, только версией не называли,—

усмехнулся Иван.

— Ладно, это дело десятое. Поедешь учиться, не только про версии услышишь. Давай о Когутах,— вернулся к прежней теме Могутченко.— Как же ты думаешь выйти на бандгруппу? Выкладывай свои наметки.

Узнав, что Иван уже несколько ночей провел в засаде в пустом домике на шестьсот второй версте, начальник отдела нахмурился и с минуту сидел молча. Иван с тревогою ждал, одобрит Могутченко его план или признает опасным и запретит дежурство в домике.

— Быстро они сумеют сорвать дверь в сени?— наконец нарушил молчание начальник отдела.

— Минут десять провозятся,— ответил Иван.— В темноте все же орудовать будут.

— А не заставят они отбить дверь Немко?

— Могут,— согласился Иван.— Но мы об этом будем знать заранее.

— Напарника себе надежного бери, и в случае чего не церемонься. Нападай первым, выводил их из строя, только смотри не наповал,— приказал Могутченко, и Полозов облегченно вздохнул.

— У меня есть одна идея,— решил он перейти к самому трудному.— Не знаю только, как ты на нее помотришь.

— Валяй,— добродушно кивнул Могутченко, набивая самосадом трубку.— Идеи — то они разные. Бывают гениальные, а бывают и похуже...

— В разговоре с Галиной Данило Романович сказал, что он может унести с собою в могилу то, что нужно бандитам.

— Ну и что же?— выпустив целый клуб дыма, спросил Могутченко.— Ведь вся одежда была проверена. Кусок карты — это не папиросная бумажка.

— А если карта на материи, скажем, на полотне?

— Да — а — а!— протянул Могутченко.— Выходит, придется и в домовине потревожить покойного Когута.

Иван молчал, довольный, что начальник отдела пришел к такому же выводу. Могутченко же после краткого раздумья сказал:

— Ладно. Если надо будет, раскопаем и могилу. Только это в самую последнюю очередь, когда будем уверены, что больше искать негде. В конце концов если карта в могиле, то никто ее оттуда не украдет.

— Конечно,— согласился Иван.— Когда разыщем бандитов и узнаем, что карта на полотне или шелке. Иначе не имеет смысла. Бумагу мы бы обнаружили.

— Значит, ты считаешь, что Когуты убили из — за карты, а карта нужна бандитам, чтобы найти золото, Бандиты прибыли с Востока; может быть, с родины Когута, так как они курят табак с опиумом, в здешних местах неизвестный. Похоже на правду. Вообще — то сдается мне, что ты попал в десятку.

— По — моему, это наиболее правильная версия,— подтвердил Иван, сам не заметив, как с языка сорвалось новое слово.— Вот только насчет золота не ясно. Не стал бы Данило Романович его от советской власти скрывать. Да и след его деревяшки среди следов бандитов тоже все путает.

И вдруг догадка озарила Могутченко. «След деревяшки, но ведь вчерашний двойник Когута тоже был на деревяшке», В мозгу почти зримо встала картина. Боец Старостин, увидев с полотна железной дороги подозрительных людей, шатавшихся по дворику Когуты, окрикнул их. Помня приказ командира, Старостин готов был стрелять, даже карабин поставил на боевой взвод, но видя «шкандыбавшего» впереди незнакомцев Когута, успокоился и подпустил их к себе. Видимо, только в последнюю минуту он понял, что к нему подходит не Данило Романович, и удивился. В последний раз удивился.

Могутченко искоса взглянул на задумавшегося Ивана. «Сказать или не сказать? Не скажу. Если узнает про двойника, его тогда никакими приказами не удержишь. Сразу кинется по следу и нарвется на пулю из засады. Эти стервецы чужую жизнь ни в грош ставят. Нет, пусть уж он бандитов в засаде ждет, пусть они его пули глотают. Паршивую траву из поля вон».

— Насчет когутовского следа выкинь пока из головы,— заговорил Могутченко.— Сам же ты не веришь, что покойник был способен на такое. Позднее все выяснится. Выкладывай, что у тебя еще?

Услышав о связях Кабелко с «Николаем Угодником», Могутченко возликовал, но сразу же насторожился.

— А ты в отношении его что — нибудь делал?

— Не имел права,— недовольно процедил Полозов.— Пусть этим делом Горин занимается.

— Правильно,— одобрил начальник отдела.— Горин сейчас на Камышинском разъезде. Там в поселке Безводное три бывшие монашки живут. Наладили, богovy невесты, обновление икон. Уже в четырех церквах их работа людям головы морочит. Но там дело ясное, к вечеру закончит. Завтра с двухчасовым подъедет сюда.— Могутченко помолчал, подумал и добавил:— Минут за двадцать до приезда Горина подойди к конторке Кабелко. Как будто случайно. Горин попросит тебя поприсутствовать при допросе этого хлыща.

— Ясно,— кивнул головой Иван.— Только, чтобы он долго не возился.

— И, пожалуй, это будет твой последний выход на станцию, до тех пор, пока не разыщешь бандитов.

— Это почему?— удивился Иван.

— Так нужно,— не допуская возражения тоном подчеркнул начальник отдела.— Завтра, когда будешь около «багажки», делай вид, что тебя снова хворь одолела, что целыми днями будешь отлеживаться. В засаду выходить будешь уже затемно, с вечера пусть патрули по линии походят, да почаще против домика Когута перекуры устраивают. Ясно?

— Ясно.

— Пусть бандиты думают, что тебе не до них. Вижу, что ты бойцов подтянул, на станции ни одного не встретил. Введи готовность номер один. Чтоб, кроме как на посты,— никуда. Ну, да я об этом еще с Козариновым поговорю. А ты изображай из себя болящего раба божия, но кроме когутовского домика, держи на прицеле и «Миколая Угодника». Да, вот что. Ты ведь из Красавской области. Логунова Артамона Феоктистовича случайно не знаешь?

— Знаю и даже не случайно,— усмехнулся Иван.— По седьмому году меня отец к нему борноволокном пристроил. Три года на него отхрептюжил.

— Что он за человек?

— Зверь — мужик. Точнее сказать, настоящий гад,

— А если еще точнее?

— Два младших сына у него в полиции служили. С белыми ушли. Старший — с зелеными путался, говорят, убили во время Черновлянского восстания, в двадцатом. Сам во время гражданской два раза сидел, но как — то сумел выкрутиться. Говорят, зять помог. Логунов дочку за начальника волмилиции выдал. Красавица была. Начальника — то милиции позднее чека расстреляла за связь с бандитами, а старик уцелел. Вот, пожалуй, и все, что я о нем знаю. А разве он здесь?

— Здесь, на заготовке. В «аэроплане» с целой артелью.

— Ну на работу он лют. И себя заморит и из работников жилы вытянет. Значит, снова вонять начал?

— Не без этого. Сдается мне, что ты с ним еще встретишься, когда вылечишься от болячки, что на шестьсот второй версте.

Было уже совсем темно, когда Могутченко, запретив Полозову провожать себя, вышел из казармы, что бы идти на станцию и, не дожидаясь ночных пассажирских, с каким — нибудь товарным составом уехать на Узловую. Проходя через общее помещение казармы, он кивком позвал с собою Козаринова. Минут через двадцать отделкой вернулся и сразу же прошел в комнату Полозова.

Иван надевал полушубок, чтобы отправиться в засаду. Но сегодня он не сунул, как обычно, за отворот полушубка наган. Револьвер так и остался лежать под подушкой, а Полозов перекинул через плечо ремень с колодкой маузера. Увидев входящего отделкома, спросил:

— Кто сейчас в наряде?

— Отделение Злобина, — ответил Козаринов и, не дожидаясь дальнейших вопросов Полозова, добавил: — Как хотите, товарищ командир, но надо что — то придумать.

— Ты это о чем? — не понял Полозов.

— О ваших дежурствах в домике покойного. Ведь на целую

ночь уходите.

— Ну и что же, не один иду. Кроме того, мы в засаде. Они не ждут нашего удара.

— Все равно,— упорно проговорил отделкой.— Случись что, пока постовой у моста поднимет тревогу да пока мы соберемся... В общем, мы все очень тревожимся.

— Кто это все?— строго спросил Полозов.— Разве бойцы знают?

— Никто ничего не знает,— заверил отделкой.— Только вы, я и Леоненко. Однако все догадываются. Не скроешь. И очень тревожатся.

— Пустяки,— Отмахнулся Полозов, но видя, что отделком упрямо насупился, спросил:— А ты что предлагаешь?

— Телефон будки шестьсот второй версты соединить только с нашей казармой. Телефон — то у Когутов еще не сняли. Вы придете на место, повернете один раз ручку аппарата, мы будем знать, что дошли и все в порядке. Прошло десять минут, вы опять — оборот ручки, и мы знаем, что у вас все в порядке.

— И так каждые десять минут?— злясь, спросил Полозов.

— Так каждые десять минут,— со спокойным • упрямством подтвердил Козаринов.— А если у вас там что —нибудь случится, вы дадите продолжительный звонок, и мы по тревоге за одну минуту к вам на помощь прибудем.

— Да понимаешь ли ты,— насмешливо заговорил Полозов,— что телефонный трезвон в пустом доме ночью и на путях будет слышен. В общем, мы бандитов предупреждать будем: «Не лезьте к домику на шестьсот второй версте. Там чекисты в засаде».

— Мы тоже не без понятия,— обиделся отделком.— Вы в аппарате скусите верх проволоочки с молоточком, который бьет по звонкам. Вот я и кусачки приготовил. А в отверстие натолкайте ваты. Вот она. И в будке будет полная тишина.

— Значит, все продумано?— усмехнулся Полозов, затягивая поясной ремень.

— А как же. Все продумано,— согласился Козаринов.

— Теперь остается только просить начальника станции, чтобы он приказал отключить домик Когутов от общей линии.

— А чего его просить,— флегматично ответил отдел ком.— Какой дурак со станции в пустой дом звонить будет. Ни в жизнь.

— Но должен же кто — то отсоединение сделать?— рассердился на непонятливого отделкома Полозов.

— Так это уже сделано,— глядя в сторону, ответил Козаринов.— Я в гражданскую во взводе связи был. А здесь дело совсем плевое.

— Ну и ну!— удивленно протянул Полозов.— Со всех сторон обложил. Как медведя в берлоге,— и после небольшой паузы спросил:— Слушай, Козаринов, а ты часом не с Украины?

— Не — е — т,— удивленно ответил отделком:— Я из — под Пскова. Мы — скопские.

— То — то! А я уж думал, что вы с Могутченко земляки,— вздохнул Полозов.— Ты такой же настырный,— Полозов говорил сердито, но Козаринов почувствовал одобрение в голосе командира.

— Что ж, у начальника отдела характер правильный,— удовлетворенно рассмеялся он.— Я уже пятый год под его началом хожу. Вот тут, товарищ командир, кусачки и вата.

Положив в карман сверток с кусачками и ватой, Полозов вышел из казармы. Через десяток минут они с Леоненко уже бежали по лесу к дому Когутов. Но перед тем как пуститься в путь, уже стоя на лыжах, Леоненко сказал Полозову:

— Товарищ командир, «Никола Угодник» хочет говорить с Немко.

— Когда?

— Завтра ночью. После вечернего восьмичасового.

— И угодникам приходится по железнодорожному расписанию работать,— усмехнулся Полозов.

— А как же,— согласился боец.— Ведь Немко в часах не разбирается.

— Где состоится встреча?

— Немко не говорит, угодник запретил. И о вызове — то Немко от радости проболтался. Очень мы с ним подружились.

— Надо тебе побывать на встрече.

— Есть, — спокойно ответил бывший пограничник.

— Если встреча состоится, позови угодника ко мне, — приказал Полозов. — Авторитетно позови, чтобы не отказался и не удрал.

— Ясно, товарищ командир. Сделаю.

И еще одну ночь провели Полозов и Леоненко в пустом домике на шестьсот второй версте. Полозов выполнил все, что советовал Козаринов. Отвинтив звонки телефонного аппарата, он добрался до молоточка и отделив его кусачками, обмотал остаток стерженька ватой. Все это было проделано на ощупь, в почти кромешной темноте. Дав условный короткий звонок, Полозов остался дежурить, приказав Леоненко отдыхать.

Необходимость каждые десять минут давать сигналы по телефону вполне устраивала Полозова. Меньше дремалось. Рядом, уткнув нос в поднятый воротник полушубка, тихо посапывал Леоненко. За окном медленно тянулась темная лесная ночь. Очень редко — два — три раза за дежурство — ее взрывал грохот и яркий свет пролетавшего по путям поезда. Но даже грохот поездов не мог разбудить крепко спавшего, несмотря на холод, Леоненко. Не стал тревожить уставшего за весь день бойца и Полозов.

А в ту минуту, когда Иван, руководствуясь советами отделкома Козаринова, портил телефонный аппарат в домике Когутов, Могутченко, убедившись, что до поезда, с которым он мог бы добраться до Узловой, осталось еще около двух часов, убивал время. Он взглянул в аппаратную, но, убедившись, что на дежурстве один из напарников Сергея, прошел в кабинет начальника станции. Жеребцова в это время уже не было, однако сторож знал начальника отдела в лицо и по его просьбе беспрекословно отпер кабинет. Могутченко позвонил на Узловую и приказал Сазонову вызвать к его приезду следователя Горина и двух молодых сотрудников, совсем недавно прибывших в распоряжение отдела. Затем Могутченко походил около вокзала, прошел мимо багажной, где днем царил Кабелко и, убедившись, что времени еще «вагон и маленькая вагонетка», отправился к единственному шумному в эти часы месту

на станции — к «погрузке». Могутченко любил ночные работы дружного коллектива людей на улице, под открытым небом. Может быть, это осталось у него от ночных вахт в штормовом море, когда озлобленно ревущей стихии бушующего океана противостояла коллективная воля четырех — пяти десятков отчаянно смелых людей, вступивших в единоборство со вздыбившейся пучиной.

Погрузка работала круглые сутки. Укрепленные на высоких столбах, длинные, со стеклянным колпаком внизу, керосиновые фонари особой конструкции заливали всю площадку погрузки ярким, но ровным светом. Было светло, почти как днем. Только тени, отбрасываемые людьми и предметами на истоптанный снег, были контрастнее и четче дневных.

На погрузке стояли всего три большегрузные платформы. Поэтому работала только одна артель грузчиков. Несмотря на довольно крепкий мороз, они были одеты легко. Большинство в расстегнутых ватных телогрейках, а некоторые вообще в одних рубахах. Поднимать длинные и толстенные — в два обхвата — кряжи навверх почти загруженной платформы всего лишь с помощью веревок и лежаков — дело нелегкое. Механизации никакой, только мускульная сила. И все же эта тяжелая работа делалась небольшой артелью грузчиков споро, без суеты и, казалось, очень легко, без напряжения.

Огромный восемнадцатидюймовый сосновый кряж, имевший в верхнем отрубе десять — двенадцать вершков, сброшенный со штабеля, укладывался комлем на короткие деревянные сани. Усталая, заиндевевшая лошаденка, выгибая от напряжения хребет, подтаскивала его к лежакам. Здесь концы кряжа захватывались длинными веревками. И вот, подчиняясь согласованным усилиям всего пяти — шести стоявших навверху платформы людей, кряж вкатывался навверх, почти на высоту двухэтажного дома.

Могутченко стоял и смотрел на эту дружную работу. Ему захотелось сбросить полушубок, самому взобраться на платформу и, напрягая все силы, также вкатывать навверх тяжелые сосновые бревна.

«Черт бы взял всю эту контру недобитую, что путается у нас под ногами. Без нее и мы не нужны были бы», — со злостью подумал Могутченко, сознавая, что еще не скоро, а может быть, и никогда не удастся ему уйти с чекистской работы.

Почти двенадцать лет отданы морю, но, видно, никогда уж не вернуться ему на корабль, не зажить той особенной моряцкой

жизнью, к которой напрочно прикипела душа. Воспоминанием о тех годах остались только пенковая трубка да друзья — моряки, с которыми, в первые дни революции сошел он с палубы корабля на севастопольские улицы, чтобы драться за советскую власть.

Да и много ли осталось этих дружков, старых моряков. Умели они биться за власть Советов, да не умели хранить свои буйные головы.

Могутченко вздохнул, глубоко втянув в легкие свежий морозный воздух с сильным привкусом мерзлой хвои и смолья.

Не время думать о печальном. Вздохами не поможешь, а революция знает, где должен быть черноморский моряк Могутченко.

Хорошо сейчас здесь. Мороз, и все же падает редкий снежок. Легкие пушинки, словно в задумчивости, медленно ложатся на землю, не потревоженные даже малейшим дыханием ветерка.

— Но, но!. холера!— вдруг прервал лирические раздумья старого моряка чей — то бас. Здоровенный возчик, схватив правой рукой за оголовье саней, помогал своей лошаденке втащить тяжеленное бревно на лежаки.— Но, милая, чтоб тебя разорвало!..

Вглядевшись, Могутченко узнал в возчике Петрована. Значит, операция Алешки помогла. Стыд оказался сильнее суеверного страха.

Дождавшись, когда возчик свалит на лежаки бревно и повернет свою лошаденку к штабелю, Могутченко окликнул его.

— Петрован? Здоров, браток!

— Никак это вы, товарищ начальник?— спросил возчик, вглядываясь в подходившего к нему Могутченко.

«Хитришь, салага,— подумал начальник отдела, подходя к возчику.— Сейчас тебе балачки со мной разводить — нож вострый. Ты бы рад сейчас сигануть крепче, чем вчера, от мертвяка».— Но ничего этого Могутченко не сказал, а, наоборот, прикинулся удивленным.

— Вот не ждал тебя увидеть здесь,— сообщил он, здороваясь с Петрованом.— Я ведь слышал, ты на лесовозке был.

— Был, а сейчас сюда подался,— ответил Петрован, делая вид, что его очень заботит, в пору ли лошаденке хомут, не жмет ли где.

— А грошей здесь гуще дают или как?— поинтересовался начальник отдела.

— Пока не знаю, артелью работаем,— ответил Петрован.— Веселее здесь, на народе, поэтому и пришел сюда.

— Вот это ты, браток, правильно сообразил,— с полной серьезностью ответил Могутченко,— на народе веселее, а здесь главное и светлее. Живого человека с мертвяком никак не спутаешь.

— Попался бы мне этот сукин сын еще раз,— вдруг с яростью проговорил Петрован.— Я бы из него мартышек понаделал. Вся деревня зубы скалит...

— Если бы понаделал,— с ехидным укором посочувствовал Могутченко.— А то ты, говорят, так дернул с переезда, что на полчаса раньше всех в деревню примчался. А ведь твои дружки тоже не зевали, погоняли лошадей в хвост и в гриву. Но догнать тебя не могли. Где им, лошади — то у них заморенные, не тебе чета.

Петрован угрюмо посопел носом и, глядя в сторону, проговорил:

— Вы — то вот смеетесь, а мне любому каждому, кто в черной бекешке ходит, морду набить хочется.

— Ты хоть рассмотрел мертвяка — то как следует?— смеясь, спросил Могутченко.

— Где там,— махнул рукой Петрован.— Первым — то Иван Егорович, он на головных санях ехал, голос подал. Визжит, как охрипший петух, с перепугу, должно быть: «Чур! Чур меня!.. Данило Романович! Сгинь! Сгинь!.. Рассыпья!..» Выглянул я, глядь: и впрямь Когут ко мне направляется. Ну я и рванул. Не успел даже сообразить, что к чему, а ноги уже сами на галоп перешли.

— Схватить бы тебе того мертвяка, для успокоения души наkostenять ему шею, а затем к нам притащить,— сквозь смех выговорил Могутченко.

— Если бы успел сообразить,— сокрушенно ответил Петрован.— А теперь хоть из деревни беги. Смеются все. Еще этот Алешка. Так разрисовал меня девкам, что те только взглянут на меня, так и валятся с хохоту. Вот ему, стервецу, я наверное наkostenяю. До свиданья, товарищ начальник. Если где увижу этого прохвоста с деревяшкой, до полусмерти изобью, а потом к вам представлю.

Он отъехал, а Могутченко пошел к станции.

VIII Допрос Кабелко

Двухчасовой «Москва — Пермь» запаздывал. Иван, словно бы случайно встретивший Кабелко у дверей его «багажки», успел уже о многом переговорить с ним, пожаловаться на свою обострившуюся болезнь и теперь с нетерпением поглядывал на часы. Стрелки показывали пять минут третьего, а станционный колокол, обычно оповещавший о выходе поезда с соседней станции, все еще не звонил. Кабелко, невысокий, тщедушного телосложения юноша с нездоровым, одутловатым лицом, на котором, несмотря на трещавшие на дворе морозы, пестрели веснушки, был явно польщен тем, что с ним беседует сам командир охраны.

Он уже успел рассказать Полозову, что ждет с двухчасовым кровать с никелированными спинками и блестящими шариками. Такие кровати были предметом самых горячих мечтаний всех женихов и невест. Кровати эти готовились частными предприятиями, во множестве созданными нэпманами, и высылались только наложенным платежом по объявлению.

— Я и вам очень советую следить за объявлениями,— алчно поблескивая бусинками глаз, рассказывал Кабелко.— Сейчас только по объявлениям и можно приобрести ценную вещь для устройства удобной жизни. Сейчас я послал заказ на лампу с абажуром и швейную машинку фирмы «Зингер». Очень нужные вещи.

— А сколько стоит кровать?— поинтересовался Иван.

— Тридцать рублей,— ответил Кабелко и, значительно поджав тонкие губы, помолчал, ожидая со стороны собеседника выражения удивления. Иван, хотя его и действительно поразила высокая цена, не сказал ни слова. Он только прикинул в уме, что за эту цену, мужик мог бы купить трех хороших коров. «Откуда этот хлюст достал такие деньги?— подумал Иван.— Да еще зингеровская машина и лампа с абажуром тоже недешево стоят. А Кабелко получает всего семь рублей в месяц».

— С панцирной сеткой, вся никелированная, на спинках четыре больших шарика и десять маленьких,— начал расписывать свое приобретение Кабелко, думая, что Иван молчит, потому что поражен, и, понизив голос, добавил:— Двухспальная.

— Ну, раз двухспальная, тогда, конечно, и машина швейная нужна и лампа под абажуром,— улыбнулся, подмигнув, Иван.— Значит, дело к свадьбе идет. С самим начальником станции породнишься.

Кабелко густо покраснел, но решительно опроверг догадку Ивана.

— Нет уж! Что уж тут! Начальник станции только на станции начальник. А сейчас каждый молодой человек должен перспективу иметь. Нет, вы об этом деле и не подозревайте.

С перрона донесся отрывистый звон колокола, и Кабелко оживился.

— Подходит. На двадцать минут запоздал. Извините, мне надо к багажному вагону.

Полозов вместе с Кабелко вышел из «багажки».

— Митрофан! Эй, Митрофан! Куда ты провалился,— кричал Кабелко, разыскивая угрюмого, всегда хмельного мужика, работавшего на станции сторожем и одновременно грузчиком.

— Здесь я. Чего орешь?— прозвучал непочтительный ответ из — за угла.

— Беги прямо к багажному,— приказал Кабелко.

— Когда подойдет, тогда и побегим,— не покидая облюбованного места, ответил Митрофан.

Подошел поезд. Прислонившись плечом к стене «багажки», Полозов наблюдал, как дюжий Митрофан тащил, взвалив на спину, два больших плоских тюка, зашитых в плотную рогожку.

Кабелко шагал следом, готовый подхватить своими немощными руками дорогой груз, если у Митрофана не хватит сил.

Горина Иван увидел, когда он уже у самой «багажки» заговорил с Кабелко.

— Вы Кабелко?

— Я Кабелко,— ответил тот, недовольный, что его отвлекают.— Вам что? Коли грузы, то с этим поездом не уйдут. Надо было раньше

позаботиться.

— Да нет, не груз. Просто мне надо поговорить с вами.

— Поговорить?— Кабелко настороженно уперся взглядом в Горина.— Я сейчас на работе. Если разговор служебный...

— Да, служебный. Мы закроемся в вашей «багажке» и поговорим. Вот мой документ,— протянул Горин удостоверение.

Пока шел этот разговор, стоявший неподалеку в позе праздного наблюдателя Полозов определил, что Горин здесь не один. Два молодых, кряжистых парня лет по двадцати определенно приехали с ним, хотя и держались вдали от него. Оба по одежде походили на лесорубов, и ни у кого на станции не могли вызвать подозрения. Но наметанный взгляд чекиста подсказал Полозову, что эти еще чужие и незнакомые парни в нужную минуту могут стать ему крепкими и надежными помощниками.

Между тем Кабелко, прочитав поданный ему Гориним документ, весь сразу сникший, с посеревшим лицом, испуганно лепетал:

— Я, право, не понимаю... у меня все дела в порядке... грузы и прочее...

— Обо всем этом мы поговорим в вашей конторке,— прервал его лепет Горин.— Пойдемте. Хотя нет. Надо, чтобы кто —нибудь присутствовал при нашем разговоре. Кого бы пригласить?

Ближе всех к Горину и Кабелко стоял Полозов. Ему явно было нечего делать. Горин, сделав вид, что впервые видит Полозова, позвал его.

— Товарищ! Можно вас на минуточку?

Через десять минут допрос Кабелко в запертой «багажке» шел полным ходом. Исполнитель, без нажима, Горин заставил Кабелко повести рассказ обо всем, что произошло с ним прошлым летом. Кабелко, поначалу струсивший, почувствовал, что следователя интересуют только люди, с которыми ему довелось встречаться прошлым летом, осмелел и начал держаться свободнее. Он описал всех, с кем имел дело за последние месяцы, и каждому из них дал свою оценку. Все оценки были пренебрежительными. Даже предмет своих увлечений и страданий — двух дочерей начальника станции —

и тех не пощадил язвительный Кабелко. Но вот он припомнил, что примерно в середине июля несколько дней помогал Когуту пилить дрова.

— Подработать решили?— любопытно спросил Горин.

— Что вы,— возмутился Кабелко.— Заработаешь у такого. Он если полтинник заплатит, то на два рубля поту выжмет.

— Да, здоров был покойник,— согласился Горин.— За ним в работе не угонишься. Как же вы целых пять дней держались?

— Свой интерес имел,— уклончиво ответил Кабелко.— Для вас он бесполезен.

— Сердечные дела,— понимающе произнес Горин, лукаво подмигнув, спросил:— Ну как?

— Все шло как по — писаному,— самодовольно улыбнулся Кабелко.— Да старый хрыч вдруг взбеленился.

— Здорово вам влетело?— сочувственно осведомился Горин.

— Разве я позволю такое с собой?— снова, но не столь уж искренне возмутился Кабелко.— Я ушел и все.

Но эта не очень приятная для юноши деталь не заинтересовала следователя. Он снова вернулся к первым дням знакомства Кабелко с Когутом. Выяснилось, что Кабелко не раз бывал в домике Данилы Романовича, выбирал книги, даже подолгу сидел у книжных полок.

— Я ведь не всякую книгу читать буду,— разъяснил Кабелко.— Я сначала обязательно в конец загляну. Есть ли про счастливую любовь и свадьбу? С десятков книжек полистаешь, пока решишь, какую взять.

— И Когуты ждали, пока вы копались в книгах?— удивился Горин.

— Совсем даже нет. Бывало, Когут в обход, Галина в магазин на станцию, а я все сижу, просматриваю.

— Ждете, пока хозяева вернуться?— уточнил Горин.

— Да нет. У них в сенях дверной крючок сам закидывается. Поставишь его на попа, дверь хлопнешь — и готово.

— А как же потом хозяева попадали в дом?

— У них из крепкой проволоки крючок такой хитрый был, с коленом. В маленькую дырочку, что в верхнем углу двери, просунут и крючок как — то поднимают. Когут говорил, что у них в Сибири таким способом амбары закрывают. Только не на крючок, а на запор. Посторонний человек ни за что не откроет.

Горин внес эти детали в протокол и спросил:

— Много людей ходило к Когутам?

— Да кто его знает, — неуверенно ответил Кабелко. — При мне никто ни разу не заходил. Летом, когда рубки леса нет, у нас на станции народу вообще мало.

— Кто еще мог знать о том, как закрывались сенные двери Когутов? — в упор посмотрел на допрашиваемого Горин.

Кабелко не ответил. Этот, невинный на первый взгляд, вопрос сильно смутил его. Но Горин не дал ему возможности собраться с мыслями.

— Кто? — настойчиво повторил следователь.

— Откуда мне знать? — нервно дернул плечами Кабелко. — Не знаю.

— А кому вы говорили об этом?

— Никому, — подняв обе руки, словно защищаясь от удара, испуганно ответил Кабелко.

— Врете, — отрезал Горин. — Слушайте внимательно.

Кабелко сидел, как ушибленный, и, замирая от страха, слушал ровный голос Горина. Оказывается, этот неизвестно откуда взявшийся человек знал о нем, скромном весовщике с маленькой станции, больше, чем сам Кабелко знал и помнил о себе.

Горин спокойно и бесстрастно доказал, что такой человек как он — Кабелко, мечтавший об аристократических предках, не мог из — за увлечения чужой женой пойти пилить дрова к путевому обходчику. На станции этот поступок вызвал усмешку. Дочери начальника станции вдоволь поиздевались над своим поклонником.

Кабелко поежился. Откуда этот человек знает о том, что произошло давно и без посторонних лиц? А Горин продолжал приводить доказательства, что силой, заставившей Кабелко стать пильщиком дров, были страх и выгода. Кабелко хорошо заплатили за его роль соглядатая, а чтобы он не обманул оплативших, его припугнули.

— Так все это было?— неожиданно оборвав плавную речь, резко спросил Горин у Кабелко.

— Так,— непроизвольно вырвалось у Кабелко, но затем спохватившись, он хриплым голосом добавил:— Только не было ничего такого. Напрасно вы все это говорите.

— Значит, «варшавскую» кровать, швейную машину «Зингер» и все прочее вы оплатили за счет своих сбережений?— насмешливо спросил Горин.

— Да — а!— неуверенно протянул Кабелко.— Я копил...

— И поэтому до июня вы ежемесячно занимали два — три рубля, чтобы дотянуть до получки?

«Господи, даже это знает,— тоскливо подумал Кабелко.— Значит, за мною кто — то следил».

— За всю ту ерунду, что вы получили и еще получите по объявлениям, вы уже уплатили больше, чем заработали за год. Вас целый год кто — то должен был кормить, одевать, обувать и даже предоставлять квартиру.

«Следили, определенно следили,— с ужасом думал Кабелко.— Но кто и когда?»

— Значит, вы не хотите говорить?— услышал он голос Горина.— Тогда мы запишем в протоколе, что вы отказались дать показания, и дело с концом. Пусть вас уличат ваши сообщники.

Горин правильно рассчитал удар. На мало — мальски смелого такой прием не произвел бы никакого впечатления. Но Кабелко был трус, и его мелкая душонка завистливого и жадного себялюбца сразу же юркнула в пятки.

«Отказался дать показания»,— повторил про себя Кабелко. Ему послышалось, что в этой стереотипной фразе выражается его враждебность к советской власти, нежелание считаться с нею. О, это слишком страшно. Он не хочет ссориться ни с советской властью, ни

с законом, особенно когда они говорят с ним через таких людей, как этот следователь. Ведь он ничего плохого не сделал. Он лично ничего не сделал. Делали другие. Правда, он этим людям оказал кое — какие услуги, но ведь не по своему желанию. Это они его заставили. Он сам никогда не стал бы делать ничего такого, что могло привлечь внимание этого всезнающего следователя.

— Значит, от дачи показаний отказываетесь? — чуть повысил голос Горин.

— Нет, зачем же, — забормотал Кабелко и вдруг, жалко улыбнувшись, спросил: — Вы меня не посадите, если я расскажу вам все, что знаю?

— Мы арестуем только в крайней необходимости.

В данном случае много зависит от вас. Вернее, от того, насколько вы будете чистосердечны.

Полозов с нетерпением взглянул на часы. Допрос явно затягивался. Кабелко молчал, видимо, не решаясь начать признание и боясь отказаться от показаний. И, словно помогая перепуганному парню обрести храбрость, Горин добродушным тоном спросил его:

— Зачем вам понадобились аристократические предки? Ведь ваш отец и сейчас портняжит в Минске.

— Да, с этого — то все и началось, — облегченно, словно переступив порог, заговорил Кабелко. — Имел такую глупость сказать одной легковерной гражданке, что, мол, я не из простых. Тут и понесло.

— Что, неприятности были? — улыбнулся Горин.

— У меня нет, — ответил Кабелко. — Отец в письме спрашивал, не натворил ли я чего, а то, мол, у него интересуются, кто были его папа и мама.

— Ясно, — расхохотался Горин. — Здесь аукнулось, а там откликнулось. Но это не страшно. Никто в ваше графское происхождение не поверил.

— Вы не поверили, а другие поверили, — запинаясь, проговорил Кабелко.

— Когда это случилось?

— Еще в конце августа,— негромко ответил Кабелко. Он пошарил в карманах и, ничего не найдя там, кроме платка, начал нервно теревить его.— Ко мне, сюда в багажку, пришел человек по фамилии Парфенов и сказал, что знал моего отца графа Кабелко.

— Врал,— перебил Горин.— Тот Кабелко, которого расстреляли за участие в диверсии в двадцать пятом, никакой не граф. Обычный варшавский сутенер, до революции прапорщик царской армии.

— Конечно, врал,— уныло согласился Кабелко.— Но я испугался. Он, хоть и не грозил, но я все равно испугался.

Кабелко вытер грязным измятым платком вспотевший лоб и умолк.

— Что потребовал от вас Парфенов?— резко спросил Горин.

— Чтобы я почаще бывал у Когутов и обо всем сообщал ему.

— А еще?

— Больше ничего,— замялся Кабелко.

— Врете! Вы что же, провести нас думаете?

Кабелко молчал, сворачивая в жгутик совсем посеревший от пота и грязи носовой платок.

— Ну!— крикнул на него Горин.— Что еще требовал от вас Парфенов.

— Карту,— тихо, почти шепотом, проговорил Кабелко.

— Какую карту?

— Обычную. Географическую. Только разрезанную и очень подробную.

— Крупномасштабную?

— Да. Парфенов так ее назвал.

— Где вы ее искали?

— Везде. И в книгах, и в одежде, которая на виду. Даже в

сундуках.

— Нашли?

— Нет.

— Где живет Парфенов?

— Ей — богу, не знаю. Он говорил, что работает в Лесохиме на подсобке. А лесохимцы летом все в лесу живут.

— Парфенов приходил один?

— Всегда один, когда ко мне шел. Но два раза я его видел с несколькими такими же, как он.

— Где видели?

— Да здесь же, на станции. Первый раз он их встречал. Их трое к нему приехали, с двухчасовым ночным. А второй раз они в ларек за продуктами приходили.

— Как зовут Парфенова?

— Не знаю. Он не сказал.

— Где вы с ним встречались?

— Он всегда сюда приходил. Тут ведь всегда народ толчется.

— Что вы рассказывали ему о Когуте?

— Все.

— И про крючок в доме Когута?

— И про крючок,— шепотом подтвердил Кабелко и умолк. Он, видимо, ожидал, что Горин после этого признания сразу же арестует его. Но следователь, прекрасно понимавший состояние перепуганного парня, после долгой паузы спросил:

— Сколько вам платил Парфенов?

— По — разному,— покраснел Кабелко...— Когда пять, когда семь рублей, а раза два по десяти.

— Щедро,— констатировал Горин.— Когда вы его видели в последний раз?

— Вчера под вечер.

— Что он вам приказал?

— Велел сказать Немко, что «Николай Угодник» завтра явится ему.

Выдержка на этот раз изменила Горину. Услышав о скором явлении «Николая Угодника», он широко открыл рот, а глаза, как говорится, «полезли на лоб». Но, заметив предостерегающий жест Полозова, стоявшего у стены за спиной Кабелко, следователь сдержал вертевшееся на языке восклицание и, помолчав, будничным тоном спросил:

— И часто вам приходится быть курьером «Николая Угодника»?

Ничего не заподозривший Кабелко вначале не понял вопроса, а затем, уразумев, начал шепотом подсчитывать, загибая пальцы.

Между тем Полозов несколько раз принимался разглядывать четвертушку бумаги, пришпиленную конторскими кнопками справа на стене. Это было расписание товарных поездов, проходивших через станцию. Написано оно было рукою Кабелко, что и удостоверяла кудрявая с замысловатыми росчерками подпись, красовавшаяся в углу четвертушки. Это безобидное расписание почему — то насторожило Ивана. Что в нем было необычного? Что оно напоминало? — Иван никак не мог вспомнить и все же чувствовал что — то особое в этом расписании.

Перечитав весь текст и не поняв, чем оно его встревожило, Иван начал рассматривать красивые четкие буквы и вдруг... Иван чуть не влепил кулаком по лбу. Как он мог забыть?! Анонимки! Ведь одна из анонимок была написана почерком, похожим на почерк Кабелко.

Иван вытащил из полевой сумки фотокопии анонимок. Да, несомненно, вот эта, самая длинная, была написана рукой кладовщика. Правда, Кабелко, трудясь над нею, видимо, старался писать не так, как обычно, но делал это так наивно, так неумело, что не требовалось специальной экспертизы для установления факта — анонимка и расписание написаны одной рукой.

Полозов за спиной Кабелко показал Горину фотокопию, затем

кивнул на расписание. Горин сразу понял. Он ничего не ответил, но благодарно улыбнулся Ивану.

— Пять раз,— приняв благодарную улыбку на свой счет, радостно установил Кабелко количество вызовов Немко к «Угоднику»,— пять раз вызывал этого старого дурака. Летом было проще, Немко ночевал то в пустом складе, то под пакгаузами, то прямо среди штабелей леса. Можно было незаметно подойти и исчезнуть. Теперь труднее.

— Значит, этот самый Немко не знает, что именно вы передаете ему волю «Николая Угодника»?

— Конечно, не знает. Он же идиот. Он думает, что и в самом деле слышит голос с неба. Я ведь изменяю голос. Меня Парфенов обучил.

— А изменять почерк вас тоже Парфенов учил?— как бы между делом уточнил Горин.

— Как изменять? Какой почерк?!— сразу же завянув, упавшим голосом переспросил Кабелко.— Я не понимаю...

— Все вы понимаете, а кружитесь для того, чтобы нас обмануть,— резко оборвал отпирательства Кабелко Горин.— Ничего у вас не выйдет. Анонимку с клеветой на Когута вы писали измененным почерком. Так или не так?

Потрясенный Кабелко молчал. Мысли, как перепуганные мыши, метались в его голове. «И про анонимку узнали! Господи, что же теперь будет? За клевету на красного партизана мало не дадут, расстрелять могут. Господи, помоги! Никогда больше ничего такого делать не буду...»

Обычно равнодушный к религии, Кабелко сейчас страстно уговаривал бога помочь ему. На секунду у него в сердце даже вспыхнуло убеждение, что сейчас что-то произойдет и все изменится, все будет по-другому. Может быть, он спит и видит все это в тяжелом, кошмарном сне. Вот он проснется и..., но снова раздался голос Горина, и Кабелко почувствовал, как все внутри его холодеет. Нет, никакого чуда не будет, и он не спит, и все это не сон, а страшная явь.

— Что ж вы молчите?— насмешливо проговорил Горин.— Вспомнить не можете. Я вас спрашиваю, сколько Парфенов уплатил вам за анонимку?

— Двадцать пять рублей,— чуть слышно ответил Кабелко.— Я не соглашался...

— Дорого дал,— определил Горин.— Анонимка сделана бездарно. Мы ей не поверили и храним только для того, чтобы предъявить ее вам на следствии. Текст сами сочиняли?

— Нет, что вы. Парфенов принес черновик. Я только переписал.

— А где черновик?

— Парфенов все с собой забрал: и анонимку, и черновик.

— Понимаете теперь, в какую грязь вы залезли?— сурово глядя на Кабелко, спросил Горин.— Начали с придумывания аристократических предков, а кончили тем, что стали пособниками врагов. Да, да, не хватайтесь за голову, это именно так. Вы помогли Парфенову и его бандитам вначале оклеветать Данилу Романовича, а затем убить обоих Когутов и бойца охраны Старостина. Вы — соучастник бандитов, соучастник в убийстве советских людей.

— Я никого не убивал, честное слово, я никого и пальцем не трогал,— размазывая по лицу слезы, забыв про носовой платок, всхлипывал Кабелко.— Что я мог сделать? Он мне грозил. Он сказал, что никто ничего не узнает.

— Честные люди в таких случаях идут в ГПУ и все рассказывают. Но так делают честные люди,— Горин неумолимо жалил словами совершенно упавшего духом Кабелко.— А такие, как вы, соглашаются помогать преступникам, получают за это деньги и покупают себе «варшавские» кровати, дорогие лампы и прочую ерунду. Такие, как вы, думают, что советскую власть можно обмануть, скрыть преступление.

— Я не хотел этого... Я ничего не буду скрывать, я все расскажу, честное слово, все...— клялся Кабелко.

И он действительно начал рассказывать все снова. Нового Горин и Полозов услышали немного, зато Кабелко довольно точно описал наружность Парфенова и его дружков, а Полозов, кроме того, убедился, что карта, которую ищут бандиты, сделана не на полотне, а является обычной крупномасштабной военной картой какого — то района Восточной Сибири.

Наконец Горин закончил допрос и отпустил «понятого». Едва

лишь за Полозовым закрылась дверь «багажки», Горин сказал еле живому от переживаний весовщику:

— Вот что, гражданин Кабелко. Арестовывать я вас пока не буду, а в дальнейшем все зависит от вас. Но вы должны помочь нам кое в чем.

— Да боже мой! Какой может быть разговор,— оживился Кабелко.— Конечно, помогу.

— Так и договоримся,— улыбнулся Горин.— Сейчас я познакомлю вас с вашими двоюродными братьями.

— Но у меня нет братьев!— снова перепугался Кабелко.

— Есть,— заверил его Горин.— Есть двое. Сейчас я вас с ними познакомлю.

Следователь вышел из «багажки», постоял у двери, закурил и вернулся обратно. Через минуту двое ранее, замеченных Полозовым парней вошли в «багажку».

— Познакомьтесь,— сохранив полную серьезность, сказал Горин.— Это ваш двоюродный брат Станислав Кабелко. А их зовут, того, что повыше, Василием, а пониже Ваней.

— Здравствуй, Стасик,— дружелюбно пробасил Василий и даже обнял растерявшегося Кабелко.

— Вот и свиделись,— радостно улыбнулся Ваня, принимая от Василия в свои объятия Кабелко, смотревшего на них остановившимися глазами.

— Вот что, товарищи,— перебил радостные излияния Горин.— Я сейчас уйду. С этой минуты вы, гражданин Кабелко, будете со своими братьями до самого их отъезда. А уедут они отсюда тогда, когда им прикажут. Может быть, уедут одни, может, и вместе с вами. Поняли? А сейчас вам лучше всего пойти и вспрыснуть приезд братьев. И вообще, Кабелко, вы должны проявлять побольше радости по поводу встречи.

— Выпить?!— ужаснулся Кабелко.— Во время работы. А начальник станции?

— Это не ваша забота,— успокоил его Горин.— Ни сегодня, ни завтра грузы на вашу станцию не поступят. Об этом мы

позаботились. Ваша задача, Кабелко, показать своим братьям Парфенова и его людей. Показать, как только они здесь появятся. Ясно?

— Ясно,— без энтузиазма ответил Кабелко.— Постараюсь.

— Старайтесь, Кабелко, старайтесь. От этого многое зависит в вашей судьбе. А вы, товарищи,— сказал Горин «братьям»,— действуйте, как приказано. Я уйду. Вы выходите минут через десять. Кабелко, запомните, с этой минуты без своих братьев вы никуда ни шагу.

Подождав, пока Горин выйдет из «багажки», Полозов негромко окликнул его и пошел вперед через железнодорожные пути к складу. Вскоре следователь догнал его. Они молча прошли на территорию склада, сели на бревно около начатого штабеля. Горин рассказал Ивану о появлении у Кабелко двух братьев.

— Чья это выдумка?— недовольным тоном спросил Иван.

— Могутченко приказал,— ответил тот.— Сам я в ваших оперативных делах не спец. Могутченко чем — то насторожен. Вчера он очень поздно приехал, а сегодня утром проинструктировал и сам ни свет ни заря куда — то умчался. А у тебя что, здесь горячо становится?

— Да нет, все по — старому,— ответил Иван.— Но с Кабелко вы что — то намудрили.

IX Бандиты ищут карту

Простившись с уезжавшим на Узловую Гориним, Иван торопливо зашагал к казарме. Крепкий морозец основательно пронимал молодого чекиста, и он, совсем забыв, что ему полагается изображать больного, шел широкой поступью сильного и здорового человека.

— Вас ждут,— встретил Полозова еще на крыльце казармы Козаринов.— Они там.

Недоумевая, кто его может ждать, Полозов вошел в свою каморку. За столом, положив голову на руки, крепко спал человек в богатой, теплой шубе с пушистым широким воротником. На голове

спящего была какая — то необычная, похожая на боярскую шапка, отороченная коричневым, видимо, очень дорогим мехом. Полозову доводилось видеть такие шапки в городах, но там их носили нэпманы и спецы из самых крупных.

— Гражданин,— тронул Полозов спавшего за плечо,— что вам здесь надо? Кого вы ждете?

Спящий сунул руку под шапку, почесал затылок и, еще не поднимая головы, ответил:

— Тебя, чертушка, кого же больше.

Полозов узнал Могутченко. Вид начальника отдела рассмешил Ивана.

— Что, хорош я?— самодовольно спросил бывший моряк, приосанясь и привычным жестом, как бескозырку, сбив круглую отороченную мехом шапку на затылок.— Хорош?

— Лучше не придумай,— расхохотался Полозов.— К ночи встретишь, подумаешь, что приснилось. Куда это ты в таком виде собрался?

— Не собрался, а уже съездил. Вернее, меня возили. В Богородское.

— В Богородское!— удивился Иван, но вспомнив, что там на кладбище похоронены Когуты и Старостин, насторожился:— А что, разве?..

— Вот именно:— А что, разве,— ворчливо передразнил Ивана Могутченко.— Прошлой ночью кто — то раскопал могилу и вытащил старого Когута из гроба.

— Вот это да — а!— изумленно протянул Иван и опустился на табуретку.— Опередали.

— Мы с тобой только нацеливали проверить могилу, а они уж тут как тут,— ворчал Могутченко.— Уж не подслушивали ли они что —нибудь чужими ушами?

— Чепуха,— опроверг подозрение начальника отдела Полозов.— Во взводе у меня ребята надежные, да и не могли они наш разговор слышать.

— Почему же эта сволочь раньше нас туда попала?

— Видимо, не только мы с тобой мозгами ворочать можем,— с сердцем ответил Полозов.— Оказывается, и у бандитов есть умные головы.

Могутченко недовольно крикнул, но ничего не ответил. Молчал и Полозов. Косвенное подозрение, высказанное начальником отдела, обидело его.

— Значит, ты думаешь, что бандиты искали в гробу карту?— уже спокойным тоном спросил Могутченко.

— Уверен,— ответил Полозов.— Пиджак с Когутастицили?

— В том — то и дело, что все оставили нетронутым. Только вытащили из гроба и все. Даже подкладку пиджака не подпороли.

— Зачем им ее пороть?

— А вдруг карта на материи?

— Карта обычная, на бумаге, видимо, военная двухверстка, и бандиты об этом хорошо знают.

— А тебе откуда это известно?

— Кабелко рассказал на допросе.

— А — а! Ну как он? Сразу раскололся?

— Пробовал крутить, да ведь Горин у тебя мужик насчет допросов опытный,— ответил Полозов. Мысли его все еще были заняты сообщением Могутченко. Начальник отдела, заметив, что его подчиненный думает о чем — то другом, сказал с иронией:

— У меня все хлопцы на подбор. Есть даже такие, которые по вопросу мертвяков могут дать дельный совет.

— Неужели?— без всякого интереса спросил Иван.

— А как же,— не отступал Могутченко.— Кто это тут вчера сказал Алешке с лесопилки, что лошадь ни за что не пойдет на покойника, а шарахается в сторону.

— Ну и что,— насторожился Иван.— Я сказал. И правильно.

Лошадь нипочем не пойдет на мертвое тело.

Могутченко, раскуривая свою трубку, искоса насмешливо посмотрел на Ивана и вдруг, не выдержав, поперхнулся дымом и громко захохотал.

— Ох, чтоб тебя разорвало,— проговорил он сквозь хохот.— Специалист по сношениям с мертвяками. Профессор мне то же говорит: «Конечно, все это чушь несусветная, но с точки зрения демонологии подмечено совершенно верно и абсолютно логично. Для многих суеверных людей этот аргумент убедительнее целой лекции по атеизму».

— Эк тебя разбирает,— недовольно проговорил Иван, глядя на хохочущего начальника отдела, но не выдержал и рассмеялся сам.— Ну, спросил меня Алешка, а у меня мысли другим были заняты. Вот я брякнул ему первое, что пришло в голову. А какой это профессор говорил?

— Да тот, с которым я в Богородское ездил. Для этого и оделся соответственно. Незачем профессору знать, кто с ним ездит для организации собраний. Хотя этот старик умен как бес, сдается мне, он все прекрасно понял, а только делал вид, что все наоборот. Утром на Узловой целый аврал был. Уком партии мобилизовал всех, кого мог. Агитаторы — коммунисты в лесосеки к народу пошли, мануфактуру в торговые точки двинули, а профессора я сам повез в Богородское. Лекцию он читал, о том, что бога нет. И, скажи ты, щупленький такой и совсем старый профессор, а как заговорил с народом, так заслушаешься. Голос, как ерихонская труба, а про поповские дела знает такое, о чем даже мы понятия не имеем. И с народом говорить умеет. Просто говорит, понятно. Первую лекцию прямо на кладбище отхватил, с какой — то могильной плиты.

— Ого,— удивился Иван.— Значит, в Богородском заварушка начиналась? На кладбище?

— Да,— кивнул Могутченко.— Богородские попы еще на рассвете, раньше милиции на кладбище с крестами да водосвятьями очутились.

— То — то ты, как наскипидаренный, вылетел в Богородское,— насмешливо поддел начальника Полозов.— Попы — то уцелели?

— Приказал арестовать всех гуртом.

— Да ты что?!— удивленно воззрился на начальника отдела

Полозов.— Попов за молебствия с водосвятием сажать начал?!

— Молебствия, водосвятия,— снова раздражаясь, повторил Могутченко и вдруг взорвался:— И какого черта этим долгогривым не сидится спокойно. Не с ихними мозгами в контрреволюцию лезть. Они сегодня утром в проповедях на кладбище такого наплели, что каждому лет по десять, меньше не будет.

— Да — а!.. — насмешливо протянул Полозов.— Видать, в Богородском горячо было. Дали тебе жару. До сих пор не остыл от поповских молебствий и водосвятий.

— Да что попы,— отмахнулся Могутченко.— Богородское — крупное торговое село. Там сейчас восемнадцать бывших эсеров и меньшевиков втихомолку действуют. Эти могут концерт устроить почище поповского.

— Так что тянуть,— подзуживал Иван.— Бери заодно с попами и эсеров. Спокойнее будет.

— Нет, шалишь,— покачал головой Могутченко.— Эсеры еще дозреть должны. Они к лету две бандгруппы сколачивают. Вот сколотят, проинструктируют, укажут, где оружие закопано, тогда и брать можно.

— Ясно,— в тон начальнику продолжил Полозов.— Эсеры на второе, на первое попы.

— Точно,— согласился Могутченко.— Договорюсь с прокурором, в Богородском и судить будем. Показательным судом. А срок отрабатывать пошлем сюда на лесозаготовки. Здоровенные жеребцы, лет по сорок каждому, на валке леса по три нормы выполнят,— и оставив шуточный тон, Могутченко в упор посмотрел на Ивана.— Ты уверен, что они не нашли карту?

— Уверен. Но ты все же Расскажи мне, что они сделали на кладбище? Весь гроб поднимали?

— Ни черта они не поднимали. Просто раскидали кое — как землю, приподняли крышку гроба около головы и вытащили через эту щель покойного Когута. Они как вытянули его, так и бросили.

— Правильно,— ударив ладонью по колену, вскричал Полозов.— Больше им там делать было нечего.

Иван в волнении зашагал по комнатушке. Могутченко, делая

последние затяжки из трубки, молча следил за ним. Он явно ожидал, что Полозов сейчас выскажет какие — то свои соображения, но тот снова сел на табуретку, спросил:

— А по следам там ничего нельзя прочитать?

— Следов не осталось,— развел руками Могутченко.— Рядом с кладбищем накатанная проезжая дорога. Не разберешь даже, в какую сторону повернули.

Он так и не счел нужным сообщить Ивану, что около самой могилы в снегу остались следы деревяшки Когута. Для Могутченко и так было ясно происхождение этого следа, а отвлекать на эту линию внимание Полозова он не захотел.

— А сторож?— напомнил Иван.

— Старик, да и одурел с перепуга. К нему в полночь постучались. Отворил дверь, видит, двое, закутанные в белое. Говорят: «Веди к могиле Когута». Старик с перепугу чуть не на карачках до могилы полз. Указал. Они ему влили в рот две бутылки первача, оттащили в сторожку и заперли. Около обеда старик еще не пришел в себя от испуга и перепоя. Сидит, закутанный в одеяло, и ковшами огуречный рассол дует. А зубы до сих пор лязгают. Напугался чуть не до смерти. Кто вырыл тело Когута, узнаем тогда, когда ты своих поймаешь.

— Думаю, что этого долго ждать не придется,— задумчиво проговорил Полозов.— Сегодня или завтра они обязательно должны прийти в домик.

— С кем ты, Ваня, в засаду ходишь?— с несвойственным ему беспокойством в голосе осведомился Могутченко.— Напарник у тебя надежный?

— Боец Леоненко, бывший пограничник,— ответил Иван.

— Знаю. Парень что надо. Гвоздь.

— Думаю, что зря мы его во взводе охраны держим. Он же прирожденный оперативник.

— Ясно,— прищурился Могутченко.— А еще кого ты хочешь к оперработе приспособить?

— Отделком Козаринов тоже парень — гвоздь,— повторил

определение начальника отдела Полозов.

— Ну это ты мне брось. Когда закончишь курс лечения, заберу тебя на оперработу, а командиром взвода будет Козаринов. Леоненко — другое дело. Его можешь готовить к оперработе.

— Курс лечения я уже закончил,— улыбнулся Иван.— Здоров.

— Вот когда возьмешь за шиворот убийц Когута, тогда я признаю тебя здоровым,— сказал Могутченко, поднимаясь с места.— Ну, а ребятишки тебе понравились?

Иван с недоумением посмотрел на начальника.

— Я говорю о двоюродных братьях «свинячьего аристократа».

— А-а!..— улыбнулся Иван.— Ничего, хорошие, только для меня они сейчас бесполезны. Их уже с Кабелко видели.

— Для этого и посланы. Кабелко может их на бандюков вывести.

— Вряд ли,— усомнился Иван.— Времени не осталось. И, знаешь, что, заberi ты отсюда Кабелко денька на два. Если бандиты не все попадут в засаду, кто уцелеет, могут с ним расправиться. Подумают, что мы через него на них вышли. А этот «аристократ», хотя и дрянь, может, со временем и человеком станет.

— Я и то уж посоветовал Жеребцову завтра отпустить его на Узловую. Для устройства братьев на работу,— усмехнулся Могутченко и, видя, что Иван хочет его провожать, приказал:— Оставайся,— и добавил:— Хотя уже и темновато, но в такой — то одежде, как моя, нельзя ходить рядом с начальником охраны. Еще подумают, что ты меня арестовал. Ну, бывай. Я, наверно, скоро снова наведаюсь к тебе. Сдается мне, что ты прав, сабантуй у тебя в любую минуту начаться может. Да и привезу к тебе человека одного интересного. Увидишь, рот разинешь.

Отъезд Могутченко словно отпустил невидимый тормоз. События побежали торопливо одно за другим. Правда, Иван вначале не почувствовал этого ускорения. Он спал. Напряженное ожидание появления врагов и целиком бессонная ночь, а затем день, проведенный в беготне, порядком утомили его. Попрощавшись с Могутченко, он, как был в гимнастерке и брюках, кинулся на постель и сразу словно провалился в сладкую теплую темноту.

Первую волну событий встретил Козаринов, бывший в то время караульным начальником. Часовые отдаленных постов подавали сигналы тревоги. Все посты склада и моста были уже связаны с казармой телефонами, и тревога обходилась без выстрелов и излишнего шума. Но все же от этого она не переставала быть самой настоящей тревогой.

Часовые сообщили, что в полосе отчуждения склада появились неизвестные, не отвечающие на окрики люди. Они внимательно осматривали склад, не обращая на часового никакого внимания, а в ответ на угрозу применить оружие неторопливо скрывались в глубине леса.

Выслушав сообщение, Козаринов Полозова будить не стал. Часовым он коротко приказал:

— Смотрите в оба. Если будут пробираться через ограждение, поднимайте тревогу выстрелом.— Лишь одному из часовых, меткому стрелку Козаринов сказал:

— Если полезут через ограждение, бей. Только смотри, чтобы не наповал, а легонько, в мягкое место, лучше в ноги. Чтобы жив остался и удрать не мог.

Даже тогда, когда на пустом дровяном складе загорелась случайно оставшаяся поленница сухих березовых дров, Козаринов не стал будить Полозова. Убедившись, что огромный костер не угрожает «кладу строевого леса, он почесал затылок и, подмигнув какому — то воображаемому собеседнику, сказал:

— На нервах играете, сволочи. Ну, играйте, играйте. Поглядим, чей верх будет.

Полозов проснулся, когда за окнами казармы стояла густая темнота. Правда, время было еще не позднее и до восьмичасового оставалось около получаса.

Выслушав сообщение Козаринова, Иван согласился с тем, что это игра на нервах.

— Видимо, хотят отвлечь внимание наше, как в те ночи, когда убили Когута,— сказал он.— Что ж, пусть думают, что клюнули на эту удочку. А обо мне всем говорить — заболел.

— Да об этом уже все на станции знают и очень сочувствуют,— усмехнулся Козаринов.— Говорят, что когда вы днем около

«багажки» были, на вас прямо лица не было. Алешка с лесопилки очень переживает.

— Ничего, переживет. Дозоры по путям посланы?

— Посланы,— ответил Козаринов,— не беспокойтесь. В домик никто не проскочит.— Затем, помолчав, спросил:— С кем нее вы сегодня пойдете в засаду, товарищ командир?

— Как с кем?— удивленно переспросил Иван и только тут вспомнил, что приказал Леоненко проследить, где состоится встреча Немко с «Николаем Угодником». Брать людей из свободных от наряда отделений Иван не хотел. Кто его знает, что еще могут выкинуть те, которым выгодно приковать внимание охраны к складу и мосту.

— Я через сорок минут сменяюсь,— дипломатично начал Козаринов, но Иван не стал даже слушать отделкома.

— Понятно,— перебил он его.— Только ничего из этого не выйдет. Твое дело заменять меня, быть здесь у телефона и в случае сигнала тревоги жать на дрезине ко мне на помощь.

— Ну, а вы — то как же?— забеспокоился отделком.

— Я выйду, как обычно, в девять, ты проводишь и вернешься сюда. Думаю, что к двенадцати Леоненко освободится и подойдет ко мне. Только уж в домик ему заходить нельзя. Пусть останется в бане. Оттуда тоже действовать удобно.

Через час Полозов и Козаринов бежали на лыжах через густолесье к домику Когута.

Отделком был недоволен решением командира остаться в засаде одному, считая это слишком рискованным, но молчал. Во — первых, Полозов высказал свое решение тоном приказа, а приказ обсуждать не полагалось, во — вторых, действительно было лучше иметь людей в резерве, чтобы ударить на преступников с тыла. Успокаивало Козаринова то, что командир будет сидеть за стенами. И удар, безусловно, нанесет первым. Первый удар — половина победы.

Было безветренно, и, хотя морозец пощипывал щеки и кончики ушей, неожиданно начал падать мягкими тяжелыми хлопьями снег. На небе ни единой звезды, все затянуло снеговыми тучами.

Выглянув из — за стены бани, Полозов тихо рассмеялся.

Тропинку, столь тщательно расчищенную Немко, покрывал мягкий пушистый снег.

— Что случилось?— забеспокоился стоявший рядом с Полозовым Козаринов.

— Пропала работа Немко. — Душе Когута, если она пожалует, придется оставить следы.

— Но и ваши следы останутся?— забеспокоился Козаринов.

— Пустяки,— ответил Иван.— Снег за полчаса все закроет,— и, взглянув на небо и потянув воздух носом, добавил:— Часам к двенадцати прояснится, и мороз хватит будь здоров.

Козаринов, зная, что его командир — уроженец русского севера, снеговую погоду читает как книгу, промолчал. С железнодорожной насыпи послышалось легкое поскрипывание снега под ногами и неясно промаячили две фигуры, медленно двигавшиеся к поезду.

— Слышишь?— снова шепнул Полозов.— Уже поскрипывает снежок — то — это к сильному морозу. Часа через два он прямо визжать под ногами будет.

— Пора, товарищ командир,— шепнул в ответ Козаринов.— Это последний дозор к поезду вышел. Через двадцать минут возвратится. Тогда для той сволочи, что вы ждете, дорога открыта будет.

— Леоненко, если он скоро вернется, пусть здесь в бане садится. А если очень задержится, то пусть совсем не приходит. Следите за телефоном,— приказал Полозов и шагнул вперед. Но, задержавшись на мгновение, он вновь повернулся к Козаринову.

— Смотрите там в оба,— напомнил он отделкому.— Сегодня любой провокации ждать можно. Недаром «Николай Угодник» с Немко секретничает, Знаешь, что: Леоненко задержи у себя. Тебе резервные люди могут понадобиться. От телефона не отходить. Ясно?

— Ясно, товарищ командир,— прошептал Козаринов.— Не беспокойтесь, все в аккурате будет. Ну, ни пуха, ни пера! Сейчас дозор обратно пойдет. Вам до него в избушку попасть надо.

Похлопав на прощанье отделкома по плечу, Полозов вышел на

тропинку и, волоча ноги, чтобы получились не отдельные следы, а одна полоса, которую быстро сгладит снег, пересек двор. Через пять минут он уже был внутри домика и коротким поворотом ручки послал в казарму сигнал: «Все в порядке».

Х «Николай Угодник» схвачен

В это же самое время Леоненко медленно шел на лыжах по мелколесью. Когда — то, очень давно, здесь пробушевал лесной пожар, уничтоживший густой сосновый бор. На выгоревшем месте зашумели молодые березки и липки. Район лесозаготовок с его звоном человеческих голосов был далеко, а здесь круглые сутки стояла ничем не нарушавшаяся тишина, и снег пятнался только заячьими и лисьими следами. Километрах в пяти впереди лежало Лешачье болото, место, редко посещаемое даже самыми заядлыми охотниками. В округе про это болото ходило много легенд, и главным героем каждой из них непременно был голосистый и глазастый леший.

Саженьях в пятнадцать левее Леоненко пыхтел, пробиваясь через сугробы малонаезженной дороги, Немко. По этой дороге очень редко ездили окрестные крестьяне, купившие в лесничестве «билет» на возок березовых дров для лучины. Во многих деревнях беднота и даже многие середняки коротали длинные зимние вечера при свете лучины.

Леоненко недоумевал, где здесь сейчас притаился «Николай Угодник», на свидание к которому брел по пояс в снегу бедный Немко.

Прошедший хорошую поисковую школу на границе, Леоненко не боялся, что Немко может увидеть его. Во — первых, тот торопился, спеша достичь места, назначенного «Угодником», и не смотрел по сторонам. А если бы и стал вглядываться, то вряд ли бы заметил, что за ним следят. Поверх ватных штанов и телогрейки Леоненко натянул нательное белье Павла Шубина, самого высокого бойца во взводе. Нет, Немко, конечно, не смог бы разглядеть его, зато притаившийся в засаде «Угодник» был для Леоненко очень опасен. Поэтому боец еще сбавил шаг, пропуская вперед Немко. Так они и двигались вперед, очень медленно и осторожно. Снегопад все усиливался, но Леоненко не боялся потерять Немко из вида. «Угодник» вряд ли будет даиать свои советы шепотом. Для этого надо подойти вплотную, а Леоненко со слов идиота уже знал, что «Угодник» всегда держится от Немко на довольно большом расстоянии.

Уже второй час Леоненко, еле двигая лыжами, шел следом за Немко. Обычным шагом тренированного лыжника он пробежал бы это расстояние за пятнадцать минут.

Начало подмораживать. Густая завеса снегопада, дополнительно маскировавшая бойца, поредела. Снег начал похрустывать под лыжами, и Леоненко, проклиная в душе это непредвиденное изменение погоды, еще более увеличил расстояние между собой и Немко.

Прошло еще полчаса. Через разрывы в тучах начала проглядывать луна.

По снегу рядом с Леоненко заскользила черная, резко очерченная тень. Мороз крепчал, и снег под лыжами начинал скрипеть все сильнее.

До Лешачьего болота оставалось совсем немного, и Леоненко не на шутку встревожился. «Где этот чертов «Угодник» затаился? — проворчал он про себя, — не в болоте же. Оно, говорят, и зимой не замерзает».

Мелколесье кончилось. Видимо, до этого места давний пожар не смог добраться. Мимо Леоненко потянулись высокие и кряжистые березы, с большими куполами широко раскинутых ветвей липы. «Ну, наверное, где — то здесь», — решил про себя боец, и в этот момент, словно подтверждая мелькнувшую мысль, его путь пересекла свежая лыжня.

«Из деревни бежал, — определил боец, наклонившись над лыжней. — И совсем недавно. В конце снегопада».

Леоненко подумал, пересек лыжню и, пробежав шагов двести, повернул влево вдоль лыжни. Саженьях в десяти от дороги, по которой, все еще увязая в сугробах, передвигался Немко, боец остановился.

«Навряд ли «Угодник» пересечет дорогу, — решил он про себя. — Оставить свежий след, а затем говорить от имени святого Николая этот сукин сын все же не решится. Немко, хоть и полудурок, но лыжня привлечет его внимание и, конечно, встревожит».

Вот вдалеке замелькала фигура Немко, медленно бредущего по занесенной дороге. Вот до него осталось сажень сто, вот еще меньше, сейчас уже не больше пятидесяти... «Где же этот гад притаился? — с

тревогой подумал Леоненко.— Не спугнул ли я его?»

Но в этот момент, нарушая лесную тишину, прозвучал спокойный, уверенный голос:

— Вижу твое усердие, сын мок! Вижу и радуюсь.

Даже ожидавший чего — либо подобного, Леоненко вздрогнул и невольно пригнулся. Голос звучал откуда — то сверху. Немко, услышав его, рухнул на колени и начал истово креститься и класть земные поклоны.

— Готов ли ты, сын мой, выполнить то, что тебе будет поручено, и заслужить вечное спасение?

Голос сверху умолк. Даже привыкший понимать косноязычного, Леоненко не смог разобрать, что ответил «Угоднику» Немко. Впрочем, по восторженному мычанию идиота боец понял, что тот исполнит все, что ему прикажет «Угодник».

Леоненко никак не мог разобраться, откуда звучит этот бесспорно человеческий, но какого — то необычного тембра голос. Чувствовалось, что неизвестный говорит негромко, но подчеркнута внятно выговаривая слова. Этот негромкий голос вполне отчетливо был слышен и здесь и, конечно, там, где находился Немко. А до него было не менее пятнадцати сажен.

Луна на несколько минут выглянула из — за поредевших туч, и Леоненко прекрасно видел, что впереди никого нет, а голос все же звучал. Сейчас «Угодник» сулил Немко блаженства, которым он будет вознагражден в раю. Видимо, неизвестный хорошо знал умственный уровень и запросы Немко, поэтому вместо абстрактных блаженств обещал ему весьма конкретные и приятные вещи, вроде сахара, меду, сала, всегда новых сапог и сатиновых рубах.

«Немко шел сюда уверенно, хотя по дороге давно никто не ездил, — размышлял между тем Леоненко.— Значит, и прежние встречи с «Угодником» у него происходили здесь же. Все у этого сукиного сына здесь подготовлено. Даже укрытие заранее оборудовано чем — то вроде рупора».

Поразмыслив немного, Леоненко осторожно, стараясь не хрустеть снегом, отошел в сторону. Вскоре место, откуда звучал голос, находилось точно между ним и Немко.

«Кажется, здесь,— определил он.— Конечно, проще было бы подойти по его же лыжне, но кто знает, нет ли на ней засады. Да и лыжня вела прямо из деревни, и «Угодник», если и будет опасаться чего —нибудь, то конечно с той же стороны».

Голос сейчас был еле слышен. Ясно, что говоривший стоял спиной к этому месту. Леоненко осторожно, шаг за шагом двинулся вперед. Голос звучал все явственнее, но боец по —прежнему никого не видел. Луна вновь выглянула, стало светлее. Леоненко уже видел сажень в сорока от себя стоявшего в снегу на коленях Немко, но в пространстве между собою и идиотом по —прежнему не мог различить говорящего с Немко человека.

Боец придвинулся еще шагов на пять и вдруг замер, боясь вздохом выдать свое присутствие. Так вот он где этот самый «Николай Угодник». То, что до этого он принимал за снег, опавший с верхних сучьев старой липы и засевший в развилке нижних, оказалось одетым в белое человеком. «Угодник» сидел на толстом нижнем сучке, съезжившись, чтобы Немко не мог рассмотреть его и, прижав лицо к стволу, говорил. На душе у Леоненко отлегло. Все стало понятно. Тут в липе дупло. «Угодник» проковырял в задней стене отверстие, а в дупле для резонанса поставил одну или две фарфоровые тарелки и, пожалуйста, не только Немко, а и вполне здравомыслящий, но суеверный человек от такого голоса во все, что хочешь, уверует.

— Ты должен положить конец этим бесовским козням, и для тебя сегодня же юдоль земных страданий заменится вечным райским блаженством,— проповедовал через дупло «Угодник».

Леоненко было видно, как Немко в полном экстазе кивает головой.

«На какую подлость он этого дурака настраивает?— с тревогой подумал боец.— Жаль, начало не расслышал».

— Штабель выбирай такой, в котором лежит лес, срубленный года два назад. Береста для святого дела подготовлена. Ты ее найдешь в мешке там же, где нашел лопату,— продолжал поучения «Угодник».— Но будь осторожен, сын мой. В мешке обернутые берестой лежат две четверти керосина. Не разбей их раньше срока.

«Это он уговаривает Немко поджечь лесосклад,— сообразил Леоненко.— Ах ты, сволочь!..»

Боец вытащил засунутый за пазуху наган, и вот на мушке

забелело правое плечо «Угодника». Но боец не выстрелил. Услышав дальнейшие слова «святого», он снова сунул наган за пазуху и осторожно, пригибаясь, скользнул к липе, на которой сидел «Угодник».

— Пока святой огонь разгорается,— учил «Угодник» Немко,— укройся между штабелями, а когда запылает он как неопалимая купина, сотвори молитву и смело входи в купель огненную. Сможешь ли ты это сделать во славу господа, сын мой?

Утвердительное мычание с дороги показало, что косноязычный идиот хорошо усвоил приказания «Угодника».

— Укрепи дух свой и ничего не бойся,— властно, словно гипнотизируя, звучал голос «Угодника».— Как только огненная купина сомкнётся над тобою, ангелы, по моему приказанию, подхватят тебя и отнесут к престолу всевышнего в райскую обитель. Сделаешь ли ты все так, как я говорю?

Снова восторженное мычание Немко, и затем «Угодник» отпустил его.

— Торопись, сын мой! Иди с миром! Время для святого дела настало. Иди! Ой... Мать твою...

Подобравшись вплотную к липе. Леоненко, что есть силы огрел «Угодника» рукояткой нагана по крестцу. Тот дернулся и, сорвавшись с сука, рухнул в сугроб. Он попытался подняться, но второй удар по голове надолго успокоил его. В кармане полушубка бандита Леоненко нашел небольшой, так называемый офицерский, наган. Забрав оружие «Угодника», боец крепко связал его и только тут заметил отсутствие Немко.

Выскочив на дорогу, Леоненко увидел Немко, что есть силы бежавшего к станции. Боец встревожился. Окликнуть или догнать идиота, уверовавшего в приказ «Угодника», бесполезно. Бойцу была известна звериная сила Немко. Не стрелять же по этому безумцу как по преступнику. А, кроме пули, его теперь ничем не остановишь.

После небольшого колебания Леоненко еще раз осмотрел связанного бандита. Для верности он заткнул ему рот собственной рукавицей. Убедившись, что «Угодник» час — полтора может пролежать здесь без риска замерзнуть, Леоненко встал на лыжи и что было сил, прямо через лес, кинулся к станции.

Минут через сорок взвод охраны был приведен в состояние

боевой тревоги. За связанным «Угодником» отправились двое бойцов. Остальные же рассыпались по стороне склада, примыкавшей к станции, чтобы перехватить поджигателя.

Справиться с Немко, даже после того, как к нему подошел Леоненко и разговором отвлек внимание косноязычного, было очень нелегко. Главное заключалось в том, что сделать это надо было бесшумно, не привлекая постороннего внимания и не разбив бутылки с керосином, которые тащил Немко в мешке с берестой.

Но когда все это было сделано, и Немко, вместе с вещественным доказательством — мешком с берестой и керосином — был доставлен в казарму, Козаринов отдал приказ, удививший всех бойцов взвода.

— На шестьсот вторую версту вам идти незачем,— сказал отделком Леоненко.— Командиру пока там никто не нужен. Возьмите трех бойцов, заберите наш запас керосина и на освобожденном от строевого леса участке склада разведите большой костер. Такой, чтобы похоже было, что целый штабель загорелся. Поняли?

— Не понял,— честно признался Леоненко.— Костры на складе запрещено...

— Для этого вас и посылаю,— понизил голос Козаринов.— Надо, чтобы и костер большой был и на штабеля ни одна искра не упала.— И видя недоумение на лице Леоненко, почти шепотом объяснил:

— «Угоднику» нужен был пожар на складе. Видать, он хотел наше внимание отвлечь и, наверное, сигнал кому — то подать. «Действуйте, мол! Здесь все в порядке». А кому сигнал? Думаю, что тем, кого командир на шестьсот второй версте дожидает.

— Теперь все понял,— расцвел в улыбке Леоненко.— Сделаю в лучшем виде. Только ведь на станции и на постах все всколыхнутся.

— Для постовых это не вредно,— улыбнулся Козаринов.— А дежурного по станции и товарища с телеграфа я предупредил, пока вы за Немко гонялись. Так что тревога будет только местного значения. Ясно?

— Все ясно!— ответил Леоненко.— Разрешите действовать?

— Когда ваш костер запылает, думаю, что это будет минут

через десять,— уточнил Козаринов,— часовые поднимут тревогу. К вам прибегут все подменные. Примите меры безопасности склада, но костер не тушите. Потушите, когда наша дрезина пойдет на шестьсот вторую версту. Тогда полностью ликвидируйте пожар. Понятно?

— Понятно!

— Действуйте. Похоже, скоро командир даст сигнал тревоги.

XI Еще два Когута!

Войдя в домик, Иван осмотрелся, насколько это было возможно в почти кромешной темноте, вытащил из кармана ключ и, подойдя к двери во вторую комнату, отпер замок. Осторожно, чтоб не закрипела, он открыл дверь и ощупью, шаг за шагом, прошел в угол, где за шкафом лежала деревянная нога Когута. Так же осторожно он вернулся в первую комнату, сел к окну, достал кусачки, которыми накануне снабдил его Козаринов, и начал вытаскивать гвоздики, которыми была прибита к деревяшке кожа подушки. Все приходилось делать на ощупь, медленно. Конечно, все это можно было бы отложить до утра, но Полозову не терпелось проверить, справедлива ли догадка, мелькнувшая в его голове, когда Могутченко рассказывал о происшествии на Богородском кладбище.

То, что поразило Могутченко своей ненужностью, оказалось лучом, осветившим Ивану путь к разгадке. Могутченко удивился, почему, едва вытащив труп Когута, преступники бросили его, даже не обыскав? Да им и не нужно было обыскивать,— ответил сам себе Иван.— Они хотели только получить деревянную ногу Когута.

Видимо, каким — то логическим путем они пришли к выводу, что карта хранится в деревяшке. Поэтому они так долго не делали налета на домик? Не знали, где деревяшка,— в домике или в гробу. Если бы Когутов хоронили по церковному обряду, то, конечно, деревяшку в гроб не положили бы. Но похороны были без попов, в последний путь Данилу Романовича и Старостина снаряжали Полозов, Козаринов и Леоненко, перед народом гробы не раскрывали, и ушла ли деревянная нога в землю со своим хозяином, никто из посторонних не знал и выпытать не смог. Запрет Полозова говорить о вещах, связанных с убийством Когутов и Старостина, во взводе соблюдался свято. Видимо, бандиты первым делом решили проверить могилу, что вчера и сделали.

Сорвать в темноте на совесть прибитую кожаную обивку

оказалось делом нелегким. Добрых полчаса Полозов провозился с нею, отрываясь только для того, чтобы дать в казарму условный сигнал по телефону. Он исцарапал себе ладони, два раза зацепил кусачками собственные пальцы, но в конце концов добился своего. Обивка была снята. Но под ней ничего не оказалось, кроме толстой войлочной подушки. Полозов расщипал и раздергал весь плотно слежавшийся войлок, но в нем ничего не было. Ни клочка бумаги, не говоря уже о карте. Неужели и здесь неудача? Что ж искали бандиты в гробу Когута? В отчаянии Иван ощупывал израненными пальцами обманувшую его надежду деревяшку. Нет, ничего похожего на рубец или щель. Стой!.. В выемке, куда вкладывалась нижняя часть подушки, пальцы нащупали не торец, а гладкую поверхность. Иван осторожно постучал по ней пальцем. Вот оно что. Фанера. Хорошо подогнанный по обрезу углубления кружок фанеры. Иван вытащил финский нож, всегда висевший у него на брючном ремне под гимнастеркой и постарался им вытащить фанеру. После нескольких попыток ему это удалось. В углублении Иван нащупал что — то, завернутое в клеенку. Осторожно, стараясь не повредить обертку, Полозов вытащил довольно толстый на ощупь сверток. Поверх клеенки он был обвязан какой — то твердой, как проволока, бечевкой. «Дратва,— понюхав бечевку и услышав запах вара, определил Иван.— На совесть законвертовал свое сокровище покойник».

В душе молодого чекиста все пело. Наконец — то найдено то, к чему тянулись через убийства и кровь жадные руки бандитов. Ивану впору было бежать к себе в казарму, обрадовать телефонным звонком Могутченко, поделиться своей радостью с Козариновым и Леоненко. Но ничего этого делать было нельзя. Нужно было сидеть у окна и ждать появления бандитов. Теперь — то они уж обязательно придут и придут именно сегодня. Они, конечно, понимают, что три убийства, а затем осквернение могилы не могли не обратить на себя внимание чекистов, что дело не может ограничиться только работой одного следователя. После происшествия на Богородском кладбище они вынуждены особенно торопиться, чтобы унести ноги, пока чекисты не нанесли ответный удар. Они, безусловно, не сомневаются, что такой удар последует.

Иван вздохнул, спрятал клеенчатый сверток во внутренний карман полушубка, вынул из колодки маузер и сунул его в левый рукав. Долгожданные, но незваные гости могли появиться в любую минуту.

Эта ночь в засаде показалась Полозову особенно длинной. К тому времени, когда он кончил возню с деревяшкой Когута, снегопад

на улице прекратился. Луна, несколько раз выглянув из — за лохмотьев разорванных туч, наконец выбралась на освободившийся небосвод и залила все вокруг ярким, почти дневным светом, а время все еще не подошло к полуночи. Иван знал, что на дворе мороз крепчает с каждой минутой, недаром снег за окнами переливается под лунным светом миллионами лучистых искорок. Такое может быть только в сухом сильно промерзшем воздухе. В домике было почти так же холодно, как на улице, и даже тепло одетый Полозов почувствовал, что начинает зябнуть. Но вначале на мороз он не обращал внимания. Его удивило и даже рассердило совсем другое. Он вдруг поймал себя на том, что прислушивается не только к звукам за стенами дома, но и к тем, что раздаются за его спиной. Находка свертка несколько ослабила то нервное напряжение, в каком находился последние дни Полозов. Постепенно он стал не только прислушиваться, но и вздрагивать, когда звук раздавался особенно резко.

Всякий, кому приходилось проводить бессонные ночи в одиночестве в пустом здании, слышал эти непонятные звуки, шорохи, потрескивания, постукивания, которые совершенно не слышны днем, но резко звучат в ночной тишине.

Ивану вдруг захотелось оглянуться, посмотреть, что там сзади, почему сейчас особенно сильно скрипнуло где — то в закутке между стеной и большой печью.

«Вот дурило трехаршинное, — выругал он сам себя. — Блажить начал». Выругал и все же оглянулся.

Все было, как обычно. Лунный свет за окном разогнал темноту и в домике. Чернел закуток между стеной и печью, но там абсолютно никого не было, чернел зев пустой и холодной печи. Слева от Ивана у стены белел топчан. Когда — то на нем лежал мертвый Данило Романович. Больше в этой комнатухе, кроме скамейки, на которой аршинах в полутора от окна, чтобы от дыхания не запотело стекло, сидел Иван, ничего не было. Обычная, много раз виденная картина, и все же Иван почему — то потрогал рукоятку маузера, торчавшего из левого рукава полушубка. И вдруг Иван понял, почему ему сегодня не по себе. Его тяготит одиночество. Ведь он впервые в засаде один. Поняв это, Иван даже плюнул от огорчения. Узнал бы Могутченко о его теперешнем настроении. Иван представил себе, как начальник отдела, держа в руке дымящуюся трубку и глядя на него насмешливо прищуренными глазами, скажет:

— А нервишки — то у тебя, как у девчонки. Дерьмовые нервишки, скажу тебе по секрету.

Иван настолько четко представил себе эту картину, что совсем не от озноба передернул плечами и сразу же почувствовал облегчение. Облегчение от того, что Могутченко никогда этих слов не скажет, так как никогда не узнает, что думал его подчиненный Иван Полозов в долгие ночные часы засады в домике на шестьсот второй версте.

А мороз пробирал все сильнее. Иван встал и осторожно, чтобы не очень скрипели половицы, сделал несколько шагов по комнате.

Ругая себя за трусость, он все же зашел в темный закуток за печкой, потоптался там и, убедившись, что закуток пуст, вышел обратно. Для согрева сделал несколько приседаний, помахал руками и, почувствовав живительное тепло быстро заструившейся крови, снова сел к окну.

И снова Ивана обступила глухая ночная тишина с ее странными, неизвестно отчего возникающими шорохами и стуками. Иван ощутимо чувствовал, как напрягается все его сознание, как где — то в глубине сердца возникает щемящая, тоскливая боль, словно бы предвестница чего — то плохого, опасного и непонятного.

Вдруг где — то далеко прозвучал выстрел, Иван насторожился. Это уже нечто конкретное, а не шорохи за спиной. «Часовой на ближней вышке стреляет», — определил на слух Иван. Но сразу же один за другим прозвучали еще четыре выстрела. «На всех вышках тревога», — Иван вскочил на ноги. «Что сейчас предпринять? Бежать на станцию или оставаться здесь?».

Но люди в казарме взвода охраны не спали. В телефонном аппарате слышался легкий треск, даже не треск — шорох. Иван осторожно снял трубку и дунул в нее.

— Не беспокойтесь, товарищ командир, — слышался негромкий голос Козаринова, — на складе порядок. Тревога ложная. Леоненко «Угодника» взял. Лежит связанный у нас. Примочки к голове прикладывают. Леоненко его основательно усоборовал. Кажется, сейчас к вам гости пожалуют. К этому дело идет. Ждем вашего сигнала.

Иван облегченно вздохнул, слушая доклад Козаринова, затем три раза дунул в трубку и повесил ее. Спокойный голос отделкома вернул спокойствие и Полозову.

«По трафарету стали работать, господа преступники, — с

усмешкой подумал Иван.— Ложный налет на склад, а сами под шумок сюда. Должны же вы, дуболомы, соображать, что если удалось провести нас один раз, то второй раз этот номер не пройдет. Поумнее что — нибудь могли бы придумать». Иван еще не знал, что на складе как раз все идет не по шаблону. Но на этот раз хитро задуманная провокация преступников была предупреждена Леоненко и Козариновым.

Задумавшись, Иван забыл в условленный срок повернуть ручку телефона, и в ящике аппарата снова послышался шорох. Козаринов беспокоился.

Иван повернулся к телефону, но, уже взявшись за ручку, так и не крутнул ее. С улицы донесся скрип снега. Кто — то шел по полотну дороги. Вскоре Иван разобрал, что идет не один, а два человека, и поступь одного из них была ему чем — то знакома. Шли из глубины леса, от переезда. Иван явственно отличал легкую поступь одного из них от грузной неритмичной, и все же напоминавшей чью — то очень знакомую походку, поступи второго.

Полозов прильнул к стеклу. Полуоткрытый ставень мешал видеть идущих по полотну. Иван вслушивался в приближающиеся шаги, не обращая внимания на непрерывный шорох в телефоне. Вдруг до его слуха донесся звон металла. О рельсу что — то стукнуло. И тогда Полозову вдруг стало не по себе. Он понял, чьи это шаги. Так ходил, «шкандыбал» на своей деревянной ноге покойный Данило Романович.

Иван ослабевшей, сразу ставшей как бы ватной рукой несколько раз крутнул ручку телефонного аппарата и снова повернулся к окну. Пришедшие уже спустились с насыпи и теперь стояли шагах в пятнадцати от домика.

Человека на деревяшке, одетого в черную когутовскую бекешку, Иван видел хорошо. Да, это был Данило Романович Когут. Фигуру второго Иван рассмотреть не мог. Она сливалась со снегом. Но лицо этого второго Иван видел отчетливо и догадался, что на спутнике Когута надет белый балахон.

Ивану было не слышно, разговаривают между собою пришедшие или просто прислушиваются. Затем Когут зашагал к домику, а второй исчез. Очевидно, лег прямо на тропинку и слился в своем халате со снегом.

Никто никогда не узнает, что пережил молодой чекист Иван Полозов, когда широко раскрытыми от ужаса глазами следил через

окно, как, припадая на одну ногу, приближался к своему домику вставший из гроба Данило Романович Когут. Луна светила ярко, и Полозов хорошо видел лицо ожившего покойника. Но на нем и не было никаких следов смерти. Это было лицо живого Когута. Густая вьющаяся борода, румяные от мороза щеки, большой с горбинкою нос. Под густыми нависшими бровями глаз не было видно, но Ивану показалось, что он различает их живой блеск.

Никогда еще Полозов так не пугался. Он пытался поднять маузер, но правая рука отказывалась привычно и твердо сжать рукоять пистолета. Она была бессильна, словно неживая. Между тем Когут неторопливо подошел к домику. Проходя к крыльцу, он поднял голову и посмотрел в окно, за которым стоял Полозов. Иван отшатнулся от окна, хотя рассмотреть его Данило Романович, безусловно, не мог.

В голове Ивана порывисто, как потухающее пламя под ветром, металась мысль: «Но ведь он был мертв. Я сам укладывал его в гроб. Сам забивал крышку... Он мертв, значит, его здесь быть не может. Я брежу!..»

Но это был не бред. С улицы слышался скрип ступеней крыльца. Затем Данило Романович дернул за ручку двери сеней. Что – то проговорил недовольно, что, Иван не понял, но хорошо расслышал привычное: «Язви его...»

В этот момент тревожная мысль обожгла Ивана, вытеснив из головы все остальное. Ведь сейчас бойцы его взвода, выжимая из дряхлой дрезины всю возможную скорость, мчатся ему на помощь. Еще минута – полторы, и они будут здесь. Ни Когут, ни его телохранитель, конечно, не догадываются об этом. Иван как ни старался, не мог рассмотреть лежащего на тропе человека. Зато он хорошо слышал, как Когут ворчит и ругается у двери, отгибая гвозди. Иван с удовлетворением вспомнил, что гвоздей забито много, и за две – три минуты Данило Романович не успеет их разогнуть.

Сейчас Ивану более опасным казался человек на тропе, чем невесть откуда взявшийся Когут. Ведь как только дрезина остановится у домика и человек в балахоне поймет, что попал в ловушку, он будет отстреливаться. Он сумеет убить двух – трех бойцов, пока с ним справятся. Этого допускать нельзя. Напарнику Когута нельзя позволить сделать хотя бы один выстрел. С такого расстояния бандит, конечно, не промахнется. Рисковать жизнью своих людей Полозов не мог. Вот человек на тропке приподнял голову, повернул ее к домику и что – то крикнул Когуту, все еще возившемуся у двери. Иван не расслышал, что крикнул сторожевой,

но он его увидел. А это сейчас было самое главное. Иван вытащил из рукава маузер, сам не заметив, что правая рука вновь повинуется ему. Не спуская глаз с лежащего на тропе, Иван услышал, как прекратилась возня у сенных дверей, как Когут, хрустя снегом, сошел со ступенек крыльца и пошел куда — то в глубь двора.

«Куда его черти понесли?» — встревожено подумал Полозов. Но времени на размышления не оставалось. На путях, яростно визжа тормозами, показалась дрезина. Человек на тропе шевельнулся. Иван увидел в руках бандита что — то длинное, черное, во всяком случае не револьвер, и, целясь ему в правое плечо, выстрелил. Человек дернулся, черный предмет упал в снег, но Иван этого уже не видел. С тревожной мыслью «Не маузер ли у этого подлеца? Тогда он и левой рукой стрелять сможет» Полозов выскочил в сени. Забыв о раздвигающихся досках, о том, что в тылу у него остается опасный и хорошо вооруженный противник, Иван с разбегу всей тяжестью своего тела ударил в двери сеней. Дверь с жалобным скрипом раскололась, и Полозов, не задевая ступенек и тропинки, соскочил в снег. Навстречу ему с насыпи сбегали четыре бойца во главе с Козариновым.

— Не затапывайте следы! Идите целиной! — успел крикнуть им Полозов и огляделся. Когута нигде не было видно, но на снегу четко отпечатались его следы. Они вели в баню.

Иван забежал за угол домика. К нему, увязая по колени в снегу, подошли Козаринов и трое бойцов.

— Прибыли, товарищ командир, — коротко доложил отделкой. — Вы не ранены?

— Нет, — ответил Иван, — хотя свободно мог дать дуба с перепугу. Чертовщина какая — то здесь происходит.

— Начальник отдела звонил, — понизив голос, сообщил Козаринов. — Приказал предупредить вас, что один из бандитов, возможно, будет очень похож на покойного Данилу Романовича. Я звонил, но вы не взяли трубку, а потом подали сигнал тревоги.

— Ну, брат, от такой похожести любого может кондрашка хватить, — криво усмехнулся Полозов. — Ну, ладно, разберемся. Никуда он от нас не уйдет. Что с ним? — кивнул он на человека на тропе, около которого сейчас возился четвертый боец.

— Плечо пробито, и правая рука около кисти. Коробов пока перевязку делает, — ответил отделком.

— Что у него за оружие?

— Обрез,— ответил Козаринов, подавая ему отобранное у бандита оружие.

— А — а? Кулацкий документ,— усмехнулся Иван.

— Сделан неплохо, ей — богу неплохо. С откидным прикладом,— добавил Козаринов.

Но Полозова уже не интересовал обезвреженный враг. Теперь надо захватить того, кто укрылся в бане. Он, конечно, вооружен и будет отчаянно сопротивляться.

Полозов приказал Козаринову залечь около крыльца и стрелять, если в дверях бани покажется преступник, а сам с бойцами перебежал к поленницам. Под прикрытием поленниц они подошли к стене предбанника. Через минуту к ним присоединился и Козаринов.

Иван размышлял, как принудить преступника к сдаче. Он в темноте. Двери предбанника и бани узкие. Атаковать придется в одиночку, и преступник, если у него даже обычный наган, имеет больше шансов на успех, чем Иван и его помощники. Да и в бане ли он? Может быть, затаился вот тут, за тонкой стеной предбанника.

Иван прислушался. Ему показалось, что он слышит возбужденное, сдерживаемое дыхание врага. Вдруг из предбанника донесся легкий шорох.

«Солома!— догадался Полозов.— Ведь пол предбанника устлан соломой. Значит, преступник здесь. Он не вошел в баню».

— Ну, что! Сдаваться будешь или для начала популяешь?— негромко, нарочито равнодушным тоном спросил Полозов.

Из предбанника никто не ответил.

— Вылезай, что ли!— подождав с минуту, крикнул Иван.— Хватит в прятки играть.

— А ты зайди сюда,— насмешливо ответил из темноты хриловатый голос, и Иван невольно вздрогнул. Несмотря на хрипотцу, даже голос походил на голос Данилы Романовича.— Зайди, говорю. Я с тобой, гадом, похристосоваться хочу.

— Христосоваться с пулей будешь,— усмехнулся Иван.— Стенки — то здесь тонкие, пуля винтовочная навывлет возьмет.

— Ну и я молчать не буду. И у меня для тебя, паскуда, пуля найдется,— ответил голос Данилы Романовича из темноты предбанника.— Да ты торопись, начальничек. Склад — то уже полыхает. Могутченко с тебя за склад голову снимет, а потом и своей головой расплатится.

Иван не понял, о чем говорит преступник, и не успел ответить. В разговор вмешался Козаринов.

— Ду — урр — ак,— спокойно, явно подражая манере Полозова, заговорил отделкой.— Это вы, остолопы, на наш крючок клюнули. Склад целехонек, а ваш «Угодник» лежит связанный у нас в казарме. Понял, дубина?

Из предбанника не ответили. Видимо, слова Козаринова подействовали на преступника. Молчание затягивалось. Соображая, как поступить дальше, Иван шепотом спросил отделкома:

— Где Леоненко?

— В казарме. Караулит «Угодника» и Немко. Один остался. Все на постах и на складе.

Жалея в душе, что с ним нет бывшего пограничника, Иван шепотом приказал бойцам по его сигналу стрелять в верхний дальний угол стены, чтобы не задеть преступника.

— А вы?!— забеспокоился отделком.

— Выполняйте приказ,— коротко ответил Полозов и снова крикнул:

— Ну, что ж, сдаваться будешь или на тот свет торопишься?

— Иди к черту,— донеслось в ответ.— Живым не дамся.

Иван знал, как будет действовать дальше, но нарочно тянул время. Опыт чекистской работы научил Ивана не торопиться в таких случаях, а дать преступнику возможность подумать. Пусть он поймет безнадежность, безвыходность своего положения. Одно дело принять смерть сгоряча, в драке, неожиданно, другое дело идти навстречу смерти медленно, минута за минутой. На это не всякий способен, а среди преступников таких вообще, мало. Поэтому Иван

равнодушным тоном сообщил бандиту:

— К черту — то ты быстрее всех попадешь. Даже быстрее твоего «Николая Угодника». Не захочешь сдаться, пришибем как бешеную собаку.

Наступило короткое молчание.

— Где он сейчас? — спросил двойник Когута.

— У нас, — ответил Полозов.

— Дурак, — презрительно ответили из темноты. — Засыпался на пустом деле.

— Ну и вы влипли не от большого ума, — осадил собеседника Полозов. — Один растянулся на тропе, как у бабенки под боком, а ты не нашел ничего умнее, как удрать в баню.

— И откуда ты, сволочь, здесь взялся? — с тоскливой злобой спросил преступник. — Не должно было тебя здесь быть. Ведь ты, сука, должен сейчас в своей конуре на койке чахнуть.

— Как видишь, я здоров. А вообще — то понимать надо, — назидательно ответил Иван. — Не было еще такого, чтобы бандиты чекистов перехитрили.

— Не хвались... — донеслось из темноты предбанника, но Иван решил, что переговоров хватит, что запал у преступника поостыл, и махнул рукой бойцам. Выстрелы из трех винтовок почти слились в один залп. Окончание фразы потонуло в грохоте выстрелов. Клацнули затворы, и снова, пробивая тоненькую стену предбанника пулями, рывкнули винтовки. Пули решетили стену около дальнего угла предбанника.

Под непрерывный грохот выстрелов Иван тихо скользнул за угол. Задержавшись на мгновение, он прижался спиной к стене около косяка и перевел дыхание. Сейчас последний рывок. Держа в правой руке маузер, Иван нырнул в темноту предбанника, прикрыв левой рукой, согнутой в локте, лицо и голову.

Навстречу ему метнулся кто — то грузный. Уклоняясь от возможного выстрела в упор, Иван отскочил в сторону, но выстрела не было. Вместо этого левую руку Ивана около локтя что — то стиснуло с такой силой, что у Полозова потемнело в глазах. В то же время напавший на Ивана человек левой рукой охватил его, словно

поддерживая. Ничего не соображая от нестерпимой боли в локте и чувствуя, что ствол маузера уткнулся во что — то мягкое, видимо, в ногу противника, Иван нажал на спуск. Выстрела почти не было слышно, но схвативший Ивана человек дрогнул и скорее с удивлением, чем с испугом, проговорил:— Ах ты, язви тебя...— и отшатнулся.

Все это произошло в короткое мгновение, а затем Ивана кто — то оттолкнул к стене. Это вслед за командиром в предбанник вскочили Козаринов и бойцы. В предбаннике стало тесно. На полу крутился клубок человеческих тел. Где — то в самом низу выл и матерился двойник Когута.

Сунув за отворот полушубка маузер, Иван ощупал локоть. Какой — то стальной полуобручек продолжал сжимать его. Под руку Полозова попала небольшая круглая кнопка. Чуть не крича от боли, Иван нажал, подергал эту головку, и вдруг полуобручек с легким звоном разжался и упал ему на ладонь.

Сунув непонятную железку в карман, Иван помахал левой рукой. Кажется, действует, значит, кость уцелела.

Темноту разогнал желтый луч света. Один из бойцов внес железнодорожный фонарь. В дальнем углу предбанника лежал человек, как две капли воды похожий на Данилу Романовича. Руки у него уже были связаны.

Несмотря на необычность обстановки, Иван не смог удержаться от улыбки, видя, как Козаринов зажимает нос снегом. Всегда спокойный отделком был разъярен. Нос его чуть не вдвое увеличился в размере: в схватке кто — то заехал ногой в лицо отделкома.

Только сейчас Иван увидел, что у двойника Когута обычные ноги. Его деревянная нога валялась в углу.

С минуту тянулась передышка. Преступник со скрученными сзади руками, прижавшись спиной к углу и приподняв левую ногу, ждал нападения. Он озирался на всех, как затравленный, но не ждущий пощады зверь. Его плечи все время шевелились. Он пытался сорвать с рук опутывающую их веревку. Козаринов, прижимая к носу горсть окровавленного снега, казалось, не думал принимать участие в продолжении схватки. Но заметив улыбку на губах Полозова, отделком приказал одному из бойцов:

— Петро! Веревку.

Неожиданно размахнувшись, Козаринов швырнул горсть окровавленного снега прямо в лицо преступнику. Тот невольно зажмурился и на мгновение отвернул голову. Этого было достаточно. Козаринов прыгнул вперед. На этот раз удалось скрутить и ноги яростно брыкавшегося преступника.

— Перевяжите ему ногу,— приказал Полозов.— Правую. Кровью изойдет.

— Не нужна мне перевязка,— извиваясь всем телом, исступленно выл преступник.— Идите вы... сволочи!

— А ну хватит!— рявкнул на бандита Полозов так, что у самого в ушах зазвенело.— Кончай психовать. А то прикажу привязать к жерди!

То ли угроза подействовала, то ли от потери крови его начали оставлять силы, но двойник Когута перестал крутиться и, тяжело дыша, умолк.

Оставив Козаринова и бойцов возиться с перевязкой, Полозов вышел из предбанника.

Как всегда после пережитой опасности, его слегка лихорадило. Прислонившись плечом к углу бани, он вздрагивающими пальцами начал разминать папироску.

Операция в общем прошла удачно. Но можно ли считать, что она полностью закончена? Не остались ли у этих, уже захваченных, соумышленники? Можно ли оставлять без присмотра домик на шестьсот второй версте? Из всех этих вопросов Иван мог ответить только на один. Да, наблюдение с домика Когутов можно снять.

Вдруг над полотном дороги появилась световая полоса. Иван забеспокоился. Поезд? И даже, судя по мощному свету, скорый. В это время никаких поездов быть не должно. И вообще его появление вне расписания не нравилось Ивану.

Полозов направился к насыпи. Но не успел он пройти и половину расстояния, как против домика круто затормозил сияющий огнями небольшой, необычной формы вагончик.

«Авторезина!— догадался Полозов.— Как же я забыл. Ведь кто — то говорил, что в отдел прислали одну».

В те времена авторезина была большой редкостью. Иван с

любопытством разглядывал это «чудо техники», когда из раскрывшейся двери дрезины выскочил вначале Могутченко, а затем еще какой — то высокий, грузноватый человек.

Иван впервые видел, чтобы начальник отдела бежал бегом. А тот, подскочив к Полозову, обхватил его за плечи и сильно потряс.

— Жив, чертушка?!— воскликнул он и от полноты чувств влепил Ивану основательно тумака, но увидев, как тот поморщился и скрипнул зубами от боли в левой руке, забеспокоился.— Ранен? Куда?

— Не ранен я,— отмахнулся Иван.— Просто мне вот этой хреновиной чуть руку не размозжили.

Иван вытащил из кармана и протянул Могутченко металлический полуобручек.

— Хитро сделано,— определил тот, рассматривая не виданное им оружие врага.

Он положив полуобручек на растопыренную ладонь. Замысловатая штучка ладно улеглась на большом и среднем пальцах. Рассматривая новинку, Могутченко легкомысленно примерил ее на левую руку поверх полушубка и прижал. Послышался легкий щелчок и концы полуобручка стали медленно сжиматься под действием скрытой внутри сильной пружины. Лицо Могутченко исказилось от боли, но Иван быстрым нажимом уже знакомой головки остановил действие пружины. Полуобручек снова мирно улегся на ладонь.

— Вот гадина,— выругался Могутченко, потирая руку.— Как клещами сжимает. Дай — ка ее мне. Еще раз посмотрю.

— На,— подал Иван и, усмехнувшись, посоветовал :— Ты ее к шее примерь.

— Благодарю,— кивнул головой Могутченко.— Что — то не хочется. Эта тварь уже примерялась не к одной шее. Смотри сюда. Вот почему эксперты говорили про пальцы гориллы. Видишь?

Иван наклонился к руке Могутченко и только тогда рассмотрел, что концы полуобручка были необычной формы. Нанесенный на них узор воспроизводил чьи — то пальцы, гигантские пальцы, каких не может быть у людей.

— Да, вещичка занятная,— произнес за спиной Ивана голос,

заставивший его вздрогнуть и круто обернуться. Взглянув в лицо этого приехавшего с начальником отдела человека, Иван от удивления широко открыл глаза. Перед ним снова стоял Данило Романович Когут.

Правда, этот Когут выглядел сильно помолодевшим, да и борода была аккуратно подстрижена, а не вилась крупными кольцами. Ивану захотелось потрогать этого человека, подергать его за бороду, чтобы убедиться, что он существует наяву.

— Познакомься, Ваня, с Сергеем Романовичем, родным братом Данилы Романовича,— проговорил Могутченко за спиной Полозова.

Могутченко даже не заметил того, как был поражен Полозов. Зато, когда Козаринов и бойцы вывели из предбанника уже окончательно присмирившего бандита, поражаться пришлось Могутченко. Он даже крикнул от изумления.

— Бывает же,— покрутил он головой.— Как катера одной серии...

На Сергея Романовича встреча с этим помятым и бледным от потери крови двойником произвела совсем другое действие.

— Вот когда встретиться пришлось,— глухо проговорил он.— Не подох, значит.

Старший Когут вздрогнул и поднял голову. В глазах его вспыхнули огоньки неумной злобы.

— Встретились,— прохрипел он в ответ.— По — другому бы я хотел с тобой поздороваться, братуха.

Больше ничего не было сказано между ними, самыми близкими людьми по крови и самыми лютыми врагами в жизни.

Уже когда раненых уложили в автодрезину, Иван вдруг вспомнил про деревянную ногу двойника и послал за нею бойца.

— Ни к чему она теперь,— слабо, как бы в полубреду, проговорил двойник.— Не прошел номер. Не пофартило.

— Пригодится,— ответил за Ивана Могутченко.— Мы тебя на суд на этой ноге приведем. Пусть люди видят, от какой мрази они шарахались.

Но Иван правильно понял слова бандита и, желая окончательно сломить его волю, насмешливо добавил:

— Промахнулся ты со своей ногой. Сильно промахнулся. Спектакль в Богородском на кладбище зря устраивал.

И вынув из — за пазухи сверток, добытый им из деревяшки Данилы Романовича, показал его бандиту.

Посеревшее лицо преступника исказила гримаса злобы. Он дико, почти взглядом сумасшедшего смотрел на Ивана. Но тот, выдерживая взятый тон, насмешливо подмигнул ему. Старший Когут отвернулся к стене я глухим от злобы голосом сказал:

— Раньше нас схватил, значит, гад. Твой фарт. Только ведь тебе — то, дураку, от этого богатства пользы не будет. Эх, и как же мы тебя проглядели. Больным прикинулся, стерва.

Боец притащил деревянную ногу двойника, и Полозов внимательно осмотрел ее. Так и есть. Нога была даже в деталях сделана так, чтобы походить на ногу Данилы Романовича. Даже белая войлочная подушка, на которую опирается колено, была по краям аккуратно обшита кожей, а кожа, в свою очередь, прибита к деревяшке обойными гвоздями с медными шляпками. Теперь Иван окончательно убедился, что означали следы на снегу и почему погиб Старостин.

— Дурак, какой все — таки дурак, — с глубоким убеждением проговорил Иван, бросая деревяшку на пол кабины.

— Ты это о ком? — уставился на него подошедший Могутченко.

— О себе, конечно, — успокоил его Полозов.

— Самокритика, значит. Валяй, — добродушно согласился начальник отдела. — Может, поновей что — либо скажешь?

— Сейчас посмотрим, как ты запоешь, — загадочно усмехнулся Иван. Он снова вытащил спрятанный было сверток и показал его Могутченко.

— Что это? — недоверчиво глядя на сверток, спросил начальник отдела. — Неужели?..

— Вот именно, — торжествующе ответил Полозов. — Это то, из — за чего эти мерзавцы убили Галину и Данилу Романовича.

ХII Эхо таежных боев

Уже светало, когда обе дрезины затормозили около казармы взвода охраны. Могутченко, Полозов и Сергей Когут пошли к казарме. Козаринов с бойцами начали высаживать раненых бандитов.

Не дойдя до казармы шагов тридцать, Полозов остановился и прислушался. Остановились и его спутники. В казарме определенно творилось что — то недоброе. Слышалось чье — то рычание, кто — то вопил и на кого — то кричал Леоненко.

Полозов со всех ног кинулся к казарме. Могутченко и Когут за ним. Распахнув двери казармы, Полозов замер. Стол, табуретки, скамейки, сундучки бойцов, обычно аккуратно стоявшие на краю нар, все валялось как попало в полном беспорядке. Посреди этого хаоса яростно метался доведенный до крайней степени бешенства Немко. За ним гонялся Леоненко, пытавшийся прикрутить веревкой к телу хотя бы одну руку беснующегося.

Немко, казалось, не замечал ничего. Схватив за опояску связанного по рукам и ногам человека в полушубке, он молотил им как снопом по чему попало. Избиваемый орал изо всех сил.

Быстрее всех на происходившее отреагировал Сергей Когут. Отстранив растерянно остановившегося в дверях Полозова, он шагнул вперед и схватил Немко за руки. Яростное рычание идиота сменилось криком боли. Немко отпустил свою жертву. Когут завел руки Немко за спину и Леоненко старательно связал их.

— По какому поводу побоище? — спросил Могутченко.

— Ну и силенка у вас, товарищ, — не замечая, что Могутченко ждет ответа, восхищенно проговорил Леоненко. — Ведь Немко — то настоящий битюг. С ним только оглоблей справиться можно. А вы как с мальчиком.

— Что здесь произошло? — повторил вопрос начальника Полозов.

— Это я с ним, — указывая на Немко, доложил Леоненко, — политработу провел.

— Политрабoтy?!— удивленно, чуть не в один голос, переспросили Могутченко и Полозов, оглядывая обычно блиставшую чистотой, а теперь разгромленную комнату.

— От твоей политрабoтy всегда люди бесятcя?— насмешливо спросил бойца Могутченко.

— Люди нет, не бесятcя,— не поняв иронии начальника, ответил Леоненко.— Вначале все хорошо было. До Немко дошло, что поджигать склад — преступление. Он даже сказал, что хотел сделать это только по просьбе «Миколы Угодника». Тогда я объяснил ему, что это за «Угодник». Немко как будто все понял, успокоился. Я развязал его, напиток дал. Про то, что на кладбище в Богородском случилось, рассказал. А он спросил, почему «Микола Угодник» связанный лежит. Я снова ему все объяснил. Тут только до Немко дошло, что его обманули. Подошел он к «Угоднику», посмотрел, даже за бороду два раза подергал. «Угодник» его по матушке послал. Немко голос — то узнал и озверел, и начал... Если бы не вы, убил бы он «божьего угодника».

— Да он и так, по — моему, еле жив,— высказал свое мнение Сергей Романович.— Эй, Порфирий Севастьянович! Жив ты еще?

Полозов заметил, что веки лежавшего на полу «Угодника» дрогнули, но глаз он не открыл.

— Вы знаете этого гражданина, Сергей Романович?— спросил Могутченко.

— Давно знаю,— ответил Когут.— С детства. Отцы шабрами были. Потом он удрал за границу. В Харбине жил.

— Очень вовремя вы к нам приехали, Сергей Романович,— довольно улыбнулся Могутченко.— Ведь на установление личности вот такого, скажем, артиста, пришлось бы не один месяц затратить. Сам — то он ничего не сказал бы.

— Сейчас все расскажет,— мрачно пообещал Когут.— Я за брата с них шкуру сдеру. Слышишь ты...— тронул он носком сапога лежавшего «Угодника».

— Слышу,— слабым голосом ответил тот.— Напрасно ты, Серега, на меня разъярился. Я в этом деле мелкая рыбешка. Мое дело было этого дурака морочить. За это расстрел не дадут.

— Рассчитал?— насмешливо бросил в ответ Когут.— Плохо

рассчитал. За твои прежние делишки, за уход с белыми за кордон как раз и набежит точно на высшую меру.

— Прежние делишки давность покрыла, а за все, что сейчас... так я в полное раскаяние пойду,— еле шевеля разбитыми губами, объяснил «Угодник».— Я ведь в этом деле не главный, упорствовать и вилять не буду. Пашку — то ухлопали, что ли?

Ему никто не ответил. Могутченко жестом пригласил Сергея Романовича пройти в комнату Полозова.

— А что с Немко будем делать?— шепотом спросил Леоненко Полозова.

После короткого обмена мнениями Могутченко и Полозов решили освободить Немко.

— Ты с ним поговори,— сказал Полозов бойцу.— Чтобы на склад он ни ногой.

— Поагитируй в общем,— усмехнулся Могутченко.— Может, он еще кого отлупит.

В комнате Полозова, еще не успев скинуть полушубка, Могутченко потребовал:

— А ну, показывай, что ты сегодня ночью из старой деревяшки выудил?

Вытащив из пазухи пакет, Иван неторопливо повертел его в руках и даже взвесил на ладони.

— Да не тяни ты, чертушка,— не выдержал Могутченко.

Крепкая, хорошо пропитанная варом, толстая льняная нить скрипнула на лезвии ножа, клеенка развернулась, и вот на стол перед Иваном и его спутниками легли два куска карты и двойной лист хорошей линованной бумаги, весь исписанный крупным угловатым почерком Данилы Романовича. Могутченко взял лист и развернул его. Письмо покойного Когута на первый взгляд не имело определенного адреса. Оно начиналось словами:

«Если бы здесь был мой младший брат Сергей...» Прочитав эти строки, Могутченко подумал и протянул письмо старшего брата младшему.

— Прочтите вначале вы, Сергей Романович!— предложил он.

Пока, примостившись поближе к лампе, Сергей Когут читал письмо Данилы Романовича, Могутченко и Полозов занялись картой. Им обоим было ясно, что это два куска одного и того же листа крупномасштабной военно – топографической карты. Причем лист этот, прежде чем разрезать его на несколько кусков, предварительно обрезали по краям. Теперь невозможно было определить не только район, изображенный на карте, но даже ее масштаб.

Соединив совпадающие края разреза двух кусков, Могутченко и Полозов молча разглядывали их.

Изображенная на карте местность была сплошь покрыта лесом. Только ближе к центру листа виднелись края небольшой полянки. По обоим кускам карты тонюсенькой синей ленточкой петляла и куролесила какая – то маленькая речушка.

Кое – где через зеленую краску, заливавшую лист карты, тянулись пунктирные линии – пешеходные тропинки или охотничьи тропы. Никаких надписей, даже названия речушки или ручья на карте не было. Только на одном из особенно причудливых изгибов лесной речушки простым, черным карандашом был нарисован маленький кружок, а от него сантиметрах в трех стоял сделанный тем же карандашом крестик. Какие – то карандашные знаки ранее, видимо, были и на втором куске карты, но позднее чья – то рука стерла их.

— Н – да – да!— разочарованно проговорил Полозов.— Картина очень «ясная».

— Как в зеркале,— усмехнулся Могутченко.— Сто лет ищи это место, хрен найдешь. Хотя... в письме должны быть какие – то указания.

Полозов и Могутченко взглянули на Сергея Романовича. Тот продолжал читать письмо покойного брата. Брови его были сурово сведены. Видимо, в письме говорилось о событиях страшных и нерадостных.

Иван начал свертывать куски карты и только тогда заметил, что на обороте того куска, где стоял кружок и крестик, что – то написано. Почерк был Данилы Романовича.

«От камня, где кружок, тысячу шагов точно на запад. От поваленного кедра, где крестик, точно на Север до могилы. Копать

двадцать шагов за крестом».

— Все точно,— снова усмехнулся Могутченко, прочитав вместе с Полозовым эту запись.— Только в какой губернии находится этот камень и эта самая могила?

Иван повернул кусок листа, снова взглянул на карту. Расстояние от кружка до крестика было примерно равно расстоянию от крестика до края единственной полянки. Видимо, могила находилась или на самой поляне или в лесу около нее.

— Места эти мне знакомы,— вдруг заговорил Сергей Романович. Кончив читать, он тоже рассматривал карту.— Эта речка вообще — то вряд ли имеет официальное название, но охотники в этих местах зовут ее Суземка. От нее до нашего села верст тридцать.

— Вот это самое главное,— довольно пробасил Могутченко.— Карту к месту привязали, остальное дело времени.

— А что в письме?— не удержался Иван.

— Его, конечно, надо приобщить к делу,— протягивая Ивану письмо, сказал Сергей Романович...— Но многое для вас там будет не совсем понятным. Придется вам и меня допросить как свидетеля,— усмехнулся он.

— Действительно, тут зарыто что —нибудь путное?— спросил Могутченко, указав на отметки на карте.

— Безусловно,— подтвердил Сергей Романович.— Золото. Сколько, точно никто не знает. Некоторые называют цифру в три пуда, другие уверяют, что не меньше пятнадцати. Точно только одно, груз был увезен на восьми лошадях на вьюках.

— Ого!— воскликнул Могутченко.— Значит, кроме золота, найдутся и другие ценности.

— Говорили, что где — то в районе Суземки вместе с золотом зарыт архив контрразведки белых частей, орудовавших в предгорьях Алтая. Удирали от Красной Армии они сломя голову, грузы вывозить было трудно. Вот и закапывали ценности в трупобах, рассчитывая вернуться.

— Как же Даниле Романовичу удалось захватить карты?— спросил Полозов.

— Судя по письму, случайно. Три офицера, командовавшие остатками эскадронов, отходивших в предгорья, укрыли отряд около нашего села, а сами взяли четырех мужиков и приказали вести их в район Суземки. Закопав ценности, они на обратном пути, уже недалеко от села, расстреляли мужиков. Мужики — то ведь не только закопали золото, но и видели, как офицеры делили карту. Брат наткнулся на них уже в конце трагедии. Его внимание привлекли револьверные выстрелы, которыми белые приканчивали мужиков. Данило отомстил за односельчан. Два офицера свалились рядом со своими жертвами, а третий с простреленной грудью все же убежал в чащу. Из мужиков один оказался жив. Он — то и рассказал брату и про клад, и про карту. Брат перевязал раненого, забрал карты от убитых офицеров, но затем и ему пришлось уходить. Как позднее выяснилось, третий офицер сумел отбежать довольно далеко и выстрелами привлек внимание отряда. Но когда отряд прибыл к месту трагедии, жив был только один перевязанный братом мужик. Кстати, этот мужик родной брат того Парфенова, которого вы сегодня подстрелили на тропинке. Видимо, от Парфенова — то и стало известно о золоте, о карте и о том, что два куска этой карты хранятся у брата. Ведь третий офицер, хотя и успел поднять тревогу, умер еще до прихода отряда. Его и похоронили, не обратив внимания на клочок карты, который у него должен был лежать в кармане или полевой сумке.

Постучав в дверь и получив разрешение, в комнату вошел Козаринов.

— Арестованных прикажете там оставить или как? — спросил отделком.

— Казарму надо прибрать, — поняв невысказанную просьбу отделкома, ответил Полозов. — Бойцы всю ночь на ногах. Свободные от наряда пусть отдыхают.

— А арестованные?.. — начал Козаринов.

— А им не обязательно на нарах лежать, — резко перебил отделкома Могутченко. — Внесите их сюда. И на полу полежат до прибытия спецвагона.

Бандитов втащили в комнату, развязали им руки и устроили поудобнее на полу. Хотя «Угодник» и не был ранен, удары Леоненко и трепка, которую задал ему Немко, стоили обычного ранения. Пожалуй, из всех трех он наиболее нуждался во врачебной помощи.

Могутченко позвонил дежурному по станции и, узнав, что

паровоз с арестантским вагоном прибудет минут через двадцать — тридцать, сказал, обращаясь ко всем троим:

— Терпите, «вояки», через полчаса вас настоящий врач подремонтирует.

— Перед расстрелом, значит, подлечить решил, господин начальник,— отозвался с пола Павел Когут.

Полозов взглянул на него и с удивлением вынужден был признать, что ночные передряги и простреленная нога не сломили его. Павел Когут сейчас выглядел значительно бодрее, чем тогда, когда его выводили из предбанника.

Могутченко не успел ответить на ядовитое замечание раненого. Его опередил Сергей Когут:

— К сожалению, таков закон. Хотя для такой гадины, как ты, стоило бы отменить.

— Спасибо, братец,— смиренным тоном ответил Павел Когут,— порадел родному человеку.— Он явно издевался над братом.— Закон хороший. Пока лечат, пока суд да дело, всякое может случиться.

— Ничего не случится,— жестоко ответил Сергей Когут.— Подлечат тебя дней за пять — шесть, на нас, Когутах, раны быстро зарастают. А суда тебе ждать не придется. Это уж я постараюсь. Если надо будет — архивы подниму.

— Это какие еще архивы?— не скрывая тревоги, поднял голову Павел.

— Забыл? Все харбинские газеты писали, что тебя в двадцать первом трибунал заочно приговорил к вышке.

— Значит, в силе еще эта прибаутка,— улыбнулся Павел Когут. Но усмешка вышла кривой, а голос явственно дрогнул. Опираясь руками о пол, он подтянул раненую ногу и сел в углу комнаты, привалившись спиной к стенкам.

— Ты, пес, скажи мне, как ты осмелился руку на родного брата поднять?— понизив голос, спросил Сергей, глядя на него ненавидящим взглядом.

— Не хотел я этого,— после долгой паузы ответил Павел Когут, глядя в пол.— Случайно это получилось. Он, Данило — то, первый за

револьвер схватился. Оборонялся я...

— А от Гали ты тоже оборонялся?— с той же обжигающей ненавистью допрашивал Сергей Когут брата.

Этот вопрос изменил ход разговора и словно зарядил Павла Когута новым запасом ярости.

— Между мной и Галинкой судьей быть никто не может,— скрипнув зубами, хрипловато ответил он.— Если бы она десять раз ожила, я бы ее десять раз убил.

— А слышал ты от нее хоть раз доброе слово?

— Я не слышал, и она моих слушать не хотела, сам знаешь. Я ей еще в семнадцатом сказал: или со мной, или в могилу. Сама выбрала, что хотела. Отстань ты от меня, иро — о — од!..— взвыл Павел Когут.

— Жаль, что ты тогда в девятнадцатом от нас за кордон ускользнул,— проговорил Сергей Романович и крупными шагами начал ходить по комнате. Нелегко ему давалось внешнее спокойствие.— Жаль, что не сумел разыскать твой след за кордоном. Успел ты, гадина, затаиться.

— Ну, за кордоном — то еще всяко могло получиться,— проговорил Павел.— Там ведь не совдепия.

Но Сергей Когут презрительно отмахнулся.

— Дурак ты, хотя и до ротмистра дослужился. Раздавили бы как клеща. И твои хозяева не пикнули бы,— пренебрежительно сказал он и, подойдя к Парфенову, сел на табуретку, предварительно положив ее набок, чтобы быть ближе к лежавшему на полу человеку.

— А вот тебя, Семен, я не ожидал встретить среди этой сволочи. Брат твой от беляков смерть принял, а ты с ними съякшался.

Парфенов лежал в стороне, хотя и рядом со своими соучастниками, но несколько отодвинувшись и повернувшись к ним спиной. Со стороны могло показаться, что он этим оберегает раненое плечо, но и Полозов, и Могутченко заметили, что дело не только в этом. Парфенов ненавидел и одновременно боялся своих однодельцев.

— Так ведь разве из рук вашего братана вывернешься,— с

тоскливой откровенностью проговорил Парфенов.— Сболтнул, я ему еще в конце гражданской про золотишко, ну и влип, как муха в бочку с дегтем. Павел Романович хорошо обучен, как жилы из людей тянуть.

— Чего ж ты, бабда, раньше властям про золото не рассказал?— укорил его Сергей Когут.— Давно бы это золото на хорошие дела пошло.

— Так ведь вместе с этим проклятым золотом и моя судьба закопана. Хоть ни капли правды в ней нет, а все же как докажешь,— так же тоскливо, мучаясь от душевной боли и от раны в плече, проговорил Парфенов.

— Да ты — то как туда мог попасть?— удивился Сергей Когут.

— Забыли, значит, Сергей Романович, что я почти три месяца у Колчака служил. Хоть и по мобилизации, да теперь поди доказывай. Верный расстрел или до конца дней на Соловках лямку тянуть. А у меня семья, сам знаешь.

— Кто тебе эту чушь намолол?

— Твой братуха, его слова. Я ведь ни в баню, ни в дом к Даниле Романовичу, когда это страшное дело случилось, не заходил. Сам позднее всех узнал, когда в народе говорить начали. А отвечать полной мерой придется, как и этим варнакам.

— Да, неважные у тебя дела, Семен,— задумчиво проговорил Сергей Когут.— Ну, посмотрим.

— Что же это за судьба, которая вместе с золотом зарыта,— не выдержал Иван Полозов.— Я и от Данилы Романовича про это слышал.

— Слух об этом подлом и грязном деле передается на ухо, и с глазу на глаз,— хмуро заговорил Сергей Романович.— Вряд ли до этого могло додуматься белое командование. Тут руку приложили или эсеры, или меньшевики. Вернее всего, пожалуй, меньшевики. Они всегда были специалистами на всякие подлости.

— Меншевистская порода нам хорошо известна. Они еще и сейчас гадить пытаются,— подтвердил Могутченко.

— Меншевики активно сотрудничали со всеми белыми правительствами Сибири. Когда они поняли, что навсегда сходят со

сцены,— продолжал Сергей Романович,— а их самих ждут приговоры ревтрибуналов, тогда — то и была придумана эта подлая провокация. Они стали писать письма, похожие на доносы, и доносы, похожие на дружеские сообщения. В этих письмах и сообщениях речь шла о делах, уже раскрытых белой контрразведкой, о большевиках, уже расстрелянных. Но в этих сообщениях организаторами провалов назывались видные большевики — подпольщики, руководители партизан, не попавшие в руки белых, и даже коммунисты, работавшие вдали от фронта? Выглядело все это весьма правдоподобно, так как люди, писавшие кляузы, то есть меньшевики, хорошо знали тех, на кого клеветали. Знали их характер, привычки, слабости, даже домашний быт. Ведь когда — то они были в одной партии, может быть дружили, да и после раскола отдельные меньшевики не раз, признав для вида свои ошибки, возвращались в партию. В общем писали убедительно. Конечно, если бы разбираться стали сразу, то клевета была бы разоблачена. Так случилось в свое время и с клеветой на брата Данилу. Но организаторы провокаций учли и это. Нужно было время. Пройдут года, кое — кто умрет, кое — кто уедет за границу и разобратся будет трудно. Свидетеля не допросишь, клеветника с оклеветанным на очную ставку не сведешь. Чем дальше пролежат такие бумаги, тем достоверней они будут казаться. Вот такой «архив», видимо, и зарыт на Суземке вместе с золотом. Этот выродок,— кивнул Сергей Когут на сидевшего в углу Павла,— над созданием клеветнических материалов тоже немало поработал.

Павел ничего не ответил. Только на губах его про — змеилась усмешка, мелькнула и исчезла. Но Полозов видел, что Павел Когут не только внимательно слушает, но и готовится чем — то и как — то ответить. Сейчас он сидел, привалившись спиной в угол, согнув здоровую ногу в колене и крепко упершись ею в плинтус пола. Левая рука его тоже опиралась о пол, а правая была засунута под полурасстегнутый полушубок.

«Всех нас готов сожрать, а больше всех родного брата,— подумал Иван и с облегчением решил:— когтями да зубами не многое сделаешь. Оружия — то у тебя, гад, нет».

— Я всегда был маленьким человеком,— раздался вдруг негромкий голос Парфенова.— Чего же они могли обо мне — то написать?

— А о тебе, Семен, там ничего и не может быть,— усмехнулся Сергей Когут.— Ты для них слишком мелкая рыбешка. Они повыше метились.

— А Павел — то Романович да и Порфишка такого мне наговорили...

— Облыжно меня приплетаешь, Семен, — азартно затараторил отдышавшийся «Угодник». — Облыжно. Ничего такого я тебе не говорил. Отрекаюсь и отрекаться буду.

— Эти трупы и тебя за собой в могилу тянули, — сказал Сергей Когут, — им хотелось... — Окончание фразы заглушил вопль Павла.

— Трупы, говоришь, варнак проклятый. Радуешься, сволочь, что теперь мы трупы. Не разгадали мы, что этот щенок, — кивнул он на Ивана, — хороший нюх имеет. А то бы ты узнал, какой я труп. Как запыхал бы склад да люди из лесосек разбежались, услышав, что мертвый Данилка из могилы выходит, вот тогда бы ты узнал, что трупы делать могут. Трупы! — Еще яростнее взвыл он. — В ящиках, что на Суземке вместе с золотом закопаны, для вас трупный яд подготовлен! Провокация, говоришь, клевета!.. Не все так подумают, когда те бумаги увидят! Кое — кто и поверит в те бумаги! Кое — кому даже выгодно, чтоб народ в те бумаги поверил! Думаешь, за золотом я сюда пришел?! Ха!.. Шел, чтоб ту бумажную заразу на вольный свет пустить! А ты говоришь — трупы! Ты тоже труп! Будешь трупом. Раз я гибну, так пусть весь наш корень сгинет. Трупы! Ты тоже труп! Ты уже полчаса как труп!

И вдруг, распрямив как пружину упертую в плинтус ногу, Павел бросился на Сергея, протянув к его горлу правую руку. На его ладони сверкнул блестящий полуобручек.

Как ни стремителен был бросок Павла, Могутченко отреагировал еще быстрее. Кулаком, в котором была зажата только что раскуренная трубка, он ударил взвившегося в броске бандита по лбу. Павел Когут грохнулся на пол у самых ног Сергея Романовича. Тот вскочил с побелевшим лицом и поднял звякнувший об пол полуобручек, выпавший из рук Павла.

— Куда ты смотрел? — обрушился Иван на вбежавшего в комнату отделкома. — Обыскал, что называется.

Козаринов с виноватым видом начал еще раз обыскивать потерявшего сознание Павла Когута. И в этот момент Иван впервые услышал, как может ругаться его начальник. Могутченко стоял спиной ко всем, рассматривая что — то в руке, и ругался. Такой забористой, увесистой, виртуозной брани «в надгробное рыдание», «в семь гробов», «в акульнуго печенку» и «пасхальные песнопения» не только Иван, но, видимо, и Сергей Романович никогда не слышал.

— Что с вами? — тронул Сергей Романович начальника отдела.

Могутченко, оборвав ругань, повернулся и показал свою ладонь с широко растопыренными пальцами. На ней лежал только мундштук. Знаменитая пенковая трубка не выдержала столкновения с черепом взбесившегося бандита.

Фигура Могутченко, с видом обиженного ребенка, взирающего на обломки своей трубки, была невероятно комичной.

Полозов и даже Сергей Когут, с лица которого еще не сошла бледность после пережитой опасности, еле сдерживали улыбки.

К счастью, в этот момент в комнату вошли начальник конвоя из прибывшего арестантского вагона и врач.

— Посмотрите сначала этого... — приказал Могутченко, кивнув на Павла Когута, и сунул в карман полушубка обломки трубки.

Через четверть часа раненые были перенесены в вагон. Перед уходом Могутченко сказал Ивану:

— Операцию ты провел хорошо. Считаю тебя вполне здоровым. Сегодня отсыпайся, завтра к вечеру пошлю тебе приказ. Получишь, сдавай дела Козаринову и вместе с этим, как его...

— Леоненко, — подсказал Иван.

— Вот именно, с Леоненко выезжай на Узловую в отдел.

На выходе из казармы Иван задержал Могутченко и, кивнув на ушедшего вперед Сергея Когута, спросил, понизив голос:

— Откуда он взялся?

— Ого! — многозначительно и тоже понизив голос, ответил Могутченко. — Он был чекист высшего класса, выучку от самого Дзержинского получил.

— Почему был? А сейчас?

— По линии Наркомата иностранных дел работает. Все время за кордоном. То с Чичериным, то с Литвиновым, — уважительным тоном проговорил Могутченко и, подняв кверху указательный палец, закончил: — Дипломат.

— Интересная у него работенка,— глядя вслед уже идущему по перрону Сергею Романовичу, задумчиво ответил Иван.— Тут голова нужна.

Могутченко с насмешливым любопытством посмотрел на своего подчиненного.

— Ну, ты не отчаивайся,— ободрил он Ивана.— Какие твои годы? Вот подучишься, может, тоже поумнеешь и на загранку попадешь. Тебе, главное, языки выучить, а хватка у тебя есть настоящая. Главное, подучиться.

— Иди к черту,— беззлобно ругнулся Иван.— Приеду, готовь новое задание. Нам и здесь пока еще работы хватит.

XIII Готов к новым заданиям

Через неделю, хорошо отдохнув, передав взвод Козаринову и попрощавшись с бойцами, Полозов в сопровождении Леоненко явился в отдел. Их уже ждали. Секретарь, паренек лет восемнадцати, сказал Леоненко:

— Идите, товарищ, в седьмую комнату к Павлову, оформляться, а вы, товарищ Полозов, к начальнику. Он про вас уже спрашивал.

Полозов вошёл в кабинет. Могутченко сидел за столом, ероша пальцами правой руки свои все еще густые, хотя и порядком поседевшие волосы. В левой руке он держал какой-то документ и был явно не в духе. Увидев вошедшего Полозова, он глазами указал ему на стул справа от себя и снова углубился в чтение документа.

— Ну что мне делать с этим болваном?— вдруг взорвался обычно спокойный Могутченко, перестав терзать шевелюру и стукнув кулаком по столу так, что он жалобно затрещал.— Не сажать же его в самом деле.

— Ты это о ком?— полюбопытствовал Иван.

— О твоём бывшем подопечном, которого агитировал этот самый, как его...

— Леоненко,— подсказал Иван.

— Вот, вот,— кивнул Могутченко.— После его агитации этот

болван чуть не угробил «Угодника», а сейчас попов колотит.

— Немко?— несказанно удивился Полозов.— С чего бы это? Ведь он верующий.

— А бес его знает, что на него нашло. Пять дней назад так отлупил попа из Акатово, что тот чуть богу душу не отдал. Попадья кинулась в Москву, видать, до патриарха добралась. И вот, пожалуйста, телеграмма, подписанная самим Петерсом. Принять меры и все прочее.

— Ну и отвечай, меры, мол, приняты, а с Немко что — нибудь придумаем. Да и случайность это. Просто вспомнил, как его «Угодник» обманул, ну заодно и попу всыпал. Сорвал злость, а теперь успокоится.

— Как бы не так,— злорадно усмехнулся Могутченко.— Сегодня, после заутрени, он так взбубетенил покровских попов, что они теперь боятся к церкви подходить,— сообщил Могутченко и вдруг громко крикнул:

— Ваня, пришли попы?!

— Пришли, товарищ начальник,— ответил из — за двери секретарь.— Я их приказал до поры в свободную камеру запереть.

— Да ты что, с ума спятил!— загремел Могутченко.— Люди у нас защиты ищут, а ты их в камеру.

— Они с радостью согласились, товарищ начальник,— ответил Ваня, появляясь на пороге кабинета.— Я им велел подождать на улице у крыльца, но они просят спрятать их куда — нибудь. Этот, который их излупил, тоже сюда пришел. Похоже, хочет еще добавить. Куда же им было деваться?

— Немко в Узловой?— удивился Могутченко. И затем, взглянув на Ивана, убежденно сказал:— Значит, и нашему попу влетит под завязку,— и помолчав, добавил:— Ну в этом деле я ему мешать не буду. У нас здесь поп настоящий контра, но умен. Никак его не прищучишь.

Могутченко помолчал и, взглянув на все еще стоявшего в дверях Ваню, сказал:

— Давай их сюда.

— Обоих?— спросил тот.

— Обоих.

Через минуту за дверью послышалось басовитое «Во имя отца и сына» и голос оторопевшего Вани:

— Валяйте без молебнов. Начальник ждет.

В узкую дверь кабинета боком протиснулся здоровенный мужчина с длинными волосами и широкой окладистой бородой. Ему было лет пятьдесят. Следом за ним проскользнул человек лет двадцати пяти, тоже длинноволосый, но без бороды. Оба были в черных рясах. Оба привычно обшарили глазами комнату и, не найдя иконы, истово закрестились на Могутченко, стол которого стоял в переднем углу.

— Садитесь,— пригласил Могутченко, кивая на стулья перед столом.

Оба подошли к стульям, потоптались, но не сели, а стали, опершись руками на спинки.

Могутченко уже пальцем указал им на стулья.

— Не можем,— прогудел бородатый.— Неверный филистимлянин аки Голиаф сокрушал наши чресла ботожьем, доколе сам не изнемог.

— Что же, он вас обоих сразу сокрушал?— заинтересовался Могутченко.

Бородатый, метнув на него взгляд исподлобья, промолчал. Зато молодой, не найдя ничего странного в вопросе начальника отдела, заговорил молодым свежим баском:

— Он, в ярости своей, ополчился на одного отца Игнатия. Я же, как диакон этого храма, кинулся на помощь отцу Игнатию. Ну тогда и мне досталось.

«Работать бы тебе где — нибудь на заводе, так ты своим басом в «синей блузе» всех девчат с ума бы свел. А ты в церкви канителишься», — подумал Полозов.

Но Могутченко интересовало другое.

— В общих чертах мне уже доложили о том, что натворил у вас этот самый Немко. Кстати, это же ваш контингент. Церковный элемент, так сказать. Вы все время его обхаживали. Святость в нем искали. Но мне непонятно, с чего он вдруг на вас ополчился. Расскажите подробнее, как это было.

Бородатый, пропустив упрек мимо ушей, заговорил:

— Я, как положено, правил богослужение. Вижу, среди молящихся стоит этот сумасшедший. Стоит и меня рассматривает. Потом уже, в конце службы, вижу, он отошел и в правом приделе образ Николая Угодника рассматривает. Николай Угодник у нас на образе в ризах изображен. Посмотрел Немко на образ и опять впереди всех молящихся стал и на меня глаза тарацит. Только с лица темнее сделался, аки сатана, что у нас около входа в храм изображен. Окончил я служение и не успел еще облачение снять, как он в ризницу вламывается. Отец дьякон хотел его остановить, так он отбросил отца дьякона как кутенка.

— Истинно так,— подтвердил безбородый.— Кулачищем под ребро двинул. Без дыхания оставил.

— Подошел этот идиот ко мне и начал что — то бормотать. Не пойму, что, но догадываюсь, что про Николая Угодника спрашивает и по — матерному лается, хотя и во храме находится. Потом схватил меня за бороду и начал дергать. Выдрать, видать, ее хотел нечестивец. Я для успокоения неразумного еретика благословлять его начал. Но, видать, сатана вселился в этого окаянного, и он почал меня избивать.

— Истинно так,— подхватил дьякон, едва бородатый умолк.— Вцепился этот ирод во власы отца Игнатия и давай его ивняковой палкой охаживать. Я сунулся, и меня четыре раза перекрестил окаянный. С плеча бил, нечестивец. Чудо великое, что мы живы остались.

— Пойдите,— перебил дьякона Могутченко.— Ведь у вас ризница маленькая. Как же Немко мог в ней с плеча палкой размахивать?

— А это уже не в ризнице, а посередине храма происходило,— объяснил дьякон.— Аки лев агнца этот нечестивец вытащил отца Игнатия во храм и там начал творить свое греховное глумление.

— Да — а,— протянул Могутченко.— Знатная у вас получилась баталия. А что, народу в церкви уже не было?

— Народу было еще достаточно...— начал дьякон, но под суровым взглядом бородатого умолк.

— Ну, нам все ясно, граждане попы,— начал Могутченко.

— Отец Илларион дьякон,— поправил начальника отдела бородатый.

— Ладно, дьякон, так дьякон,— буркнул Могутченко.— Идите, граждане, домой. Мы примем меры.

— Но вы его арестуете? Посадите?— чуть не в один голос спросили оба.

— Его нельзя сажать,— объяснил им Могутченко.— Он больной, нищий духом, по — вашему,— с немалой долей ехидства добавил он.— Идите домой. Мы примем меры.

Священнослужители ушли. Подойдя к окну, Полозов увидел, как они спустились с крыльца отдела на дощатый тротуар и, оглядевшись, дружной рысцой двинулись по улице, ведущей к выезду из местечка.

— Примем меры,— раздался за спиной Полозова голос Могутченко.— А какие меры принять, не придумаю.

— Знаешь, что,— повернулся от окна Полозов.— Поручи это дело Леоненко. Он сумеет чем — нибудь отвлечь Немко. А потом хорошо бы дать Немко какую — то постоянную работу. Конюхом, что ли, куда пристроить. Говорят, Немко коней любит. А то ведь он впроголодь живет.

— Пожалуй, ты прав, пошлем к Леоненко,— согласился Могутченко.— Это ведь с его агитации Немко начал угодников лупить. И работу найдем. Будет в нашем кавэскадроне дневальным помогать конюшни чистить.

— Верно,— рассмеялся Иван.— Только боюсь: как бы в благодарность за постоянную заботу Немко тебя в угодники не зачислил. Он ведь, хоть и идиот, а доброе отношение к себе понимает и ценит.

— Отстань,— отмахнулся Могутченко.— Меня — в угодники? Буровишь невесть что. Тут одно дело есть. Ты Логунова сейчас в лицо узнаешь?

— Артамона Феоктистовича?! Этого гада я на всю жизнь запомнил. Где он?

— Скоро приведут.

— На деле взяли?

— В том — то и вопрос, что еще не брали. Он даже не знает, что к нам идет, — ответил Могутченко и вытащил из кармана трубку. Но это была уже не пенковая красавица, а обычная, простая трубка. Могутченко с горьким недоумением взглянул на нее, повертел и, вздохнув, начал набивать. — Не брали еще, — повторил он. — Арестовывать пока нельзя, но на короткий повод взять нужно.

— Как же вы из лесосеки его сюда вытянули? — удивился Иван.

— Сам приехал. У него дома жена больная. Нашлись люди, посоветовали красавскому врачу направить ее сюда на освидетельствование. Здесь уж мы посоветовали врачам положить ее в больницу и лечить.

— Постой, — перебил начальника Полозов. — Ведь говорили, что у него старуха умерла. Значит, это молодая жена.

— Ну, не очень молодая. Ей около сорока.

— Артамону сейчас далеко за пятьдесят.

— Для него значит молодая, — улыбнулся Могутченко. — Она у него раньше за деньги работала, батрачкой называлась, а сейчас как жена бесплатно батрачит. Дело в том, братишка, — понизив голос, продолжал он, — что в Красаве все материалы в двадцать четвертом сгорели. Документов о художествах Логунова во время революции у нас нет, свидетелей разыскивать — дело долгое, а времени всегда не хватает. Логунов же, конечно, крутить будет. Но при тебе ему врать трудно будет. Ты про него много знаешь.

— Ясно, — кивнул Полозов.

— Только ты сядь вон в том углу, разверни газету так, чтобы Логунов тебя не узнал, и читай. Пусть он вначале поверт малость.

— В чем ты его подозреваешь?

— Во многом. Брехню про мертвого Когута он пускал не от

своего ума. Кроме того, за три недели два раза в Богородское ездил.

— Скажет, что на базар надо было.

— Скажет,— согласился Могутченко.— Сдается мне, что базар — это только прикрытие. На базаре он и полчаса не был, зато больше двух часов торчал в квартире, куда лучше бы ему не ходить. Подозрительно и то, что в Богородском все парни его артели побывали, причем не в базарные дни.

— В общем, полное покушение на подозрение,— иронически начал Иван, но Могутченко не дал ему договорить.

— Кажется, идет,— перебил он.— Садись, читай газету. Повышай уровень.

Едва Иван в дальнем углу развернул свежий номер «Известий» и отгородился им от кабинета, предварительно проткнув в газетном листе дырочку для наблюдения, как за дверью послышался голос Вани: «Входи, папаша! Ждут!»

Через отверстие в газете Ивану хорошо было видно, какое изумление отразилось на лице Могутченко, когда Логунов вошел в кабинет. Иван с трудом удержался от смеха. Видимо, начальник отдела, до этого не выдавший Логунова, рассчитывал, что в кабинет войдет сильный старик, способный на шестом десятке лет, в стужу и по пояс в снегу валить под корень столетние сосны. А вместо этого перед ним стоял худощавый, хотя и жилистый, мужичок, не более двух аршин ростом. Узенькая сивая борода, торчавшая клинышком вперед, красные с мороза щеки и хитроватые глаза, блестевшие из — под низко надвинутой лохматой шапки, делали Логунова похожим на мужичка — боровичка из детской книжки с картинками.

Логунов мелкими, но быстрыми шагами прошел почти до половины кабинета, сдернул с головы огромный треух и огляделся. Не найдя икон, он повертел шапку в руках, пощупал, крепко ли засунуты за опояску рукавицы, и успокоено взглянул на Могутченко.

— Логунов?— спросил начальник отдела.

— Логунов,— согласился старик и объяснил:— То ись Логунов Артамон Феоктистович. А есть еще Парамон и Ксенофонт — братья мои, потом родственники наши мужского пола. Логуновых в Красаве проживает шестнадцать домов. Самостоятельных хозяйств то ись.

— Работаете в лесосеке, живете в «аэроплане»?— уточнил

Могутченко.

— Мы артелью робим. Все сообщча. Валку, обрубку, ошкуровку, разделку. То ись казна от нас готовый матерьял получает.

— Садитесь,— Могутченко указал на стоящий против стола стул.

Но Логунов сел на один из стульев, стоявших у стены. Через отверстие в газете Полозов видел, что хотя его бывший хозяин держится внешне спокойно, он все же насторожен и встревожен.

— Много в вашей артели людей?— спросил Могутченко.

— Мы вдесятером робим,— ответил старик, и по голосу Иван понял, что тот еще более насторожился. Затем, видимо, стараясь повернуть разговор в привычное для него русло, Логунов попросил:— Вы бы посодействовали нам, товарищ заведующий, не знаю, как вас звать— величать. Точил мало на нашем участке. До полуночи бьешься, пока очередь подойдет. А ведь тупым инструментом работать неспособно.

— В артели все родственники и соседи?— не ответив на просьбу, продолжал расспрашивать Могутченко.

— Со мной только двое племяшей, а остальные так, пришлые. Даже не из нашей волости.

— Как же вы в одну артель сгуртовались?

— Начал я с племяшами собираться, прошел по соседям, не пойдет ли кто. Никто не пожелал. А эти, пришлые то ись, сами назвались. Одначе робят справно.

— Племянники ваши Парамоновичи или Ксенофонтовичи?

— Они сыны покойного брата Флегонта. С малолетства сиротами остались и около меня выросли. Сейчас уже в полную силу вошли.

— Значит, вы с племянниками и видели покойного Когута, когда он на озеро к проруби напиться приходил.

Логунов всего на какую— то долю секунды задержался с ответом, но и Могутченко и Полозов почувствовали, что этот вопрос сильно напугал старика.

— Да, с ними,— выдавил старик,— с Константином то ись и с Егором.

— Скажите, Артамон Феоктистович,— спокойно и даже дружелюбно спросил Могутченко.— Зачем вы все это наврали?

— То ись, как это наврал?— растерянно замигал глазками Логунов.— Трое ведь нас было. Я и племяши. Видели, как живого.

— Не было этого, гражданин Логунов,— перебил его Могутченко,— Прохвост, пугавший народ, до вас не доходил. До вас дошли только слухи. Вот вы ими и воспользовались, чтобы спровоцировать панику. Зачем вам это надо?

— Мы видели,— после короткой паузы упрямо повторил старик.— Все трое видели, около самой проруби. За полночь дело было. Народ уже спал, значит, и доказать никто не может, что мы его не видели. К чему этот пустой разговор, гражданин хороший. Приезжайте к нам да походите ночью около проруби, может, и вы увидите.

Он явно трусил и повысил голос, чтобы подбодрить самого себя. Он даже взял с соседнего стула свою шапку, как бы собираясь кончить разговор и уйти. Но Могутченко не обратил на это внимания.

— Вы знаете, Логунов, куда вас сейчас пригласили для разговора?— спросил он старика.

— Я впервой на Узловой,— ответил Логунов, рассматривая свою шапку, словно только что увидел ее.— Мне сказали, что о здоровий жены разговор будет.

— И о здоровий вашей жены поговорим, но вначале давайте познакомимся. Моя фамилия — Могутченко. Слыхали про такого?

Логунов уронил шапку на пол, но даже не заметил этого. Румянец сразу исчез с его щек. Он молчал, уставясь в пол.

— Вы мою фамилию слыхали?— повторил Могутченко.

— Как не слышать,— сразу осевшим голосом проговорил Логунов.— Тихой сапой, значит, меня взяли. Чтоб никто и не узнал, куда девался Артамон Феоктистович.

— Ну, что вы,— усмехнулся Могутченко.— Когда надо, мы не боимся арестовывать в открытую. Просто мы не хотели, чтобы про такого пожилого, как вы, человека говорили, что он враг советской власти. А вдруг, думаем, он не враг советской власти. С чего ему быть врагом? Он уже стар, живет спокойно, дом — полная чаша, хозяйство богатое, молодая жена даже надорвалась в уходе за скотом.

Могутченко говорил вежливо, даже с улыбкой, но в его взгляде и тоне голоса была неприкрытая насмешка и злость к этому съезжившемуся старику, похожему на попавшего в ловушку хорька.

— Хозяйством корить нечего,— окрысился Логунов.— Для власти тоже выгодно, когда мужик богат. С богатого мужика и шерсти больше настричь можно.

— По этому вопросу тоже можно поговорить, но позже,— еще шире улыбнулся Могутченко.— Сейчас главное выяснить, враг вы советской власти или нет.

— Никогда я властям врагом не был,— хмуро глядя в пол, ответил Логунов.— Всякая власть от бога, свыше нам дается то ись.

— Ну, раз советская власть от бога, то зачем вы ей вредите? По чьему заданию вы пустили слух, что мертвый Когут ходит по лесосекам? Кто поручил вам сорвать лесозаготовки?

Логунов даже при своем мизерном росте стал еще меньше, как будто усох. Его глаза перестали шарить по кабинету, а полные страха и ненависти уставились на Могутченко.

— По злобе под статью подводите, гражданин начальник,— хриплым голосом ответил он.— Никогда я против советской власти не злоумышлял. Нет у вас для этого доказательств.

— Зря запираешься,— перехватив разрешающий взгляд Могутченко и отложив в сторону газету, вступил в разговор Полозов.— Напомнить тебе прошлые дела? Рассказать, кто, кроме меня, об этих делах знает?

Пожалуй, Полозов, увидев ночью идущего к домику Данилу Романовича, был не так напуган, как перепугался Логунов, узнав своего бывшего батрака.

— Ва — ва — нятка?!— еле выговорил он.— А ведь говорили...

— Многое говорят,— усмехнулся Иван и, взяв стул, подошел поближе к Логунову.— Не перестал, значит, гадить советской власти, хозяин,— со злостью спросил он старика.— Все надеешься на перемены? Надеешься, что вернут тебе и паровую мельницу, и маслобойку и лесопилку? Сыновей загнал в контрреволюцию, погубил их, сейчас за племянников принялся. И Флегонт, братец твой, не просто умер, а расстрелян за организацию контрреволюционного мятежа на Черновке. Забыл, что ли?

Артамон Феоктистович молчал. Он только судорожно ловил воздух пересохшими серыми губами.

— Ну так вот, Артамон Феоктистович, я и подумал, стоит ли арестовывать старика, сажать его под замок и за решетку? Сдается мне, что вы во многом раскаиваетесь,— спокойно, словно не заметив вступление Полозова в разговор, продолжал Могутченко.— Сейчас, наверное, уже жалеете, что с меньшевиками и эсерами из Богородского спутались. Зачем вам это? Ведь все равно ничего не выйдет. Контрреволюция у нас вот где сидит,— Могутченко сжал свой огромный, словно чугунный кулак.— И пикнуть не дадим. А вам одно нужно — дожить спокойно, сколько там еще осталось, да напоследок богатым хозяйством потешиться, поскольку ситуация пока что этому благоприятствует. А о меньшевиках и о бандгруппе, которую вы к весне готовите, нам и племянники расскажут, если вы не захотите.— И, неожиданно сменив дружелюбный тон на суровый, Могутченко закончил:— Ну так как, Логунов, добром договоримся или крутить будешь?

Несколько секунд стояла напряженная тишина. Вдруг Логунов, мешком свалившись со стула, распластался на полу, звонко стукнув лбом о половицу.

— Помилуйте!— сквозь всхлипывания и вздохи визгливо выкрикнул он, подползая к столу Могутченко.— Бес попутал! Ни в жизнь больше и пальцем не пошевельну! Только отпустите умереть на спокойе!

Иван поднял Логунова с пола и довольно бесцеремонно бросил его на стул.

— Значит, поговорим без дуриков, в открытую,— удовлетворенно подытожил Могутченко.— Только запомните, гражданин Логунов, о нашем с вами разговоре ваши друзья в Богородском и лесосеке знать не должны. Ни одна душа чтоб не пронюхала. Поняли? Поэтому мы вас сюда через служебный ход провели.

Когда после долгого разговора с Логуновым Могутченко и Полозов остались одни, начальник отдела сказал:

— Картина по меньшевистскому гнезду проясняется, но Логунова с короткого поводка спускать нельзя. У него до самой смерти камень за пазухой будет. Не придумаю, кому это дело поручить?

— Вот те на?— удивился Полозов.— А я думал...

— Думал, что это новое задание для тебя,— закончил за него Могутченко.— Ты бы это дело лучше всех провернул, да тебе ехать надо.

— Куда?— удивился Иван.

— В Сибирь. Золото, которое ты разыскал, выкопать. Ну и бумажки эти...

— Ты это всерьез?— не поверил Полозов.

— Конечно, всерьез, а что?

— Я оперативник. Мое дело бандитов ловить,— обиделся Иван.— Золото пусть выкапывают эти самые, как их там, технологи, что ли?

— Геологи, грамотей,— укоризненно покачав головой, поправил Ивана Могутченко.— Учиться тебе, Иван, надо, позарез надо. Осенью на учебу. А пока, раз золото тебя не интересует, займись меньшевиками. Может, среди них будут и те, кто подлые бумаги рядом с золотом закапывал. А осенью поедешь учиться.

— Ну, до осени еще времени уйма,— повеселел Иван и, вытянувшись перед Могутченко по — уставному, подчеркнуто официально отрапортовал:— Сотрудник Иван Полозов вполне здоров и готов к выполнению любого задания.